

МАРИНА
ЗАБДЕНБЕРГ

КНИГА 3

ЛУНА
БЕРХОВНОГО

Annotation

Говорят, что встретить свою истинную пару невозможно, что все это сказки для волчат. Я встретила, вот только кто сказал, что дальше будет проще? У моего волка много врагов, и один из них похитил нашу дочь. Можем ли мы после этого быть семьей, не знаю. Смогу ли я его простить? Большой вопрос. Но одно знаю точно — свою дочь мы вернем любой ценой.

Финальная книга трилогии.

- [ГЛАВА 1](#)
  - [ГЛАВА 2](#)
  - [ГЛАВА 3](#)
  - [Глава 4](#)
  - [ГЛАВА 5](#)
  - [ГЛАВА 6](#)
  - [ГЛАВА 7](#)
  - [ГЛАВА 8](#)
  - [ГЛАВА 9](#)
  - [ГЛАВА 10](#)
  - [ГЛАВА 11](#)
  - [ГЛАВА 12](#)
  - [ГЛАВА 13](#)
  - [ГЛАВА 14](#)
  - [ГЛАВА 15](#)
  - [ГЛАВА 16](#)
  - [ГЛАВА 17](#)
  - [ГЛАВА 18](#)
  - [ЭПИЛОГ](#)
-

ГЛАВА 1

Венера

Место было мне незнакомым. Не сказать, что по густым зарослям джунглей можно понять, знакомы они тебе или нет, но это определенно был не лес на острове Рамона. Другие деревья, кустарники, гораздо более высокие, гораздо более... древние! И уже точно на острове верховного не было никаких пирамид, возвышающихся над непроходимой чащей леса.

Не сказать, что я была заядлой путешественницей. На самом деле, все мои путешествия начинались и заканчивались на страницах тревел-блогеров в социальных сетях, а острова Рамона – самая дальняя точка мира, в которой я побывала. Но о чудесах света мне было известно. Открывающиеся моему взгляду сооружения точно были чудом, но я не могла припомнить, чтобы видела что-то подобное даже на фотографиях. Что-то настолько древнее, будто их воздвигли сами Предки!

Я прошла к центральной пирамиде, трава приятно щекотала босые ступни, а вместо нормальной одежды мое тело прикрывали многочисленные бусы и украшения на груди и какое-то символическое тряпье вместо юбки. Я вошла в прохладу темного коридора, будто точно знала куда идти. Шла-шла, пока не вынырнула в большой зал, похожий на церемониальный, храмовый.

На его стенах оказались интересные картины, но я не стала их рассматривать, устремилась вперед, к женщине в белых одеждах, с длинными седыми волосами. Она сидела на скамье, напоминающей трон, и, кажется, не удивилась моему появлению. В отличие от меня. Меня удивляло все – несмотря на то, что я понимала, что сплю. Вот только этот сон был настолько реальным, насколько были реальными камень под ногами, своды над головой, прохладный воздух, что я вдыхала!

– Где я? – спрашиваю у нее.

– В храме Предков.

Я вздрогнула, по спине пробежал холодок.

– Я что... мертва?

Клянусь, от этой мысли у меня точно прибавилось седых волос, а женщина в белом лишь рассмеялась:

– Это место в мире живых, Венера. Пока что в мире живых.

– Что это значит? И откуда ты знаешь мое имя?

– Я Ману, что все знает.

– Приятно познакомиться, – пробормотала я, чувствуя себя донельзя глупо. Нормально болтать во сне с самой собой?

Она посмотрела куда-то выше моего плеча, и я осознала, что Ману слепа. Она не видит, по крайней мере, не так, как обычные люди или вервольфы.

– Почему ты сказала – пока? – вернулась я к своему вопросу.

– Все рано или поздно стирает время, – философски заметила женщина. – Я готова к этому. Но мне бы хотелось защитить своих детей.

Мое сердце болезненно сжалось, по нему будто полоснули острым лезвием.

– Я не смогла защитить свою дочь, – всхлипнула жалобно и опустилась на пол. – Ее забрали у меня. Отняли. Непонятно зачем. Для чего.

Хотелось обнять себя, пожалеть, в конце концов. У меня душа начинала болеть, как подумаю, что с моей доченькой. Точнее, она не переставала.

Но эта Ману не позволила мне расклеиться, резко поднялась и приблизилась.

– Я не могу защитить своих детей, но ты можешь!

От неожиданности, мне даже расклеиваться расхотелось.

– Твоих детей?

– Архипелаг Джайо. Все племена.

Архипелаг, на котором потерялся Рамон. Племена, которые похитили Мишель?

– Зачем мне это?

– Потому что ты тоже мать.

Она открыла рот, чтобы сказать что-то еще, но больше я ничего не услышала. Картинка перед глазами потемнела, чтобы затем наоборот взорваться светом, когда я попыталась распахнуть веки. Меня ослепило, и я крепко зажмурилась.

Поняла только, что где-то лежу, на какой-то постели, а вокруг гул двигателей.

Самолет? Я в самолете?

– Говорил же, вам понадобится помощь.

Доминик? Это Доминик! Откуда он здесь? Второй голос я тоже не с чьим не перепутаю.

– Как будто бы твое появление спугнуло эту тварь! – отвечает Рамон. – Она и так запаниковала. Сураза все рассказала.

– Сама?

– У нее не было выбора. Задницу теперь никто не прикроет.

– У них был другой план?

– План тот же, только они не рассчитывали на мое появление. На приглашение верховных на свадьбу. Все должно было пройти тихо. Доктор, – он цедит это словно ругательство, – сказала бы, что Венера скончалась при родах, а мою дочь все равно отдала бы мерзавке.

– Я рад, что ты успел. С Венерой.

– Я опоздал с Сарой.

Не знаю, чего я ждала, когда услышала голос Доминика? Например, что альфа все решил. Что помог Рамону. Что я проснусь, а дочь будет рядом. Но ее нет. И уже точно мне не хочется никому помогать. Никаким племенам. Мне бы помочь себе.

Дурацкий сон.

Это последняя мысль, прежде чем я снова уплываю в небытие. На этот раз без сновидений.

Когда я просыпаюсь в следующий раз, то чувствую себя лучше. Бодрее. По крайней мере, физически. И я действительно в самолете, только лежу не на постели, а в черном кожаном кресле, укрытая мягким пледом. Самолет мне не знаком, и он явно меньше того, на котором мы летали с Рамоном. Хотя все места заняты. Вервольфами. И среди них действительно...

– Доминик!

Учитывая волчий слух, а я наверняка возилась, все в курсе, что я не сплю. Но я старательно отвожу взгляд от Рамона в кресле по соседству. Кажется, у меня не прошло желание перекинуться и укусить его, причем далеко не так, как хотелось бы ему. Поэтому я сосредотачиваю все внимание на Доминике и на остальных.

– Мэтью! Чарльз! Моретт?

Я же здесь всех знаю! Моретт, могучий темноволосый волк, вовсе из стаи Хантера и Алиши. Значит, стаи объединились, чтобы... Зачем они прилетели? Я за эти месяцы так привыкла, что вокруг меня вилемийцы, что немного в шоке от количества легорийцев. Не просто легорийцев, вервольфов из стай, в которых я когда-либо была. Моих стай!

– Привет, Венера, – улыбается Доминик. Все улыбаются, они рады мне.

– Что вы здесь делаете?

В таком составе.

– Прилетели за тобой.

– Но...

– Знаю, мы расстались не лучшим образом, но это не значит, что я оставил бы тебя в беде. Перес попросил моей помощи, я прилетел, чтобы забрать тебя и твою дочь. Но опоздал, к сожалению. Мне жаль, что я не успел раньше.

Мы оба понимаем, что он имеет в виду. Да все, наверняка, понимают, что речь о моей дочери. Доминику жаль, а мне-то как жаль. Не описать словами.

На глаза наворачиваются слезы, и я чувствую, как Рамон сжимает мою руку. Крепко, но недостаточно, чтобы я не смогла высвободить ладонь и демонстративно от него отвернуться.

Ничего не изменилось. Я все ему сказала еще в Вилемие.

– Ты отвезешь меня домой? – я сосредотачиваюсь на разговоре с Домиником, а вот его взгляд скользит с меня на Рамона, словно что-то подсчитывая в уме, замечая каждый жест, каждую черточку.

– Да, Венера, мы летим в Крайтон.

На душе теплеет, даже не приходится вымучивать улыбку. Я улыбаюсь Доминику искренне.

– Я рада. Спасибо.

– Как ты себя чувствуешь?

– Нормально, – пожимаю я плечами. Насколько вообще можно чувствовать себя нормально, когда у тебя отобрали новорожденную дочь. При одной мысли об этом мне приходится делать дыхательную практику, стараясь замедлить биение пульса. – Чем меня усыпили?

Что мне влил Рамон, если даже мою волчицу свалило, и я проспала много-много часов?

– Это экспериментальная настойка от Хантера. Самая мягкая анестезия.

– Хантер еще и настойки делает?

– Только эту.

Это означает только одно – Рамон заручился поддержкой Доминика, и от этого обидно.

– Ты позволил использовать ее на мне?

– Я рассчитывал, что ты полетишь с нами по своей воле.

– Мог просто сказать, что ты в Вилемие, и я бы согласилась.

После всего, что со мной случилось, я бы улетела оттуда с радостью.

Доминик хмурится:

– Все не так просто, Венера. Микаэль тебя не отпускал.

А вот это новость!

– Почему?

Я жду ответа от Доминика, но отвечает верховный, и голос у него, мягко говоря, злой:

– Потому что ты назвала Рауля своим супругом и стала официально женой этого щенка. Микаэль заявил, что ты член его стаи.

Идея игнорировать Рамона и делать вид, что он невидимка, проваливается в самом начале. Мои глаза расширяются, а не посмотреть на виновника всех моих несчастий просто невозможно.

– То есть твой брат оказался еще большим *эсдеринос*? – вкрадчиво интересуюсь я.

– Ну почему же? – цедит верховный или уже бывший верховный. – Он выполнил твое пожелание. Позаботился. А Рауль и счастлив, что ты ему досталась.

Мы смотрим на друг друга так яростно, что, мне кажется, сейчас взглядами высечем искру, а может, не одну. Главное, не поджечь тут все, мы все-таки в воздухе!

– Знаешь, что? – рычу я. – Да каждый волк в стае Микаэля спал и видел, чтобы я выбрала его в качестве мужа.

– Конечно. Чтобы забраться к тебе в постель.

– Я была беременна, – возмущенно выдыхаю. Какая, к бесам, постель? Я же была круглая как шар, и вообще, даже мне, как волчице,

понадобится пару месяцев, чтобы восстановить форму.

Но, кажется, Рамон этого не видел. Или не понимал.

– Это не отменяет твоей сексуальности, твоих взглядов, как у трепетной лани.

– Лани?!

Нет слов!

– Твоего роскошного тела, в конце концов.

Хотя вру, слова есть.

– То есть ты только сейчас заметил то, что остальные давно знали?

– Я-то сразу заметил: после той ночи и появилась наша дочь. Просто не говорил тебе. Много чего не успел сказать, – последнюю фразу он добавляет устало, если не сказать с тоской в голосе.

Он вообще выглядит уставшим, сжимает и разжимает кулаки. Но я пресекаю в себе любую попытку проникнуться его чувствами, закрываю ее, как на краник. И только сейчас осознаю, что у нашего спора о моей сексуальности множество свидетелей – попросту, все присутствующие на борту.

Бес!

– Прошу прощения, – извиняюсь перед Домиником.

– Ничего, – альфа больше не хмурится, лишь продолжает внимательно изучать меня, нас с Рамоном. – Я понимаю, что вы не успели выяснить отношения.

– У нас с ним, – киваю на Переса, – больше нет никаких отношений.

– Даже если он вернет вашу дочь?

Вопрос с подвохом, и от Доминика я такого не ожидала, но, наверное, это что-то вроде мужской солидарности. У него же тоже есть ребенок, Анхель. С поправкой на то, что своего сына он не терял!

Я предпочитаю не отвечать на провокационный вопрос и возвращаю тему на Микаэля и мое неудавшееся замужество. Точнее, если верить Мику, как раз удавшееся. Предки, как сложно!

– То есть, альфа Мик все еще считает меня членом своей стаи? И получается... вы меня увезли без его разрешения?

– Я тебя выкрал, – отвечает Рамон.

– А я помог увезти, – добавляет Доминик.

– Это же международный скандал! – У меня волосы на голове начинают шевелиться от размаха катастрофы. Что, если Вилемия объявит войну Легории? Если Микаэль объявит войну Доминику? Вызовет его на бой, а я не буду знать, за кого больше переживать! Мик тот еще *эсдеринос*, но *эсдеринос* идейный. Он же действительно считает, что поступает правильно, и у него тоже жена, дети. Если он погибнет, как я потом посмотрю в глаза Рикардо и Терри?

– Мне надо вернуться!

– К Раулю? – рычит мой истинный, но я его игнорирую.

– Все объяснить. Расторгнуть этот брак. Сказать, что ты, Доминик, и твоя страна тут не при чем.

– Ты с ума сошла, женщина? – интересуется Рамон. – Вместе с моим братом. Он тебя не отпустит, сделает все по-своему.

– Хорошо, – встречаю его яростный взгляд, – а ты чем от него отличаешься? Меня никто не спрашивал, хочу ли, чтобы мою дочь отдали на эксперименты!

Рамона перекашивает, на лице играют желваки, а затем он поднимается рывком и уходит, предположительно в сторону кабины пилотов. Смотрю ему в спину, пока он не скрывается из поля зрения.

– Венера, – зовет меня Доминик. Мне уже стыдно за свою вспышку, стыдно, что он стал ее свидетелем. Еще ужасно осознавать, что из-за меня у Доминика могут быть проблемы. У всей Легории могут быть проблемы!

– Прости меня, – говорю смущенно. Без Переса на горизонте мне не хочется крошить и ломать окружающий мир, кричать гадости. – Надо было уехать тогда с тобой.

– Я рад, что не уехала. Учítывая, как Альма хотела тебя заполучить, и как бы мне ни хотелось это признавать, я вряд ли бы обеспечил тебе настолько идеальную охрану. Хорошо, что ты смогла родить здоровую дочь. Хорошо, что осталась жива сама.

Между нами лишь столик, Доминик сидит в кресле напротив, поэтому просто протягивает мне ладонь, и я хватаюсь за нее, как маленькая девочка за отца или старшего брата. В его ладонях сила. Такая же, как в ладонях Рамона, но я гоню эту ассоциацию прочь.

– Мы должны повернуть, – говорю я. – Вернуться в Вилемию. Иначе тебе придется биться с Миком.

– Разверну самолет, и мне придется сражаться с Пересом, – усмехается Доминик. – Но если без шуток, Рамон увез тебя, потому что считает, что в Легории тебе сейчас будет лучше. Это так, Венера? Или ты хочешь вернуться?

– Правильнее будет вернуться...

– Я не о том, что правильнее, а о том, чего хочешь ты. С Пересом, если что я разберусь.

– Он божественный, – у меня вырывается стон безнадежности. – Прямой потомок предков.

– Я уже понял, что придется постараться.

Доминик так спокоен и уверен в себе, что эта уверенность передается и мне. Но я не хочу для него проблем. А чего я хочу?

– Домой. Я хочу домой.

– Вот и славно.

До Легории оказывается не так много времени, я успеваю еще подремать, пообщаться с волками-близнецами из стаи Доминика и с самим альфой. Это позволяет мне немного забыться, вернуться в прошлое, где я чувствую себя дома, в безопасности. Пусть даже дома я ни разу вот так не летала на частном самолете.

Единственное, точнее, единственный, кто омрачает мою реальность – это Рамон. Он больше не делает попыток взять меня за руку или поговорить со мной по душам, но он все время находится рядом. Мелькает перед глазами. Отчего мне хочется попросить Доминика выдать ему парашют и выбросить Переса из самолета. Даже самой немного жутко от такой кровожадности! Впрочем, мне сейчас все равно. Мои чувства заблокировались, и единственная мысль, которая меня греет – я скоро буду дома.

ГЛАВА 2

Легория встречает меня проливным дождем и прохладной погодой. В принципе, нормальное явление в родных краях, после изнуряющей жары в Вилемие так вообще сказка. Не говоря уже о том, что погода под стать моему состоянию души. Такая же мрачная и плачущая. Впрочем, плачу я исключительно глубоко внутри себя, во внешний мир не пробивается ни слезинки.

Заморозка.

Нет, все-таки крайтонская погода не совсем меня олицетворяет. Вот если бы град пошел или снег, то возможно. Что вполне вероятно где-нибудь в Морийских лесах, на территории Доминика, куда мы сразу же едем. Здесь горы, и некоторые вершины даже летом укутаны снегом.

Поселение вервольфов несколько лет было моим вторым домом. Да, у меня была собственная квартира в Крайтоне: на гонорар, который мне платил Доминик, я сняла вполне сносное жилье. Но при этом я часто бывала в Морийских лесах, приезжала по делам стаи или в гости к Чарли.

Поэтому сейчас меня накрывает ностальгией, которую я испытываю при виде небольшого городка, аккуратных домиков, расположенных вдоль серпантина, уводящего на вершину холма, к дому альфы. Мы проезжаем по мосту, под которым течет быстрая, полная порогов река, и я ловлю это ощущение дома. Ловлю, пытаюсь поймать, и почему-то не чувствую такой радости, как раньше.

Будто дом у меня теперь в другом месте. А может, просто дело в этой вынужденной заморозке, куда я себя отправила?

Особняк альфы – трехэтажное каменное здание с деревянными внешними балками, больше напоминает замок, чем дом. Хотя бы потому что стоит тут уже несколько столетий. Но вот запущенным не выглядит: благодаря появлению Чарли в жизни Доминика, особняк даже больше расцвел, превратившись из мрачной махины в дом в том самом теплом смысле. И он нравится мне больше их особняка на побережье, у этого есть стиль, история.

Сейчас, правда, я все это отмечаю краем сознания. Или, скорее, осознания. Меня больше интересует Чарли, стоящая на ступеньках под балконом и держащая Анхеля на руках. Я хотела броситься к ней, уже толкнула двери замедляющего ход автомобиля, но Рамон меня удержал на сиденье.

– Ты что творишь, Венера? – рычит он.

– Хочу обнять подругу и ее сына, – цежу в ответ, мгновенно заводясь.

– А о себе ты подумала? Так же можно переломаться.

Он утрирует и изображает заботливого мужа. Вот только муж у меня теперь другой. До сих пор не приду в себя от мысли, что я сбежала от супруга.

– Какая тебе разница? – интересуюсь. Разницы вообще уже никакой – кортеж авто уже остановился. – Переломаюсь я или нет.

– Разница есть. Мертвой ты Саре не поможешь.

Имя моей девочки как выстрел в самое сердце.

– Ты жесток, – говорю я.

– Может быть. Если это единственный способ до тебя достучаться.

Я ничего не отвечаю, все-таки выхожу под дождь, наконец-то обнимаю Чарли и крошку Анхеля. Который уже совсем не крошка. Парень вырос, ему уже четыре месяца. Но именно в этот момент, при виде чудесного, со светлыми кудряшками и упрямым выражением личика, Анхеля плотина в моей душе рушится.

И обняв его, я начинаю рыдать.

Со стороны это, наверное, жутко, потому что Чарли широко распахивает глаза, она начинает в панике суетиться.

– Что... Венера? Прости! Мне не надо было выносить Анхеля, но я с ним почти не расстаюсь. Доминик, заberi его, пожалуйста!

От этого я плачу еще сильнее.

– Не надо, – прошу я. Как же неловко получилось, еще и напугала всех, в том числе Анхеля. Правда, его младенческий рев прекращается тут же, стоило ему перебраться на руки отца. Но Чарли уже обнимет меня и буквально тащит в особняк.

– Все хорошо, милая. Все хорошо. Ты дома.

Дом. Какое желанное слово, но все, абсолютно все вокруг делает все, чтобы я почувствовала себя именно так. Дома. Чарли окружает

меня заботой со свойственным ей рвением. У нее собственный малыш, но сейчас я чувствую себя маленькой девочкой в объятиях любимой матери, готовой порвать любого, кто причинит мне вред или боль. Она оттесняет Рамона, а может, он оттесняется сам, я не знаю, и ведет меня в гостевую спальню, где я могу наконец-то выплакаться. В ее объятиях, в тепле, в уюте.

Я плачу и плачу, будто во мне несколько грозовых туч с водой, но слезы спустя время заканчиваются, на моих щеках остаются лишь их следы, а на языке чувствуется привкус соли.

– Прости, что развела тут сырость.

– Ерунда, Ви, – Чарли хлопает меня по плечу, – я привыкла к плачущим вервольфам.

Я представляю, как стая по расписанию приходит поплакаться в жилетку первой волчице, и у меня округляются глаза.

– Я про Анхеля, – смеется подруга. – Если тебя это утешит, он плачет в разы громче, на весь лес слышно.

– Как много я пропустила, – говорю с сожалением.

– Да ладно, у нас было скучно. Уверена, что тебе есть, что рассказать.

– Да уж, мне было нескучно.

– Знаю, Ви, – она ободряюще сжимает мою руку. – Зато ты была в гуще событий и жила свою жизнь.

– В смысле, свою? – хмурюсь я.

Чарли теряет себя, но деваться ей некуда, уже сказала «А».

– Собственную, – объясняет она. – Мне казалось, что, когда ты жила здесь, в Крайтоне, то будто бы наблюдала за нами, но боялась жить сама. А теперь все изменилось.

Подруга нервно смеется и поднимает руки:

– Я не говорю, что то, что случилось – хорошо, Владыка упаси! Но, наверное, было и хорошее.

– Да, – соглашаюсь я. – Я родила дочь. У меня была дочь.

– Венера, у тебя есть дочь, – напоминает Чарли, глядя на меня с искренним беспокойством и участием, но я отмахиваюсь от ее слов:

– Можно мне отдохнуть?

– Да, конечно.

Чарли уходит, оставляя меня в любимой гостевой комнате, в которой я оставалась раньше, когда нужно было задержаться в

Морийских лесах или рано начать работать. Нежно-лиловые обои, мебель из светлого дерева, мягкое покрывало на постели, кушетка у изножья, на которой мы с подругой и сидели. На мне больничная одежда, еще было мужское пальто, но его я потеряла где-то по пути в спальню, а может, кто-то стянул его с моих плеч, пока я боролась со слезами. Неважно.

Все неважно.

Я бреду в ванную, здесь она личная, стаскиваю с себя грязные опостылевшие тряпки, скидываю их на пол и долго греюсь под струями обжигающей воды. Пока кожа не покраснеет и не сморщится. Ожидаемо бодрости мне это не дарит, пусть даже настойка Хантера уже давно выветрилась из моей крови, и сложность перелета и усталость делают свое дело – я даже не помню, как дохожу до постели. Кажется, мне снится, что это Рамон подхватывает меня и переносит на постель, вытирает полотенцем и укутывает в теплое одеяло.

Бред! Верховный никогда обо мне так не заботился. Точнее, заботился, но исключительно в моменты, когда меня хотели убить. Значит, это просто сон, и во сне я прижимаюсь к нему, обхватываю руками и ногами, и падаю еще глубже.

Туда, где даже снов нет.

Утром, или какое сейчас время дня (за окном дождь такой, что не разберешь), мне даже аромат его чудится, но вторая половина кровати не примята – я спала одна. Не знаю, чего во мне больше: облегчения или разочарования. Вроде, второго вовсе не должно быть, но оно есть. Я разочарована, что Рамона нет рядом. Может, его даже в доме нет.

Но он есть. Мне достаточно спуститься на первый этаж, как я улавливаю аромат истинного. Раньше, чем запахи остальных. А в большой гостиной оказываются все мои друзья: Доминик и Чарли, Хантер и Алиша. И Рамон.

Предки, когда-то я мечтала собираться парами, и чтобы у меня тоже была пара. Намечтала! Теперь вид развалившегося в кресле Рамона вызывает у меня исключительное желание отметить это обратно.

Сейчас он выглядит лучше, более отдохнувшим, и бороду сбрил, оставив небольшую щетину, которая, как бы ни не хотелось это признавать, ему идет. А так он, в принципе, всегда выглядит победителем по жизни. Особенно, когда сменил бесформенную

толстовку и джинсы на привычные строгие брюки и белую рубашку. Как назло, я оделась похоже: костюмные брюки и молочная блузка под горло в стиле Сиенны. Нашла среди моих же вещей, что мне доставили. Никогда я не выглядела такой резкой, я всегда добавляла в свои образы плавных женственных линий, а здесь поняла, что теперь хочу другого.

Будто мне хочется одеться в рыцарские латы.

Я знала, что Рамон почувствовал меня, как его почувствовала я, но повернулся он к двери последним. Его глаза едва уловимо сверкнули оранжевым, но с места он не сдвинулся. В отличие от остальных: Алиша подскочила и обняла меня, мазнув темными длинными волосам по плечу, высокий Хантер тоже поднялся, пожал мне руку, как любитель человеческих традиций. Доминик похлопал меня по плечу, а Чарли оттеснила ото всех желающих меня потискать, как истинная защитница, и подтолкнула к дивану.

– Куда вы дели Анхеля? – поинтересовалась я.

– Он под присмотром няnek, – ответила Чарли. – В кои то веки можно поужинать «взрослым» составом.

Впрочем, я не спешила садиться. Как бы ни не хотелось портить чудесное воссоединение с друзьями, я понимала, что Рамон тоже будет ужинать.

Чем дико испортит мне настроение.

– Прошу прощения, но я не буду ужинать.

– В смысле? Ты же больше суток не ела. Неужели не хочешь? – Прямолинейность Чарли всегда сбивала меня с толку, но тут я решила, что пришло время у нее этому поучиться.

– Хочу, но я хотела сделать это в семейном кругу.

– С Рамоном что ли? – нахмурилась подруга.

Я посмотрела истинному в глаза.

– Без Рамона.

Следующая неловкая пауза достойна театральной тишины на пике кульминация спектакля. Неловкая для всех, но не для меня. Я слишком устала притворяться и подстраиваться, заботиться о чьих-либо чувствах, только не о своих. Я устала надеяться, что с этим мужчиной у нас может что-то получиться. Точка.

Он это понимает. Он это прекрасно понимает, потому что разом мрачнеет. Из-за его мрачности даже окружающая обстановка теплой

гостиной с настоящим пламенем камина и едва уловимым потрескиванием поленьев выцветает, впуская холод и безразличие.

С таким же безразличием я смотрю на того, о ком мечтала последние несколько месяцев. С безразличием, с выжиданием. Что он станет делать? Уйдет? Или останется, и тогда уйду я?

Я перевожу взгляд на остальных: будь у меня силы, и не будь во мне вернувшейся заморозки, в нем читался бы вызов. Вызов женщины, которой больше нечего терять. Но сейчас там лишь ожидание. Как в телефонном звонке на номер техподдержки – режим ожидания. Доминик хмурится, Хантер удивленно приподнял бровь, Чарли приоткрыла рот, очевидно, от моей наглости, а Алиша закусил губу и почему-то смотрит на Рамона. Наверное, для них это и есть вызов, а я жду ответа. Жду, закончится ли на этом гостеприимство друзей, и для кого.

Для Рамона или для меня?

Тишину нарушает Чарли, она вообще не умеет молчать:

– Венера, он же твой истинный!

– И что? Кто-то там сверху решил, что мы физиологически совместимы, и я теперь привязана к нему на всю жизнь? Я думала, ты поймешь меня лучше всех, ты родилась человеком.

– Я да, – поджимает губы подруга, – но ты-то родилась волчицей.

– Я изначально была с дефектом.

– Или тебе нравилась эта мысль, – вот это уже не Чарли говорит, а Рамон.

– Что? – переспрашиваю я.

– Тебе нравилось думать, что ты с дефектом.

– Ты мне сейчас решил сеанс психоанализа устроить?

– Нет, – качает он головой, – просто снова убедился в том, что мы действительно истинная пара. Насколько ты знаешь, я тоже родился с дефектом.

Он смеется? Издевается надо мной?

– Ты родился божественным.

– А толку от этой божественности? Счастья мне это не прибавило.

Ровно до встречи с тобой.

Его слова цепляют, корябают сердце стальными когтями. Рамон мог покорить меня такими словами там, в нашу первую встречу. Я еще

могла бы им поверить, когда он заслонил меня от пуль на острове. Но не сейчас.

– Меня это должно волновать?

– Я тебе говорил, – Доминик не понижает голоса, да и ни к чему это в обществе вервольфов. – Когда они начинают общаться, никого другого не существует.

Я оглядываюсь на друзей:

– Прошу меня простить. Я не хотела ставить ультиматумов.

– Но поставила, – подмигивает Хантер.

– Поставила, – соглашаюсь я. – Потому что мне слишком больно находиться с ним в одной комнате.

Раньше, чтобы признаться в своих чувствах, мне требовалось усилие, но сейчас я будто под анестезией. Я говорю «больно», но мне, наверное, не больно. Эта рана просто саднит, как порез.

Чтобы всем не сделать еще более неловко, я подвожу итог:

– Поэтому я ухожу.

– Уйду я, – поднимается Рамон. – Не из гостиной, а вообще. Я не стану злоупотреблять гостеприимством и уеду отсюда завтра.

Я этого хочу? Хочу! Тогда почему не наступает облегчение?

– Ты не обязан этого делать, Перес, – говорит Доминик.

– Знаю, но и ты в курсе, что мое дело не терпит отлагательств.

– В курсе.

– Я уйду сейчас, – повторяет Рамон, поймав мой взгляд, – но при условии, что мы поговорим наедине.

Кто бы сомневался, что у него найдется куча отмазок? Условий.

– Нет, – качаю головой, – мы друг другу все сказали.

– Не все, – отрезает он. – Даже далеко не все.

– То есть, ты не уберешься, если я не дам тебе пять минут?

– Вроде того, – он нагло складывает руки на груди. – Экрот обещал на ужин свиные ребрышки. Более того, я не уеду, пока мы не поговорим.

Это настоящая засада, потому что перетерпеть вечер и утро у себя в комнате я могу, а вот прятаться от Рамона постоянно – не лучшее времяпровождение.

Мои сомнения разбивает Доминик:

– Иди и поговори с ним, Венера. Это приказ альфы.

– Это жестоко.

– Зато ты сможешь сразу во всем разобраться. Мой кабинет открыт и свободен. Если что, там хорошая звукоизоляция.

Со стороны Доминика это не просто жестоко, это бессердечно, но приказ есть приказ, и, поднимаясь в его кабинет, я пытаюсь найти плюсы в этом разговоре. Пока вижу только один – Рамон после него уедет. Правда, не представляю, к чему все это. Эти беседы наедине.

Кабинет Доминика по-мужски строгий, с массивной деревянной мебелью, с книжными полками, узким диваном и с мягким ковром на полу. Когда мы входим, я включаю торшер, и мягкий свет вспыхивает, расплзается в попытке согреть своим теплом. Здесь не холодно, в стенах дома специальная система, которая делает температуру комфортной круглый год, но я обхватываю себя руками, чтобы эти самые руки чем-то занять.

Я честно готова слушать, но Рамон не спешит начинать первым. Он подходит ко мне, останавливается в паре шагов. Его взгляд скользит по мне, как там, в гостиной, будто обволакивает как тот свет, как тепло. Он настолько темный, настолько глубокий, что, мне кажется, в этой глубине вот-вот разгорятся оранжевые искры. Но они не разгораются, наоборот, глаза Рамона словно становятся еще темнее, а он меня гладит меня взглядом. Смотрит, будто старается каждую черту запомнить.

– Ты будешь говорить или смотреть? – не выдерживаю я первой. – Хотя я не против, мне без разницы, как ты используешь свои пять минут.

– Про пять минут сказала ты, – напоминает вервольф, и я чувствую, что меня надули.

– А ты подтвердил...

– ...что хочу, чтобы мы поговорили наедине.

– Да хоть двадцать! – я вскидываю подбородок. – Я тебе сказала абсолютно все еще там, в Вилемие. Когда ты позволил похитить нашу дочь.

Вот теперь его глаза вспыхивают оранжевым, вспыхивают и гаснут.

– Хорошо, – кивает он. Жестко, по-деловому. – Тогда говорить буду я.

Я развожу руками, показывая, что мне все равно. Мне действительно все равно. Все равно, я сказала! А то, что он меня злит

одним своим видом – это ничего, справлюсь.

– Я понимаю твои чувства. Понимаю твою боль. Потому что испытываю то же самое.

Да ты что? Это мне хочется сказать, но я вовремя вспоминаю, что собиралась молчать, и ловлю слова на подходе, захлопываю рот. Рамон понимающе хмыкает, но тут же снова становится серьезным.

– Я хотел ее. Предки, я так хотел этого ребенка. Да, я считал, что ты решила забеременеть от меня обманом. Околдовала меня чем-то. Не говоря уже о том, что я подумал, что это какой-то заговор старейшин на вверенной мне территории. Что Экрот хочет манипулировать мной с помощью ребенка. Поэтому забрал тебя. Поэтому, а еще потому что понимал, что хочу защитить его, своего волчонка, от всех проблем. Я думал, это будет парень. – Он улыбается, предки, я не помню у него такой нежной улыбки! И это сродни короткому удару в солнечное сплетение. – А когда узнал, что будет девчонка, растерялся. С парнями проще. Наверное. Можно водить на рыбалку, учить охотиться, как завязывать галстук. Ему можно передать дела. Волчицы – нежные, хрупкие создания, как ее воспитывать? Но чем больше я думал, что у меня будет дочь, тем больше понимал, что по-другому и быть не может. Что мне будет сложно, но я стану самым счастливым отцом на свете. И я им стал.

Комок в горле растет сильнее и сильнее, поэтому сглатываю я с трудом.

– Зачем ты все это мне рассказываешь? – спрашиваю, нарушив собственное же обещание. – Зачем, когда ее больше нет?

Рамон темнеет лицом, а черты его заостряются, выдавая звериное начало.

– Она есть, Венера. – В его голосе уверенность, которую я не испытываю. Уверенность или самообман? – Наша дочь жива.

– Откуда ты знаешь? Я ее не чувствую.

Я правда ее не чувствую. Пыталась несколько раз нащупать эту связь, как это было с Рамоном, но у меня ничего не вышло. Это как в пропасть кричать.

– Я не знаю, для чего она нужна этим монстрам, Рамон. Для каких... экспериментов. – Меня даже передергивает от подобного. – Жива ли она еще?

– Венера, – рычит он, так что я вздрагиваю, – она нужна Альме живой. Я в этом сомневаюсь. Экспериментов и прочей дичи, которую ты себе придумала, не будет.

– Она сумасшедшая, – зло напоминаю я. – У нее ребенка забрали.

– Тогда тем более понятно, зачем она похитила Сару. Она хочет себе дочь, а значит, не причинит ей вреда.

Не причинит вреда? Ее у матери родной забрали! Лишили ласки, молока, любви. Не говоря уже о том, что...

– Это всего лишь. Твои. Домыслы, – я чеканю каждое слово, потому что надежда уже проникла в меня, отравляя своим теплом. Пропливаясь кислотой на мое раненое материнское сердце.

– Тебе проще смириться с тем, что она погибла? Ты хочешь этого?

Все мое безразличие, которым я себя окружила, трескается как скорлупа, я с рычанием бросаюсь на Рамона:

– Да как ты можешь! Как ты можешь тыкать в меня этим? Это все твоя вина! Твоя! Ты это допустил!

Я хватаю его за лацканы пиджака, трясу, но он не сопротивляется. Мне кажется, даже если я перекинусь и буду рвать его когтями, Рамон не пошевелится. И это отрезвляет. Мне еще расплакаться на его плече не хватало для полного счастья, а затем помириться. Ну конечно! Он же убедил меня, что нашу дочь не затыкают до смерти иголками!

Поэтому я отдергиваю руки, отступаю, закрываюсь в свой кокон заморозки.

– Ты права, – говорит Рамон. – Я сделал свой выбор, спасал тебя, когда нужно было следить за дочерью.

А вот перекладывать на меня вину не надо!

– Я этого не просила.

– Это мой выбор. Но и дочь я не собираюсь отдавать Альме. Завтра я начну поиски Сары, поэтому улетаю из Легории. Я обещаю тебе, что верну ее. Но ты можешь поехать вместе со мной.

– Чтобы – что? – вырывается у меня. – Чтобы надеяться, а затем снова обмануться? Снова тебе довериться?

– Да, – говорит Рамон. – Довериться. Поверить, что мы сможем стать семьей.

– Не сможем, – отрезаю я, и новая тень набегает на лицо истинного.

– Тогда хотя бы поверить в то, что вы снова сможете быть вместе.

Поверить? Сердце кровоточит от этой мысли. От этой неопределенности. Сиенна хотя бы знала, а я... Я не знаю, что меня ждет. Что ждет нас с малышкой. Просто хочу подержать ее на руках. Поцеловать маленькие ручки и ножки. Услышать ее улюлюканье, смех. Предки, это все, что я хочу. Большого не надо. За это я готова даже умереть.

– Уходи, Рамон, – прошу я устало и поворачиваюсь к нему спиной. Будто на книжных полках самые интересные в мире книги! Но названия на корешках расплываются перед глазами. – Уходи, пожалуйста. Если ты вернешься... Когда ты вернешься, может быть, тогда мы поговорим.

Нет, это не объявление войны, я не выдвигаю условия. Я складываю оружие.

Истинный делает шаг ко мне, подходит так близко, что почти меня касается. Но не касается. Я чувствую его аромат, его обнимающее тепло, близость, которая становится почти невыносимой. Настолько она невинна и откровенна. Между нами несколько сантиметров, а по ощущениям целый океан. Завтра, возможно, именно так и будет.

– Вылет в одиннадцать сорок, – говорит он. – Если передумаешь...

– Не передумаю.

– Хорошо. Прощай, пена.

Он уходит, ступая мягко, а ощущения такие, будто уносит со мной сердце. Я ведь правильно поступила, тогда отчего такое гадкое чувство, словно я ошиблась?

ГЛАВА 3

Надо ли говорить, что ночью я сплю ужасно, ворочаюсь с боку на бок, то проваливаясь в сон, то вздрагивая от любого шороха. И дело не в резкой смене часовых поясов. Меня мучают не кошмары, а собственные мысли наяву. Мысли, сомнения. Разум твердит, что я поступила правильно. Но разум ли? Или обиженное эго? Не разумнее ли отправиться с Рамоном?

И что?! Куда я поеду? Зачем? За надеждой?

Миллион вопросов и ни одного ответа! Только потолок изучила вдоль и поперек, обнаружила легкую паутинку на светильнике: какой-то паучок постарался, а горничная не заметила.

Я так и не вернулась к друзьям. Поняла, что не готова к вопросам. К вопросам, к сочувствующим взглядам, к тому, чтобы держать улыбку. Попросила принести мне еду в комнату. И мне ее принесли. К счастью, сам повар, а не Чарли. Я почти была готова к тому, что подруга не вытерпит, замучается от любопытства и придет ко мне с допросом.

Не пришла.

То ли решила дать мне эмоциональную фору, то ли Доминик постарался ее убедить оставить меня в покое. Теперь, когда я ворочалась в постели, я даже жалела, что Чарли не пришла. Я, по крайней мере, могла выговориться и сейчас бы не считала овец. Впрочем, я сбилась еще на первой сотне и снова мысленно вернулась к Рамону. Точнее, к Саре.

Под утро я окончательно поняла, что не усну, и поднялась. Закуталась в халат, отыскала в ящике стола гостевой блокнот с ручкой и села писать. Этому приему научила меня Хелен: если не с кем поговорить, или тема для разговора слишком для тебя личная, и ты не готова это обсуждать с кем-либо – поговори с собой. Вылей все на бумагу, как на духу. Все свои чувства. Все эмоции. Все сомнения. Расскажи дневнику все, как самому лучшему другу.

Раньше я писала подобные дневники пачками. Писала и сжигала, потому что мне было стыдно за мои чувства. Потом я начала доверять Хелен. Затем я доверилась Доминику и Чарли, и в этих письмах в

никуда просто отпала надобность. Я перестала в них нуждаться. Но не сегодня.

Я изливала душу блокноту, как никогда и никому, рассказывая о том, как сильно у меня болит в груди. Как мне страшно за дочь. Как мне страшно за себя. За нас. Как я ненавижу Альму. Как я ненавижу Рамона за то, что он втянул меня во все это. И как ненавижу себя за то, что согласилась стать приманкой. За то, что была такой доверчивой. За то, что поверила, что могу быть счастливой...

На последнем предложении я споткнулась, дрожащими пальцами отложила ручку в сторону. Последнее было лишним. Я могу ныть всю ночь. Да что там, я могу ныть всю оставшуюся жизнь. Но что это изменит? Принять тот факт, что я никогда не увижу Сару? Именно так бы мне посоветовала Хелен. Принять, что в жизни случается дерьмо в виде психопатов. Сначала Август, теперь Альма... Предки, у них даже имена похожие! Может, я притягиваю маньяков на букву «А».

Принять существование психопатов я еще могла. Это могла. Что я не могла понять и принять, это то, что откажусь от надежды найти дочь.

Ничего не сделаю.

Позволю своему эго, гордыне взять надо мной верх.

Если есть хоть крошечная вероятность, что Сара жива, и Рамон может ее вернуть! Хоть один процент! Почему я предпочитаю отказаться от надежды, вместо того чтобы бороться?

Я должна поехать с ним!

Не ради перемирия. Ради Сары. Ради себя. Вдруг я смогу помочь. Обязательно смогу!

Я должна ехать...

Эту мысль я еще помнила. Свою решимость тоже. Но вот проснулась я с затекшей шеей, скрючившейся и в обнимку с блокнотом. И подорвалась с постели, потому что часы на тумбочке показывали десять пятьдесят.

Не заботясь, как выгляжу, я выскакиваю в коридор и по запаху отыскиваю комнату Рамона. Но его там нет: постель застелена, вещей нет, не хватает только таблички «номер сдан». Тогда я несусь вниз, потому что аромат уводит к выходу.

По пути мне попадается сам альфа, я чуть не сбиваю его с ног. Чуть – потому что у Доминика хорошая реакция.

– Доминик, где Рамон?

– Он уехал, Венера. Как и обещал.

– Давно?

– Примерно с час. До аэропорта отсюда пара часов.

Как будто я не знаю! Я не успею, даже если отправлюсь немедленно.

– Можно ему позвонить?

– Конечно. – Доминик набирает его, но что бы вы думали... – Абонент недоступен. Возможно, он выключил телефон.

У меня нет слов. Просто нет слов. Именно тогда, когда он мне нужен больше всего, Рамон отключил телефон!

– Ты что-то хотела ему сказать, Венера?

– Да, – почти выкрикиваю я. – Что еду с ним! Но этот... эсдеринос выключил телефон!

Я зла. На него. На себя. На себя, потому что нужно было сразу идти ночью, как решила. Или вчера не быть такой категоричной. А теперь...

Я готова расплакаться от такой несправедливости, бесовы гормоны!

– Теперь я не успею, – всхлипываю расстроено.

– На машине нет, – кивает Доминик. – По воздуху – можешь успеть.

Вертолет! Конечно. Как я могла о нем забыть? Доминик приобрел его, когда Чарли была на последнем сроке беременности. На случай, если они будут в Морийском лесу в то время, как супруге наступит время рожать. Чтобы можно было доставить Чарли в Крайтон в кратчайшие сроки. Насколько я знаю, друзьям он так и не пригодился, но мог выручить меня сейчас.

– Я велю его приготовить, – говорит альфа, – а ты пока оденься и попрощайся с Шарлин. Она расстроится, если ты сбежишь по-легорийски.

В ответ на мой наверняка полубезумный взгляд он добавил:

– Венера, вы все равно не взлетите раньше, чем через десять-пятнадцать минут. К тому же, ты босая и в халате.

А-р-р-р! Доминик прав. Сто раз прав. Я хочу отправиться на поиски дочери, хочу догнать Рамона, но мне еще нужен пилот и обувь. Обувь точно нужна. Пилот, конечно, нужнее, но...

В таком раздразе я несусь в свою комнату. От бега даже ноют швы, разойтись уже не должны, но я заставляю себя немного замедлиться. Совсем чуть-чуть. Если у меня откроется кровотечение, Доминик меня никуда не отпустит. Подозреваю, что и Перес меня с собой не возьмет. В комнате я натягиваю первое, что попадает под руку: вчерашний брючный костюм, удобные туфли на низком ходу. Надо бы взять сменную одежду, но я не знаю, куда мы полетим, и какая там будет погода. Поэтому сгребаю несколько комплектов нижнего белья, футболку, джинсы, вельветовую куртку, косметичку...

Чарли появляется в моей спальне вовремя и приносит дорожную сумку.

– Так и знала, что тебе это пригодится! – восклицает она: – А еще это.

Этим оказывается мой паспорт, который Рамон забрал из моей спальни в Вилемие и передал Доминику. Если честно, я думала, что осталась без документов. Но Рамон и это предусмотрел.

Чарли помогает мне все быстро сложить, и мы идем к площадке, на которой уже раскручивает свои лопасти небольшой вертолет. Сумку несем вместе, хотя она оказывается не настолько увесистой, тем не менее моя подруга настаивает на том, что тяжести мне сейчас носить не стоит.

– Тебе тоже!

– Поверь, Анхель весит раза в два больше, – отмахивается Чарли. – Он могучий волк, весь в папочку.

– Ты не злишься, что я так быстро улетаю?

– Хм, я конечно хотела, чтобы ты осталась дома, с нами, но я бы, наверное, больше на тебя разозлилась, реши ты действительно остаться.

Мои глаза округляются.

– Почему?

– Потому что он твой истинный, который ищет вашу дочь. Я даже собиралась разбудить тебя утром, поговорить об этом.

– Что тебя остановило?

– Кто, – слегка краснеет Шарлин. – Доминик сказал, что нехорошо лезть в чужую личную жизнь. Он был настолько убедителен, что я почти поверила, что ему совсем не хочется сделать тоже самое.

– Почему ты считаешь, что ему хочется мне помочь?

– А почему он лично везет тебя в Крайтон? Конечно, он такой же как и я. Альфа, что с нас взять! Любим мы везде свой нос сунуть.

Я смеюсь и обнимаю Чарли так сильно, что она ойкает.

– Спасибо тебе, – целую я ее в щеку. – Спасибо за твою поддержку.

– Для этого и нужны друзья, правда? Напиши мне! Или позвони, как найдете ее.

Мое сердце пропускает удар.

– Если найдем.

– Когда! – настаивает Чарли, перекрикивая шум вертолета.

Я присоединяюсь к Доминику, закидываю сумку на заднее сиденья, а сама располагаюсь на соседнем. Быстро пристегиваюсь, надеваю защищающие от шума наушники, и мы почти сразу взлетаем. Сначала Чарли становится маленькой, потом их особняк, а после и поселение исчезает из вида. Мы летим над лесом, пролетаем над широкой рекой Ривермонт, над линиями шоссе. Мы летим так быстро, что я почти начинаю верить, что мы успеем.

Успеем же?

А если не успеем... Даже думать не хочу об этом. Где я потом буду искать Рамона?

И мне приходит в голову единственное, что я могу: снова воспользоваться связью истинных. Я всеми правдами и неправдами закрывалась от нее эти дни. С тех пор, как позвала Рамона в день свадьбы, но сейчас открываюсь. Не знаю, слышит ли он меня, но я прошу не улетать.

Прошу взять меня с собой.

Впрочем, только на эту связь и надежда. Потому что мы опаздываем на десять минут.

Обидно до слез, потому что мне казалось, что мы вот-вот успеем. Что должны успеть. Но просто кто-то полночи не спала, а потом, наоборот, спала слишком крепко. Но я смотрю сквозь стеклянную стену, как взлетает самолет, удаляясь в небо, и понимаю, что на нем вполне может улететь Рамон. Улететь на поиски нашей дочери.

Да что же со мной не так? Карма дырявая, или я просто каждый раз делаю не тот выбор? Что не так? Почему я не могла сказать, что подумаю? Или, например: «Постучись ко мне утром»? По-моему, эсдеринос в этой ситуации я. Точнее, эсдерина.

– Я узнаю, куда он отправился, – пообещал мне Доминик и ушел, а я опустилась на жесткое сиденье в зале ожидания. Опустилась, обхватила голову руками и занималась тем, что ругала себя последними словами. Доругалась до тех пор, пока мне вдруг не стал чудиться аромат Рамона. Тонкий, едва уловимый, но его я ни с чьим бы не спутала.

Он здесь сидел перед отъездом? Логичное предположение, но аромат не исчезал, а становился отчетливее. Тогда я вскинула голову и увидела истинного, идущего ко мне через зал. Точнее, уже подошедшего: пока я удивленно моргала, Рамон оказался на соседнем сиденье.

– Ты не улетел, – получилось с упреком. Но у нас с ним в последнее время без упреков не получалось общаться. – Почему ты не улетел? У тебя позже рейс?

Кровь ударила мне в лицо, и я почувствовала себя по-идиотски. Неужели он сказал мне неправильное время? Очередная ложь?

– Нет, – он качнул головой. – Пришлось пропустить наш коридор. До следующего, правда придется ждать два с половиной часа.

– Почему?

– Что – почему? Я услышал твой зов. Понял, что ты все-таки передумала.

Мы смотрим друг другу в глаза, так глубоко, что я не выдерживаю этого взгляда, отворачиваюсь. Гораздо проще смотреть на взлетные полосы. На серое, пасмурное, но бездождевое небо. Несколько месяцев назад мы улетели отсюда на острова, и я надеялась на все самое лучшее. А что сейчас?

– Почему тогда ты мне не ответил? Когда был на архипелаге.

– Я посчитал это последствиями горячки, а не твоей попыткой со мной связаться, – отвечает он серьезно.

– Попытками, – поправляю я. – Их было много.

– Теперь я внимательнее.

Рамон не пытается меня коснуться, но у меня возникает ощущение, что он поглаживает меня взглядом. Будто касается им. Я это чувствую кожей.

– Это ничего не меняет.

– Я уже понял.

– Я хочу найти дочь, и все.

– Я хочу найти ее не меньше твоего.

В этом мы точно заодно.

– И ты не отдашь ее Волчьему Союзу или кому-либо? – теперь я смотрю ему в глаза. Потому что мне очень важно узнать ответ.

– Никому и ни за что, – обещает Рамон так, что это похоже на клятву. – Она наша дочь. И будет с нами.

– Даже если мы будем не вместе?

В его глазах темнеют, он сжимает челюсти, но отвечает уклончиво:

– Давай для начала найдем ее.

Я в общем-то с ним согласна: только это сейчас и имеет значение.

– Пойдем, – он подает мне руку. – Сообщим остальным, что ты летишь с нами.

– Остальным? – хмурюсь я в замешательстве, но тут необходимость у Рамона отвечать отпадает, потому что в конце зала я вижу Доминика с Хантером и Алишей.

– Они тоже летят?

– Да, когда Хантер узнал, что мы отправимся на архипелаг Джайо, то предоставил в мое полное распоряжение свой частный самолет. С одним условием – он тоже полетит.

– А Алиша?

– Сказала, что одной в Крайтоне ей будет скучно.

Да ладно?! Насколько я знаю Али, ей никогда не бывает скучно в одиночестве. Я скорее поверю, что она будет скучать по Хантеру, но что-то мне подсказывает, что она тут из-за меня. Потому что друзья нашему с Домиником появлению не удивляются. Кажется, я единственная, кто тут искренне верил, что смогу остаться в Легории. Остальные считали, что я улечу с Рамоном.

Глава 4

Впрочем, оказалось Доминик меня со звонком Рамону не обманывал. Для него отъезд Хантера с Али тоже стал неожиданностью, но запретить им улететь он, естественно, не мог. Мог только пожелать нам всем удачи. Мне даже показалось, что он остался доволен тем, что Хантер присмотрит за мной. На этот раз расстались мы тепло: когда я заикнулась про то, что у него и Легории могут возникнуть проблемы, Доминик меня перебил и чуть ли не благословил на поиски дочери. Его объятия будто снова зародили во мне надежду. Надежду на то, что все получится.

В общем, мы вылетели по новому расписанию, и только в самолете я наконец-то узнала, куда мы летим.

– В Гежэль, – ответил Рамон. – У Артура и Альмы множество домов по всему миру, но, по словам Суразы, в Гежэле находится ее личный. Тот, о существовании которого ее спутник не знал.

– Не знал?

Обсуждать с Рамоном спасение дочери оказывается проще, чем наши неудавшиеся отношения, и я легко включаюсь в это общение.

– Если Мик выдал ему информацию, то он уже в курсе. И у него есть фора в пару дней.

То есть, за Альмой охотимся не только мы, но и Волчий Союз. Вот только мы ни разу не союзники.

– Почему тогда Хантер собрался к Джайо?

– Потому что это наш второй пункт назначения, – усмехается друг и прищуривает разноцветные глаза в предвкушении. – Если не найдем Альму в Гежэле. Да даже если найдем! Перес обещал мне пирамиды!

– Его там чуть не убили, – напоминаю я.

– Знаю, Ви, – вмиг становится серьезным Хантер. – И зачем мы летим туда на самом деле.

– Почему ты не полетел туда сразу? – спрашиваю у Рамона, стараясь всячески убрать из собственного тона претензию. Сейчас мы вроде как заодно.

– Потому что был занят тобой.

– Но я не важнее Сары.

– Для меня вы одинаково ценны.

На это мне нечего ответить. На это, на его взгляды. Нет, Рамон со мной не флиртует, он просто говорит правду, и именно этим меня раздражает.

Тем, что верит, что у нас еще может что-то получиться.

Гежэль – крупный город Нельского княжества, находится в четырех часах лета от Крайтона. Климат здесь теплее, а погода солнечная и по-настоящему летняя, поэтому пиджак я оставляю в самолете. Если честно, после легорийской прохлады и вилемейской жары, температура здесь одно наслаждение. Со стороны моря дует легкий бриз, повсюду вечнозеленые хвойные деревья и белые скалы. Голубое небо просто манит выдвинуться в сторону пляжа и провести там весь день, принимая водные и солнечные ванны. Если бы я не ненавидела Альму и человеческой, и волчьей ипостасью, то, наверное, в должной мере оценила бы ее выбор для резиденции зла. Но все, чего мне сейчас хотелось – чтобы дочь оказалась здесь. Никакое море или солнце не могло заменить мне ее улыбки.

Но по прилету выяснилось, что Рамон и Хантер не собираются нас с Али брать с собой и предлагают подождать в отеле. В симпатичном таком, в старинном и утопающем в розовом саду. Кажется, его выбрала Али.

– Это может быть опасно, – объясняет Хантер. – Учитывая, что тебя, Венера, Альма несколько раз пыталась убить.

Что-то за эти месяцы во мне изменилось, может, на меня действительно так повлиял материнский инстинкт. Или просто та Венера, что следовала правилам и всегда всех и во всем слушалась, куда-то подевалась. Потому что я сразу встала в позу.

– Зачем я тогда сюда ехала? Чтобы сидеть в отеле? Я еду с вами и точка. Или без вас, выбирайте. – Я с вызовом посмотрела на Рамона: – Тебе придется меня связать, если хочешь, чтобы я ждала в отеле.

Бесы, конечно, я блефовала! Потому что даже адрес не знала. Но была полна решимости ехать к Альме.

– Оставьте нас, – попросил-приказал Рамон, и мои друзья, хотя какие они друзья – самые настоящие предатели, вышли из номера. А он шагнул ко мне вплотную: – Nena-nena, не искушай меня, пожалуйста. Я такие игры не люблю, но для тебя сделаю все, что угодно.

Я вспыхиваю от его намеков, хотя давно должна уже привыкнуть.

– Поверь, верховный, мне это удовольствия не доставит, – цежу я.

– Как знать. Ты всегда была дерзкой. Ну и что с тобой сделать? Действительно связать?

– Тогда ты станешь еще более отвратительным...

Он бесцеремонно кладет палец мне на губы. Этот жест так остро во мне отзывается, что я отшатываюсь. Что, конечно, не укрывается от него.

– И у тебя появится еще один повод меня ненавидеть, – говорит он с досадой. – Нет, Венера, хочешь поехать со мной, пожалуйста. Но помни, что ты нужна дочери живой и здоровой.

– Конечно, я это знаю.

– От меня ни шагу, – ставит он условие. – Что бы ни случилось.

Я киваю. Вопрос в другом: что может случиться?

В итоге в отеле мы не задержались, даже Алиша поехала с нами. Не знаю, что по этому поводу думал Хантер, но он не сказал ни слова против. Значит, вот так выглядит равноправный брак? Все-таки есть плюсы в том, что твой истинный всю жизнь провел среди людей и уважает твои границы. Не грозит связыванием или чем похуже. Я же не знаю, почему Рамон согласился. Не хочет, чтобы я его ненавидела? Раньше его это не волновало. Раньше его вообще мало что волновало. А теперь?

Мы погрузились в авто: Рамон за рулем, я рядом, друзья позади. За нами выехали еще две машины с вервольфами, и, подозреваю, это было не простое сопровождение. До особняка Альмы оказалось всего полчаса пути. Если честно, я ожидала увидеть как минимум мрачный готичный особняк из фильмов, но моему взгляду предстал утопающий в зелени современный дом, со стеклянными стенами, выложенными прямоугольной плиткой дорожками, с бассейном, виднеющимся бирюзовой кляксой, и лестницей к частному пляжу.

В таком доме могла бы жить даже я. Хотя, признаться, мне больше нравились здания с историей, вроде особняка Доминика или дома Рамона на островах. Но я бы ни за что не поверила, что в этом доме может жить настоящая ведьма. Слишком невинно он выглядел. С другой стороны, по Альме тоже не сразу можно было сказать, что она тварь последняя. Хотя она мне изначально не понравилась. Ну почему я не послушала свою интуицию?

– Милое место, – озвучила Али мои мысли. – Красивое море и, наверное, теплое.

– Точно теплее, чем у берегов Крайтона, – подтвердил Хантер. – Уже жалеешь, что не осталась в гостинице?

– Мы сюда не отдыхать приехали!

– Правильно, волчонок, – сказал он нежно своей супруге. – И взяли мы вас с собой, чтобы вы сами вдруг не убежали. Но с Пересом пойдем в гости первыми, вы останетесь с Берном.

Берн – начальник службы безопасности Хантера, и он ничем не напоминает мне Хавьера. Коренастый, среднего роста, рыжеволосый – редкость среди вервольфов. Берн сдержанно мне улыбается, он вежлив, но что-то мне подсказывает, что от него не сбежать. Ни мне, ни Али.

– Рамон, ты сказал – от тебя ни шагу, – я приподнимаю бровь, когда он выходит из машины. Но на мои слова наклоняется и кладет ладони на опущенное стекло.

– Хорошая попытка, Венера, но сначала мы с Хантером убедимся, что Альма не оставила никаких сюрпризов.

Мое сердце пропускает удар.

– Бомба?!

– Не думаю, если это ее любимое место.

– Вдруг Сара там.

– Это мы и узнаем. Ни шагу из машины! – приказывает он и добавляет уже мягче: – Пожалуйста. Обещай.

– Даже если мне захочется подышать воздухом?

– Окна открыты.

– Хорошо. Я не сойду с места, доволен?

Он прищуривается, но все-таки уходит. Они берут половину вервольфов и спускаются к воротам дома, вторая половина сторожит нас с Али. Мы стоим на холме, поэтому территория особняка как на ладони. Через некоторое время ворота открываются, впуская непрошенных визитеров, и я вижу, как спустя пару минут они скрываются в здании.

И все.

Остается только ждать.

Как назло во мне поднимается жажда деятельности – та самая, что случается со мной всякий раз, когда я нервничаю. Поэтому я включаю-

выключаю музыку, перекладываю сумочку слева направо, перекидываю ногу на ногу. Почему я не попросила телефон? Он мне был не нужен на острове, в Вилемие, но сейчас бы пригодился! У Алиши точно есть, но я же не могу беспокоить Хантера по пустякам. Даже шрам заныл от этих нервов. Мне бы сейчас перекинуться, сбросить лишнюю, застоявшуюся энергию, регенерация пошла бы быстрее, но я пообещала сидеть в машине.

– Почему так долго? – вырывается у меня.

Али кладет руку мне на плечо и успокаивающе поглаживает:

– Только пять минут прошло, Венера. Все будет хорошо.

– Как думаешь, они найдут ее?

– Здесь? Будем надеяться.

Только это мне и остается – надеяться. Всмотриваться в безмятежность картины, игнорировать шум волн и прислушиваться к звукам. И безмятежность действительно разрушается, правда, звуками не из дома, а со стороны шоссе: сюда кто-то направляется. Судя по звучанию двигателей – кортеж из машин.

– Поднимите стекла, – командует мне Берн, и я на автомате выполняю. В распоряжении Альмы безликие, и мне ли не знать, что они еще и абсолютно без тормозов. Есть вероятность, что машины просто проедут мимо: мы стоим на обочине, так что, возможно, нас проигнорируют. Но вместо этого они останавливаются позади, блокируя нам обратный путь.

Наша охрана напрягается, занимает позиции для обороны, Берн звонит, предполагаю, что Рамону. Но Рамон не успеет. Не успеет, если...

– Остаться в отеле теперь кажется не такой плохой идеей, – говорит Алиша, как и я всматриваясь в авто наших «гостей». Не знаю, кого я жду там увидеть, но точно не того, кто выходит из первой машины.

Рауль.

Мой вилемейский муж.

Сказать, что у меня глаза на лоб лезут – ничего не сказать. Потому что в моей картине мире Раулю здесь неоткуда взяться. Больше того, для меня он страница жизни, которую я перевернула, оставила в прошлом. Тот, с кем я в глубине души, позорно надеялась больше никогда не встретиться. Почему позорно? Потому что в состоянии

аффекта использовала этого парня, за что сейчас мне стыдно. А он – что? Искал меня?

Тут в мою светлую голову приходит, что он тут вовсе не из-за меня, а из-за Альмы. Микаэль тоже теперь в курсе, где прячется эта ведьма. Точнее, где ее видели в последний раз. Поэтому наша встреча с Раулем, скорее, случайность. Он же не мог знать, что я буду здесь? Я сама еще утром не знала, что буду здесь. Но уже в курсе, потому что он ведет носом и безошибочно находит именно ту машину, в которой сижу я.

Его жена.

Которую увезли из страны силой.

Бесы! Если не сказать хуже. Я прикусываю нижнюю губу и наблюдаю за тем, как Рауль уверенно движется сюда.

– Кто это? – спрашивает Алиша. – Храбрец.

Самоубийца! Потому что боевые волки, пока еще в человеческом обличье, преграждают ему путь.

– Мой муж, – выдыхаю я со стоном и в ответ на большие глаза Али объясняю: – Да, это Рауль, за которого я вышла замуж.

– Красавчик, – хмыкает волчица, явно издеваясь над моими натянутыми до предела нервами. – У альфы Микаэля хороший вкус на мужчин.

Я давлюсь смешком.

– Уверена, выбирала его жена.

– Она тоже падкая на красивых мужчин?

– Ее идеал – Рамон.

Не знаю, почему я это говорю, почему мы вообще обсуждаем Рауля и Рамона, и Сиенну, которую я зачем-то вспомнила. Он перевернутая страница... Но, кажется, он так не считает, потому что вервольф останавливается в нескольких метрах от автомобиля и приказывает на легорийском:

– Немедленно отпустите мою супругу.

Берн явно не в курсе моей аферы, потому что слегка теряется, но оружие, направленный в грудь Раулю пистолет, не опускает.

– Здесь нет твоей жены, парень.

– Венера моя супруга по законам Вилемии.

Пистолет на месте, и я вижу, как из других автомобилей выходят остальные вервольфы. Высокие, грозные, вооруженные до зубов, и у

них численное превосходство.

– Отдайте ее мне, и никто не пострадает.

Мне становится дурно, и вовсе не из-за жары. Судя по взгляду Алиши, она думает о том же. Предки, Рауль же считает, что меня увезли силой. Похитили. И собирается меня спасти! Забрать домой.

Я не придумываю ничего лучше, чем выйти из машины с намерением сказать Раулю, что все хорошо.

– Рауль, я тут по собственной воле.

– Венера, – его взгляд на мгновение становится нежным, – рад, что с тобой все хорошо.

– Да, я в порядке. – Не совсем, но это уже незначительные детали.

Судя по виду главного безопасника, ему моя самодеятельность не нравится, и он готов буквально запихнуть меня обратно в автомобиль.

– Вернись в машину, Венера.

– Все в порядке, – вытягиваю руку вперед, пытаюсь успокоить Берна. – Я просто с ним поговорю.

– Венера, ты хочешь сказать, что улетела сама? – переходит Рауль на вилемейский.

– Что? Нет. Рамон меня увез.

– Я так и думал, – сжимает кулаки «муж».

– Это неважно. Теперь мы вместе ищем дочь.

– Я тоже ищу нашу дочь. Я здесь ради нее.

– Нашу? – вскидываю я брови.

– Я признал ее. Ты моя супруга, и это наша дочь.

Только этого мне не хватало!

Я оглядываюсь, на Али и безопасников, мне неловко. Неловко признаваться в своих ошибках. Меня, пожалуй, спасает только то, что я говорю на иностранном языке.

– Рауль, прости, что так получилось. – Я волнуюсь и забываю половину слов, но все-таки объясняю: – Я подтвердила наш брак, потому что считала – мою дочь забрал Волчий Союз. Я манипулировала тобой. Наша свадьба – ошибка. Фикция. Прости, пожалуйста. Я сильно-сильно раскаиваюсь.

Вот, я все сказала, и, по идее, он должен сейчас разозлиться и уйти. Но Рауль не уходит и даже не злится.

– Я знаю, Венера. Я все понял. Но это не отменяет моих чувств и намерений в отношении тебя. Альфа Микаэль подтвердил, что ты

теперь моя жена. Ты подтвердила при свидетелях, что ты моя жена. Поэтому я забираю тебя с собой.

Что?!

Напрягаюсь я. Напрягаются абсолютно все. Кроме Рауля.

– Ты не можешь меня забрать, – напоминаю я. – Я ищу свою дочь.

– Я тоже ищу нашу дочь, и найду. У меня есть все ресурсы.

Пойдем со мной, Венера.

– Постой. Я не хочу.

Он тяжело вздыхает, и его взгляд разом меняется, становится жестким и серьезным:

– Ты моя жена. Слушайся меня.

То есть, мое мнение снова не учитывается?

«Рамон!» – зову я по нашей несовершенной, хромоногой мыслесвязи. – «Рамон, меня же сейчас увезут!»

Он слышит.

То есть, никакого ответа, я не слышу его голоса, но я каким-то шестым чувством понимаю, улавливаю отклик Рамона, и знаю, что он уже движется сюда. Надо только чуть-чуть потянуть время. Просто тянуть время.

– Рауль, ты ведь здесь не ради меня? У тебя, наверное, дела к Альме.

– Альмы здесь нет. Как и ребенка. В доме только слуги.

Не знаю, чего я ждала. Наверное, подсознательно, тем самым шестым чувством я знала, я чувствовала, что Сары не в доме. Не здесь. Но это не отменяло того, что я надеялась. Надеялась, что найду ее сегодня! А еще это не объясняло...

– Откуда?..

– Я был здесь вчера.

– Тогда что ты тут делаешь сегодня?

Нехорошее такое чувство ледяным прикосновением скользит по спине ощущением ловушки.

– Я же сказал, что приехал за тобой. Это единственное место, которое выдала Сураза. Я знал, что сюда прилетит Рамон, а значит, он привезет тебя с собой. Пойдем со мной.

Он протягивает мне руку, но между нами становится Берн.

– Она никуда не идет.

Это даже не ловушка, отчетливо пахнет жареным, пусть даже это всего лишь метафора. Потому что из новых машин выходят остальные вервольфы. Уверена, волки Хантера умелые бойцы, некоторые из них, как и мой друг, участвовали в легендарных Волчьих боях. Даже численное превосходство им не страшно. Но я точно не хочу, чтобы из-за меня проливалась кровь. Не имеет значения, легорийцев или вилемейцев.

– Она моя жена. Если вы не отпустите ее по-хорошему, будет плохо.

То есть, мое мнение для него вообще по боку?!

– Не надо по-плохому. – Лучше бы Али сидеть в машине, но она выходит и становится рядом со мной. – Почему бы не дождаться моего супруга, Хантера Прайера, старейшины Легории? Решить все мирно.

Потому что я читаю ответ на заострившемся лице Рауля. Он не хочет дожидаться Хантера и Рамона. Он хочет забрать меня, отвоевать себе.

Берн готов к атаке «моего мужа», а вот я – нет. Я отшатываюсь, и Алиша рывком запикивает меня в машину, жмет на блокировку дверей. К счастью, никто не стреляет, но это, пожалуй, единственный плюс. В остальном, две группы вервольфов схлестываются в ожесточенной схватке. Одни расправляются друг с другом врукопашную, другие на ходу трансформируются в опасных хищников, что вонзаются друг в друга зубами. Еще немного, и они порвут друг друга в клочья.

Меня начинает трясти, даже успокаивающие поглаживания Алиши по спине не срабатывают. Что-то во мне изменилось после родов: мне дико страшно и хочется крепко зажмуриться. Я не хочу на это смотреть, и не смотреть не могу. Особенно, когда Рауль ударяет Берном о бок машины. Я вскидываю голову, наблюдая за всем этим расширенными глазами.

– Я беру свои слова назад, – шипит Алиша. – Он, может, и красавчик, но совершенно точно идиот.

Идиот! Как есть идиот!

– Мы должны что-то сделать, – говорю я нетвердым голосом, глядя на Али.

– Плохая идея, – качает она головой. – Все, что нам нужно делать – довериться нашим мужчинам и дождаться их.

– Рамон не мой мужчина! – рычу я.

– Но ты его позвала? Пожалуйста, скажи, что позвала.

Позвала. А он услышал. Но и все: больше я его не чувствовала. Будто между нами заслонка упала. Он от меня отгородился? Или что это?

Новый удар о машину заставил меня подпрыгнуть, а затем дверь вылетела наружу, и я следом за ней, как пробка из теплой бутылки игристого. Для меня это стало настолько неожиданным, что я даже подумать ничего не успела, ни то, чтобы начать сопротивляться. Рауль просто схватил меня за руку и выдернул из салона авто. Я врезалась в его грудь, его ладони сомкнулись на моей талии и сжались там до боли.

– Пусти!

Я вскрикнула, а Рауль вместо того, чтобы куда-либо меня тащить, рухнул на колени к моим ногам. Сжал руками голову, а я отступила. Прижалась спиной к машине, и тут заметила, что дело не только в Рауле. Все легорийцы последовали за ним: их просто будто прижало к земле неведомой силой, которая сейчас причиняла им боль, заставляла мучиться в агонии.

Мне не надо было оглядываться, чтобы узнать эту силу. Понять, что происходит. Я это снова почувствовала. Почувствовала идущего к нам по разделительной полосе Рамона. Он шел, и ни один мускул ни дрогнул на его лице. Но я отчего-то знала, что это все он. Это он заставил Рауля валяться на дороге.

Приказ. Это такой приказ?

Рамон подошел к нам, взял меня за руку, и мой ступор вдруг с меня схлынул.

– Отпусти его, Рамон. Его, их всех.

– Пока рано.

– Пожалуйста!

– Помолчи, женщина, – перебивает он меня опасно спокойно, крепче сжимая мою ладонь. – Если не хочешь проблем, Рауль, то ты не станешь нас преследовать.

– Микаэль этого так не оставит, – цедит «муж», явно преодолевая боль, – я этого так не оставлю.

– Передай моему брату, что он лезет не в свое дело.

– Можешь сам передать. Он здесь, в Гэжеле.

Рамон ругается на вилемейском, но тянет меня в сторону другой, «целой» машины.

– Ты теперь преступник, Рамон, – кричит нам вслед Рауль. – И ты ответишь за свои действия. Венера и ее дочь будут мои...

Его последняя фраза обрывается, подозреваю, что Рамон снова включает свое давление. Какая же у него огромная власть? Откуда?

Но больше всего, когда я наконец-то оказываюсь в машине, меня интересует другой вопрос:

– Ты нашел Сару?

– Нет, – подтверждает он слова Рауля.

ГЛАВА 5

Только это и имело значение, когда мы уезжали. Я даже про Рауля и поверженное «войско» Микаэля вспомнила, когда они уже пропали из поля зрения. А учитывая, что мы в автомобиле были не одни: позади теперь расположились Хантер и Алиша, то я решила подождать с разговором до отеля. До отеля, до самолета, в общем, когда мы с Рамоном останемся наедине. По пути как раз узнала, что в доме Альмы действительно были только слуги, и они понятия не имели, куда подевалась их безумная нанимательница. Но при всем своем профессионализме были напуганы заявившейся сначала одной бандой во главе с Раулем, а затем – Рамоном и Хантером.

Ниточка оборвалась.

Это единственное, что меня сейчас волновало. Ни то, что за мной охотится Рауль и Микаэль. Ни то, что беременность и роды во мне что-то изменили – что я сегодня поддалась панике, вместо того, чтобы сражаться, бороться, отстаивать себя. Меня до сих пор немного трясло, может, поэтому я не набросилась на Рамона с расспросами. Тем более меня не интересовали мои сложные запутанные неотншения с истинным. Ничего из этого.

Лишь то, что я по-прежнему не знаю, где моя дочь. Не знаю, где моя малышка.

Я выходила из машины как в тумане. Даже не помнила, как оказалась в номере, сидящей на краешке кровати. Осознала, что мы не улетаем немедленно. Да и куда лететь? Ведь по словам Рамона никто не знал, куда отправилась Альма.

– Nena, никто не говорил, что будет просто.

Я вскинула голову на возвышающегося надо мной Рамона. Что ж, мое желание исполнилось: мы были одни в комнате. Хантер и Алиша, видимо, потерялись где-то по пути.

– Это не игра, – кривлюсь я.

– Не игра, согласен. Но Альма годами водила за нос меня, Артура, весь Волчий Союз. Странно было бы ждать, что она так легко проколется.

– Почему мы тогда здесь?

– Попытка не пытка.

Пытка. Для меня самая настоящая.

– Мы движемся вслепую, – я обхватываю себя руками, но не потому что здесь работает кондиционер. Это внутренний холод. – Наобум.

– Да, но я проверяю все варианты.

– И какие варианты у нас еще есть?

– Я работаю над этим. Позволишь?

Не дождавшись ответа, он занимает место рядом со мной. Матрас мягко прогибается под его весом, и я едва не соскальзываю в его объятия – вовремя торможу, упираясь в пол стопами. Сейчас мне меньше всего хочется прикосновений. И тишины между нами тоже.

– Теперь за нами охотится Рауль и Микаэль, – говорю, чтобы что-нибудь сказать. Делаю вид, что рассматриваю уютный летний пейзаж на стене – поле из цветов.

– Я уже это понял. Никогда бы не подумал, что ты ему настолько понравишься.

Я тоже считала, что нравлюсь Мику. Не как женщина, конечно – он полностью повернут на своей жене, просто как волчица, как личность. Но оказалось...

– По-моему, он делает это назло тебе.

– Нет, тут скорее проснулось его чувство справедливости.

– Поэтому он послал Рауля искать нашу дочь? – теперь я смотрю в лицо Рамону, в самую глубину его глаз. Сейчас темных, без намека на присутствие его суперволка. – Из-за справедливости? Что будет, если они найдут ее раньше? Мне вообще расскажут об этом? Или ее просто присвоят себе, как члена стаи?

Выражение его лица все-таки меняется: становится более жестким.

– Хочешь поставить на другую лошадь, Венера?

– Что?

– Хотя в данном случае – на другого волка. Ты хотела уйти с Раулем.

Даже не вопрос – факт. И упрек, от осознания которого я задыхаюсь от возмущения.

– Не хотела, – цежу я. – Если бы хотела, зачем мне было звать тебя! Ты меня услышал, я в этом уверена. Поэтому вернулся так рано.

Что ты вообще с ним сделал? Со всеми ними?

Рамон яростно сжимает челюсти.

– Всего лишь продемонстрировал свою силу.

– Твое пугающее наследие, – хмыкаю я.

– Ты не оттолкнула его, когда он тебя схватил.

Потому что перепугалась до маленьких бесиков! Но в этом я ему не собираюсь признаваться, и резко поднимаюсь. Рамон отстает от меня на долю секунды, и мы оказываемся лицом к лицу.

– Что ты от меня хочешь? – интересуюсь я. – Я готова на все, чтобы найти мою дочь.

– Представь себе, я тоже готов абсолютно на все, чтобы найти нашу дочь, – рычит он.

– Но у тебя закончились идеи, как это сделать!

– А у Рауля их масса!

– Конечно, они там целой стаей думают!

Мы уже не просто рычим друг на друга. Кричим. И это отрезвляет. Как отрезвляют его слова, сказанные убийственно спокойно:

– Отлично, тогда я тебя не держу.

Это сравнимо с пощечиной. С новым ударом, к которым я так и не привыкну. Во мне поднимается нечто яростное. Нечто злое. Обидное. Поэтому, когда Рамон стремительно выходит из номера, я хватаю покрывало с кровати, рычу, раздирая его на части когтями. После покрывала наступает черед подушки, затем торшера. К счастью, в номере не так много обстановки, которую способны уничтожить я и моя ярость. Мое отчаяние, потаенный страх, что я больше никогда, никогда-никогда не увижу дочь.

На переломанном торшере я выдыхаюсь. Осматриваю хаос в виде осколков на ковре и осевших облаками перьев из подушек, и мне становится стыдно. За нанесенный ущерб, за эту вспышку, за то, что я выпустила своего внутреннего зверя, позволила волчице взять над собой верх. А ведь она тоже потеряла ребенка! Я чувствовала ее слезы. Чувствовала ее боль. И эта боль проходила сквозь меня.

Тогда я очнулась посреди всего этого беспорядка, который так ярко сейчас иллюстрировал мою жизнь, и поняла, что я не хочу ехать за Раулем. Я вообще его знать не хочу. Когда я собиралась за него замуж, он не вел себя как настоящий эсдеринос. И, как бы меня не

ломало от мысли, что придется это сделать – надо бы извиниться перед Рамоном. Хотя бы потому что сейчас мы на одной стороне, и он единственный действительно заинтересован в том, чтобы найти дочь. Он хочет найти Сару так же сильно, как этого хочу я.

Поэтому я приглаживаю волосы, глядя на свое уставшее отражение, вытираю вспотевшие ладони о брюки и иду искать истинного. Благодаря нашей связи это несложно – Рамон оказывается во внутреннем дворике отеля. В саду, утопающем в зелени, и с симпатичным фонтанчиком посередине. Истинный сидит на скамье, спиной ко мне. Но он не один.

Я спотыкаюсь о порожек, потому что узнаю его спутницу, с которой он разговаривает. Да и как тут не узнать? Ее я даже со спины узнаю.

Это Сиенна.

Вот тут я впервые в жизни жалею, что я вервольф, и что Рамон и Сиенна тоже вервольфы. Потому что мне хочется по-человечески остаться незамеченной и уйти. Перенести разговор с Рамоном на потом. Да какой на потом? Мне уже не хочется с ним разговаривать, тем более – извиняться. Час назад Рауль напал на волков Хантера и хотел забрать меня, отвезти к Микаэлю, а Рамон – что? Как ни в чем не бывало беседует с его женой! Интересно, о чем они тут договариваются? О комфортной передаче меня Раулю? Не держит он меня, как же!

На этой мысли мне больше не хочется уйти, тем более меня уже заметили: Рамон вскинул голову, а Сиенна обернулась следом, поджала губы. Эта волчица точно не рада меня видеть, несмотря на то, что делала все, чтобы я поверила в ее доброту душевную. Даже спасла меня от безликих. А что толку, если Сару все равно выкрали? Если Альма все равно планировала ее забрать после родов! Получается, тот эпизод призван был меня запугать или запутать. Чтобы я смотрела вдаль, и не рассмотрела змею поближе. У себя под носом.

Что в итоге? Я не доверяю никому. Тем более Сиенне.

– Что ты здесь делаешь? – интересуюсь я, шагая к ним. – Пришла за мной?

– Нужна ты мне! – фыркает Сиенна в своем стиле.

Я приподнимаю бровь:

– Ах да, тебе нужен Рамон.

– Ревность тебе не идет, Венера.

– А что мне подходит? Доброта и улыбка? – я изобразила самую милую улыбочку, на которую сейчас была способна. Правда, не уверена, что не получилось грозного оскала.

– Хватит, – приказывает Рамон тихо, и Сиенна осекается, хотя до этого она явно намеревалась продолжить наш «содержательный» диалог. – Мы не враги. Всего лишь не поняли друг друга.

– Расскажи это ей, – киваю я на Сиенну, – и своему родному брату. Когда я давала клятву верности альфе Микаэлю, то не соглашалась на свадьбу или на то, что он решит присвоить себе мою дочь.

– Я не виновата в том, что Рауль на тебе помешался! – рычит волчица. – Я тебе желала исключительно счастья.

Я шагаю к Рамону и хватаюсь за его локоть, прижимаясь бедром к бедру. От внимания Сиенны это, конечно, не ускользает, и она плотно сжимает губы.

– Я счастлива. Ко мне, наконец-то, вернулся мой истинный. Тот, кого вы успели похоронить. И мы теперь вместе ищем нашего ребенка. А ты и твой муж этому мешаете.

– Мешаем?! Если бы Мик мешал, тебя бы уже здесь не было. Ты правильно напомнила о клятве! И что? Мучают головные боли? Зов? Он тебя не зовет. Понимает, что ты пережила. Может, зря?

Я бледнею, даже зеркало не нужно, чтобы почувствовать, как краска отливает от моего лица. Потому что зов – это не то, что можно легко игнорировать. Если альфа позовет, я вряд ли смогу сопротивляться, особенно в таком состоянии. И буду с Раулем, который на мне помешался.

– Сиенна, ты сейчас угрожаешь моей истинной. – Глубокий голос Рамона вытряхивает меня из мрачных мыслей, я удивленно моргаю. Он встал на мою защиту? Пора, наверное, к этому привыкнуть, но я пока не привыкла. Не привыкла к тому, что меня защищают, пусть даже перед бывшими.

А Сиенна слегка краснеет, правда, сомневаюсь, что от стыда, скорее, от внутреннего яда.

– Прости, я здесь не за этим, – она вроде как извиняется передо мной, а смотрит на Рамона. – Микаэль не станет использовать свое влияние, зная, что ты пережила. Он не зверь.

– Не за этим? Тогда зачем?

Вместо нее отвечает Рамон:

– Сиенна предлагает помощь.

Помощь? Да они со своим Микаэлем уже помогли так, что никак от их помощи отойти не могу! А Рамон? Зная, что со мной случилось, зная, как я к ней отношусь, зная, что она его бывшая... Предлагает мне согласиться? Согласиться на помощь!

Я посмотрела на Рамона, но по его лицу было сложно понять, что он сам думает на этот счет. Принял ли уже решение, или действительно советуется со мной? Да бред! Не нужны ему мои советы.

– Мы одна семья, – говорит Сиенна, ободренная моим молчанием. – Мы можем объединиться в поисках. Я смогу убедить Микаэля спрятать клыки, и мы в два счета отыщем вашу дочь.

– Сару, – уточняет Рамон.

– Сару, – улыбается она. – Красивое имя.

Они так смотрят друг на друга, будто это их дочь, а не моя.

– Зачем тебе это? – спрашиваю я. – Зачем тебе нам помогать?

– Я же сказала, что мы одна семья.

– Нет. Не семья. Твой муж принял меня в стаю, но не в семью. Я всегда чувствовала себя отдельно, словно нежеланная гостья. Вы, ты в особенности, всегда подчеркивали, что терпите меня из-за обещаний трагически погибшему Рамону. Но вот он живой, и больше не надо никому помогать.

– То, что он живой, все меняет, – шипит Сиенна.

– Для кого, для тебя? – хмыкаю я. – Зачем ты здесь, Сиенна? Что ты будешь делать, если Микаэль не согласится с твоими доводами?

– Присоединюсь к вам. Помогу вам собственными силами.

Ну конечно. Мне ко всему прочему еще Сиенну рядом терпеть.

– Возвращайся к мужу и будь счастлива со своей семьей. Она у тебя прекрасная. Хватит вздыхать по прошлой любви, живи настоящим.

Возможно, это слишком жестко: высказывать ей это при Рамоне, но я не завидую Микаэлю, который все время на вторых ролях. Который за это ненавидит брата, еще и помогать ему должен. Потому что «семья», ага. Слишком велика цена у этой помощи.

Сиенну, конечно, это не устраивает: на ее красивом лице проявляются звериные черты, вспыхивают глаза, заостряются скулы,

она сжимает губы так сильно, что они становятся тоньше и белеют.

– Значит, счастья с семьей мне желаешь? А ты счастлива?

– Очень, – скалюсь я. – Найду дочь, и счастливее меня на планете никого не будет.

– Это значит «нет»? – интересуется Сиенна у Рамона. Конечно, он мужчина, он верховный, за ним последнее слово, а я умудрилась об этом забыть. Месяцы в Золотых холмах по меркам вервольфов дурно повлияли на мои мозги и послушание. Да и кто по доброй воле откажется от лишней помощи?

– Ты слышала мою истинную, – неожиданно отвечает Рамон. – Мы сами справимся.

Его «мы» звучит еще неожиданней, чем «истинная» его устами. Он же это не про меня и него? У нас достаточно других помощников.

Лицо Сиенны вытягивается, будто для нее это еще больший шок. Хотя, может, так и есть.

– Ты отказываешься от помощи семьи? Ставишь под угрозу жизнь своей дочери? Вдруг вы ее вообще не найдете!

– Всем сердцем верю, что найдем. Спасибо за предложение. – Рамон само спокойствие, а еще таким голосом отказываются от навязчивого спама, но не от поддержки, которая может оказаться действительно полезной.

Поэтому, когда рассерженная, обиженная Сиенна уходит, не прощаясь, я опускаюсь на каменную скамью и складываю руки на коленях, чтобы ни те, ни другие не подрагивали. Потому что стоит эмоциям немного улечься, как ощущение триумфа сдувается, как пробитое колесо.

Что я наделала? Кто думает о гордости, когда новорожденная дочь непонятно где и непонятно с кем? Я, кажется, вообще ничем не думала! Но бежать за Сиенной совсем не хочется. Все во мне противится этому. Но это я, у меня гормоны, а чем думал Рамон?

– Почему ты отказался? – поднимаю я на него глаза, когда он тоже возвращается на скамью, окутывая меня своей энергетикой. Ощущается это как крошечные электрические разряды: не болезненные, скорее, чувствительные. – Это твоя семья, и помощь никогда не бывает лишней.

– А почему отказалась ты? Еще полчаса ты убеждала меня, что хочешь уйти с Раулем.

– Это *ты* решил, что я хочу уйти с Раулем, а я... Я просто сильно испугалась, когда он меня схватил, – признаюсь я, отводя взгляд. – Я струсилась, доволен?

– Чем я должен быть доволен, пена? – Рамон положил пальцы на мой подбородок, разворачивая к себе. – Тем, что ты этот идиот тебя напугал? Или тем, что ты не сказала мне правду? Не вижу тут ни одного повода для довольства.

– Это было глупо, испугаться. Нелогично.

– Страх не бывает логичным. Это самая нелогичная вещь в мире.

– Я думала, что любовь нелогичная.

– Наоборот, – усмехается истинный. – Любовь – это самая логичная вещь. Самая правильная.

Взгляд Рамона смягчается, не просто смягчается, он так близко, и смотрит на меня с таким чувством, будто вот-вот поцелует. Электричество между нами словно искрит, я чувствую его покалывание всей кожей. И отворачиваюсь первой. Мне сейчас не до поцелуев, хотя сердце в груди колотится, будто чумное, и притяжение истинных, кажется, врубилось на полную мощность.

– Так почему? – возвращаюсь к нашей изначальной теме. Не надо мне разговоров о любви.

– Почему я отказался? – я смотрю на розовые кусты, а не на Рамона, но пытаюсь уловить в его голосе чувства. Тщетно, потому что он снова звучит ровно. – Потому что отказалась ты.

– Это не довод! – возмущаюсь я.

– Для меня – довод. Ты моя истинная, Венера, мать моей дочери. Если ты считаешь, что мы справимся сами, с той помощью, которая у нас уже есть, то так и будет.

Это те слова, которые бы мне хотелось услышать, и, вместе с тем, сердце снова сжимают оковы страха.

– А если я ошиблась?

Он сжимает мою ладонь, переплетает наши пальцы раньше, чем я успеваю отодвинуться и не допустить этого.

– Тогда придумаем что-то еще, – обещает Рамон.

ГЛАВА 6

Рамон настоял на том, чтобы переехать в другой отель, и Хантер его поддержал. На мой вопрос: «Почему?», коротко ответил:

– Если мы с Микаэлем не заодно, предпочту избежать сюрпризов.

Мне было неловко признаваться, что я в порыве ярости разнесла номер, но никто из нашей команды ни словом, ни взглядом не упрекнул меня, а что на этот счет подумали администратор или владелец, я не узнала: мы с Алишей и Хантером первыми отправились на новое место.

Новый отель был действительно новым, современным, в стиле минимализма. Достаточно безликим, как большинство отелей, но вид из моего номера с лихвой это искупал. Отель расположился на берегу моря, почти у кромки воды, и через панорамные окна я могла рассматривать уютную бухту, причал с белоснежными яхтами и пляж с шезлонгами и голубыми зонтиками над ними.

Красиво. Было бы, не будь я в таком подавленном состоянии. В своих поисках мы не продвинулись ни на шаг, и меня это медленно убивало.

– Ви, – выдернула меня из моего состояния Алиша, – тебе нужно поесть.

– Я не хочу.

– Я не спрашивала, хочешь ты или нет. Я сказала: иди сюда и зачихни в себя кусочек этой вкусной лепешки с мясными колбасками и чудесным томатным соусом с зеленью.

– Если ты надеялась, что у меня проснется аппетит, то все без толку.

Я все-таки дошла до столика, за которым расположилась Алиша, села напротив нее. Нам как раз доставили обед в номер, Хантер куда-то ушел по делам, а Али решила, что самое время подкрепиться, попросту заявила, что хочет есть. У меня же еда не вызывала вообще ни желаний, ни эмоций. Я смотрела, как Алиша, свернув лепешку – местное национальное блюдо – в трубочку, со стоном блаженства дегустирует ее, и ничего не чувствовала.

– Я понимаю, что ты переживаешь, – кивает она, прожевав, – но подумай о том, как ты найдешь Сару. Тебе понадобятся все силы.

– У меня нет молока, – признаюсь я.

– О-у, милая. Такое может быть, от стресса.

– Знаю, – я сжимаю зубы, чтобы не расплакаться. В очередной раз! – Но у меня словно нет о ней ни одного воспоминания.

Кроме шрама на весь живот. Который я обнаружила в Легории.

– У меня нет ни одного воспоминания о моей дочери, Али.

– Как же – нет? – возмущенно сопит подруга. – А все эти несколько месяцев, когда вы были вместе? Когда ты носила ее. Когда слышала стук ее маленького сердечка. Разговаривала с ней. Чувствовала ее пинания. Это что, не считается? Да, ты не видела ее, но между вами есть связь.

Подступившие слезы разом высыхают. Потому что Алиша права.

– Ты права, – киваю я. – Между нами есть связь, моя крошка знает, что я ее люблю.

– Другое дело! – Али поднимает большой палец вверх. – Теперь ешь, пока я не позвала Рамона и не попросила тебя покормить.

Этот может.

– Это перебор!

– Как есть. – Кажется, подруга осталась при своем мнении, и я решила, что лучше не проверять, шутит она или нет, взяла с тарелки лепешку.

Первый кусочек дался мне с трудом: желудок вообще не понял, что это такое. А вот второй пошел легче, я жевала, почти не чувствуя вкуса, но жевала. Ради Сары. Ради нашей связи. Следующем кусочком я подавилась, потому что меня накрыло осознанием.

Связь. Между мной и дочерью есть связь.

– Али, – прохрипела я откашлявшись и боясь собственной, пришедшей в голову безумной идеи. – А я могу связаться с Сарой? Так же, как я отправила сообщение Рамону?

Это правда безумство. Мы ведь с ней не истинная пара, мы мать и дочка. Крохотная дочка, которая, наверняка, очень напугана. Вряд ли Альма дает ей любовь и тепло, такие чудовища вообще на любовь не способны! А я так хочу, чтобы Сара услышала мой голос, почувствовала меня. Но чем больше я об этом думаю, тем сильнее хочу попробовать, и моя решимость только растет.

Вопреки этому Алиша не спешит вскакивать с победным визгом, она откладывает лепешку и смотрит на меня внимательно.

– Венера, я не уверена. Мы с Хантером в самом начале исследования связи истинных, но про связь родителей и детей, ту, о которой ты говоришь, я вообще не слышала и нигде о таком не читала.

– Долгое время истинные тоже были легендой, – напоминаю я. – Что уже говорить про имани, которых прятал Волчий Совет. А теперь что? Есть Чарли и Доминик. Есть ты и Хантер.

– Вы с Рамоном.

Я отмахиваюсь:

– С Рамоном все сложно, если верить его бывшей, он универсал. Настраивается на любую, кого захочет.

– И ты ей веришь? – Али широко раскрывает глаза.

Неважно, верю я Сиенне или нет. Даже неважно, истинные ли мы с Рамоном.

– Это все не имеет значения, – говорю я. – Если связь истинных существует, почему бы не существовать связи матери и ребенка. Особенно, такого ребенка как Сара. С такими уникальными генами.

Которые она могла не унаследовать. Но если бы не унаследовала, Альма бы ее не забрала, так? Значит, моя девочка – самая уникальная девочка на земле.

Алиша рассматривает меня сосредоточенно, полностью позабыв про свой обед.

– Допустим, мы сможем отправить ей «сообщение», но как узнаем, что оно дошло?

– Сегодня во время утренней стычки с Раулем я позвала Рамона и будто почувствовала, что он меня услышал.

– Может, потому что он этого захотел?

– Может, – я не спорю. – Но с ним это сработало. Чем Сара хуже?

– Она слишком маленькая, – не спешит обнадеживать меня Алиша.

– Вот именно. Ей не нужны слова, ей достаточно моих чувств. Моей любви. Моей поддержки. Али, я многого не прошу. Давай просто попробуем. Не получится, будем искать другие варианты.

В какой-то миг мне кажется, что придется Алишу долго уговаривать, но, после минуты раздумий, она согласно кивает.

– Ви, все для тебя. Но главное, не перенапрягайся. Как я уже сказала, тебе нужно и себя беречь.

– Разве это напряжение? Если я ее услышу, это будет самый дорогой подарок.

Али вздыхает.

– Знаю. Но я помню, что было в прошлый раз. Как тебя это расстраивало.

– Алиша, обещаю не скатываться в истерику, если ничего не получится, – клянусь я.

– Да истери сколько влезет, главное в себе не замыкайся, хорошо?

Я согласно киваю.

– И сначала завтрак!

– Ты почему стала такая вредная? – уточняю у нее.

– Я всегда была такой. Занудой. Поэтому в пару мне достался такой тролль как Хантер.

Моя лепешка едва не выпадает из моих рук.

– Ты хотела сказать «волк»?

– Нет, я сказала то, что сказала, – хихикает волчица.

Я в рекордные сроки затолкала в себя целую лепешку, почти не чувствуя ее вкуса. Думать о еде никак не получалось. Но Али была довольна и готова приступить к нашей сессии.

Мы переместились на кровать, я села, скрестив ноги, Алиша расположилась напротив. Погружение в подобное состояние стало уже для меня привычным, так что все прошло гладко. Я постаралась максимально расслабиться: от этого расслабления зависела теперь и моя жизнь тоже. Потому что Сара стала моей жизнью. Ее смыслом.

Я сосредоточилась на ней, потянулась к своему крохотному волчонку, где бы она ни была. Я заглянула в свою память, оживляя все воспоминания о нашем с ней общении, и нашла там столько любви, что она заполнила мое сердце, заполнила меня всю. Казалось, ее настолько много, что я могу не выдержать этой нежности, этой тоски по моей крохе. Первый пиночек. Биение наших сердец. Колыбельная, которую она так любит. Все эти чудесные мгновения.

Я будто ощутила ее присутствие рядом с собой. Как только матери чувствуют своих детей. Как волчица чувствует своих волчат. Словно перенесла ее к себе, или, скорее, перенеслась к ней сама. Обняла ее. Окружила теплом и любовью.

– Мама тебя любит, крошка-волчонок. Мама любит тебя.

Я вложила в это «сообщение» всю себя. Всю-всю-всю целиком, без остатка. В надежде, что Сара услышит. Я тянулась к ней и тянулась...

– Что здесь происходит?

Холодный голос Рамона разрывает волшебство радужного пузыря, и меня выкидывает в такую же холодную и суровую реальность, где мой истинный стоит рядом с кроватью, и взгляд у него совсем недобрый.

Я непонимающе моргаю, потому что слишком резко «вышла» из нашей с Алишей сессии. А после до меня медленно, но доходит, что произошло. Со всеми осознаниями и пониманиями, кто мне помешал.

Я же почти почувствовала ее. А этот... Этот бывший верховный все испортил! Какого беса?!

По ощущениям, я выдыхаю уже не воздух, а злость. Поэтому ударяюсь о него ответным взглядом, смотрю глаза в глаза.

– Разве это не мой номер? – Мой голос от холода разве что не хрустит льдом, я пока не рычу, но это пока.

– Твой, – отрезает Рамон.

– Разве я не могу делать в нем все, что захочу?

– Можешь. Если это не противоречит соображениям безопасности.

Соображениям чего?!

Я взвиваюсь с постели, оказываюсь напротив него. Чувства меня не обманывают – Рамон злой, но я не понимаю почему. Предки, дай мне сил понять этого мужчину. Дай мне сил понять его и не убить в процессе. Мы же вроде нормально поговорили! Обсудили, что теперь заодно, и в то же время, мы не вместе.

– С каким это пор медитации стали опасными?

– Это не было медитацией, Венера. Я знаю, что ты пыталась сделать.

– Пойду прогуляюсь, – сообщила Али, о присутствии которой я на минуточку успела забыть. У меня рядом с Рамоном мозги отъезжают просто, и не в самом романтическом смысле.

– Останься, – прошу я, но она все равно выскальзывает за дверь.

Р-р-р. Значит, продолжить сразу у нас не получится.

– Какая тебе разница, что я делаю? – интересуюсь у Рамона. – Я все время оставалась в номере, куда уж безопаснее?

– Ты хотела позвать Сару.

Я всматриваюсь в лицо истинного и понимаю, что это не вопрос. Он уверен в том, что говорит, и учитывая, что наше с Али решение было спонтанным, то рассказать ему тоже никто не мог.

– Как ты узнал?

– Потому что твое «сообщение» пришло ко мне.

Мое раздражение разом схлопывается, просто отпускает, я потрясенно распахиваю глаза, даже рот приоткрываю от удивления.

– Как... Почему?

– Настройки сбились.

– Я серьезно!

– Я тоже. Когда ты решила ее позвать, зов дошел до меня. Поэтому я оказался здесь.

Я от бессилия падаю на кровать и закрываю глаза ладонями. Значит, я передала такое важное сообщение Рамону. Всю мою любовь, всю мою нежность.

– Ничего не понимаю, – стону я. – Я же ее почти почувствовала. Это было не так, как с тобой.

По-другому. Или мне просто так хотелось.

Я снова раздраженно смотрю на Рамона.

– Это не отменяет того, почему ты пришел. И к чему это: «Что здесь происходит?», если ты и так знаешь ответ?

Глаза Рамона вспыхивают, он зло прищуривается, подается вперед и кладет ладони по обе стороны от меня. Так, что мы оказываемся в недопустимой близости друг от друга.

– Хорошо, спрошу по-другому. Зачем ты это сделала?

У меня вырывается то ли нервный, то ли яростный смешок.

– Сделала – что? Пыталась сказать дочери, что я ее люблю? Идиотский вопрос.

– Идиотская идея.

– Это еще почему? – вспыхиваю я. Хочется отодвинуться, но я не отодвигаюсь. Мы же тут просто беседуем. Об идиотском. – Я же слышу тебя, почему я не могу услышать дочь?

– Теоретически, можешь, – кивает Рамон, и мое сердце пропускает удар вовсе не от оранжевых вспышек, от которых

разгорается его радужка, а от призрачной надежды. – Но есть два условия. Во-первых, она должна ответить, осознанно, а она пока – маленький визжащий комок.

Я даже не пытаюсь подавить возмущенный выдох, но Рамон не позволяет себя перебить:

– Во-вторых, важно расстояние. Чем ближе мы друг к другу, – он будто нарочно пододвигается ко мне почти вплотную, кажется, еще чуть-чуть и наши носы соприкоснутся, носы или губы, – тем прочнее связь. Тем лучше «слышимость».

Кажется, что он вот-вот меня поцелует, поэтому я все-таки отстраняюсь, падаю на локти. Без разницы, как это выглядит, главное, больше никаких ошибок я не сделаю. Особенно тех, о которых буду сильно-сильно жалеть.

Рамон рассматривает меня долю секунды, потом резко выпрямляется.

– Ты понятия не имеешь, где Сара.

– До тебя же я дотянулась!

– В Вилемие.

– Неправда, – прищуриваюсь я. – Ты был на острове, я просто не могла пробиться через стену. Хантер предположил, что ты тогда был в отключке.

Рамон, до этого смотревший на меня свысока, меняется в лице.

– Хм. Я действительно провалялся в горячке какое-то время.

– Значит, это возможно.

– Допустим. И как при этом себя чувствовала? После той попытки.

Я задумываюсь, вспоминая о том времени. Как я себя чувствовала? Разбитой. Подавленной. Словно из меня высосали все силы. Сейчас не так, и я встряхиваю головой.

– Без разницы, как я себя чувствовала или чувствую сейчас, если это поможет найти мою дочь.

– Это небезопасно, женщина.

– Для нее?!

– Для тебя, – рявкает Рамон. – Такая связь, через весь мир, способна повредить рассудок или поспособствовать тому, что сосуды в твоей голове просто не выдержат. Не говоря уже о том, что ты

услышишь ее плач. Ее страх. Она не будет выбирать, что тебе «транслировать». Уже только от этого можно сойти с ума.

Я понимаю, что по щеке катится слеза, и быстро стираю ее ладонью.

– Это моя единственная идея, что мне надо было делать?

– Позвать меня.

– И что бы это изменило? – хмыкаю я. – Ты бы прочитал мне такую же лекцию?

– Нет. Я сам свяжусь с Сарой. Я так понимаю, для вашей медитации мне нужна Алиша?

Сначала я решила, что Рамон так пошутил. Когда же я поняла, что он серьезно, то не представляла, что и думать. Точнее, о чем я только не подумала. Например, о том, как он вообще это себе представляет?

– У вас с ней нет связи!

– Почему нет? Я ее отец, Сара моя дочь.

– Ты не вынашивал ее несколько месяцев.

– Это не имеет значения, она моя плоть и кровь. Она тоже ужасный волк.

– Не называй ее так!

Мы могли бы спорить так до бесконечности, вернее, спорила я. До тех пор, пока мои аргументы не разбились о рамоново:

– Мы можем просто попробовать.

Тогда я сжала губы в тонкую линию и кивнула. Попробовать всегда можно. Я же с Алишей попробовала связаться с Сарой, теперь пусть попробует Рамон. Только я не знала, чего мне хочется: того, что бы у него получилось или того, чтобы не получилось. Потому что это моя дочь! Я о ней заботилась все это время, а он только в ее создании участвовал. Но если есть шанс, что Рамон сможет до нее дотянуться, я действительно буду идиоткой, мешая ему в этом.

Впрочем, я тут же выставила новое условие:

– Если у тебя не получится, я сделаю это снова. Буду пытаться, пока не дотянусь до нее.

– Или пока не сойдешь с ума.

– С тобой я сойду с ума раньше, – огрызнулась я.

В общем, мы не стали откладывать все в долгий ящик и позвали Али с Хантером. На самом деле, я бы, наверное, покусала Рамона за любую минуту промедления, но он не медлил. Пожалуй, тут я по-

настоящему заметила, что он хочет найти Сару, возможно, даже не меньше меня.

В итоге, сидя рядом с Хантером, я теперь наблюдала за Рамоном и погружающей его в транс Алишей. С досадой подумала, что потратила время на споры вместе того, чтобы обсудить с Рамоном, что он «скажет» нашей малышке. Не напугает ли ее? Она же у меня нежная девочка и отца своего не знает. Он для нее чужой. Или не чужой? Вербольфы способны почувствовать свое потомство по запаху, и волчата всегда знают, кто их родители. Но это не по «запаху», Рамон прав, Сара может находиться где угодно. В любом уголке этого мира.

С другой стороны мой истинный необычный волк. Особенный. Сильный. Возможно, самый могущественный из живущих на планете. Если он не сможет это сделать, не сможет никто. А он сможет. Пожалуй, никогда еще я не верила в Рамона, как в этот момент!

Особенно, когда в меня ударило его силой, его «сообщением» для нашей дочери. Я вздрогнула, чувствуя все, что чувствует мой истинный. В этом зове не было моей нежности, желания обнять, приласкать, но в нем было спокойствие, тепло, обещание защиты. Клятва беречь ото всего и ото всех.

Любовь отца.

Любовь.

Я задохнулась от любви, которую Рамон вложил в собственное послание. Она не была похожа на то, что испытывала я, более сдержанная, но вместе с тем более надежная. Меня будто укрыло теплым одеялом, каменной стеной ото всех ветров. Эта сила прошла через меня и настолько меня напугала, что я инстинктивно закрылась, блокируя подобную трансляцию.

Она же не для меня!

И все разом прекратилось. Я осталась наедине с собственным смятением. Потому что никогда не чувствовала ничего подобного от Рамона по отношению к себе. Я вообще раньше его не чувствовала, если быть честной. Вот так. На полную.

Пока я размышляла об этом, Рамон вынырнул из сессии и уставился на меня так, будто решил в уме сложную математическую задачку. На которые мне совершенно точно плевать. На задачки и на его пытливые взгляды.

Я подрываюсь, приближаюсь к нему:

– Ну что? – Даже ладони вспотели от волнения. Ну же!

– Ничего не вышло.

Этого можно было ожидать. Но я надеялась, верила, что у него получится, и провал ударяет по мне сильнее и ярче, чем его чувства.

– Я знала, – говорю я. – Но ты попробовал. Теперь моя очередь.

– У тебя тоже не получится. – Кажется, у меня в него веры больше, чем у него в меня.

– Это еще почему?

– Потому что я понял, что нужно. Точнее, кто. Мы оба.

– Нет, – вырвалось у меня прежде, чем я успела все обдумать. А следом на меня обрушились его недавние чувства. Его, мои. Все, к чему я прикоснулась в полной мере. И Рамон предлагает мне это повторить? Повторить без возможности закрыться, спрятаться от этой отцовской тоски и заботы по отношению к Саре.

Для верности я покачала головой, но тут же мысленно осеклась. Что я делаю? Из-за собственного глупого упрямства лишаю дочь возможности прикоснуться к нам, пусть даже ментально, через расстояние. Какая же я мать после этого?

Рамон же подлил еще масла в огонь:

– Нет так нет.

Чем добил меня окончательно. Если бы он спорил, я могла бы поспорить в ответ, а тут все время со мной соглашается. Бесит!

– Ты не станешь меня переубеждать? – спросила я.

– Я уже говорил, что это для тебя опасно, и совершенно точно не стану тебя заставлять.

Я прищурилась:

– То есть заставлять меня что-то *не делать* ты можешь?

– Только если это угрожает твоему здоровью и безопасности.

Он невозможный!

Я стягиваю туфли, плюхаюсь на постель рядом с ним и сажусь скрестив ноги.

– Давай покончим с этим! – командую и закрываю глаза.

– Ты же отказалась, – напоминает мой истинный ехидно.

– Я передумала. Я женщина, имею право. Если я не могу сделать это одна, придется делать это с тобой.

Покашливание Хантера свидетельствует о том, что мы устроили друзьям тот еще театр, поэтому я даже глаз не открываю, прошу:

– Али, начинай.

Моя рука оказывается сжата в теплой ладони Рамона. Я вздрагиваю, но не отстраняюсь: я готова пережить эти чувства заново, только бы почувствовать дочь. Пусть даже для этого придется почувствовать Рамона. Последнее меня пугает своей откровенностью. Потому что так нашу близость я не ощущала даже во время секса, когда раскрывалась под ним. Когда отдавалась ему без остатка.

Только, кажется, такие воспоминания, а точнее, чувства, которые они вызывают, совершенно не то, что нужно ему сейчас транслировать, и я сосредотачиваюсь на единственном якорю, единственном существе, которое меня сейчас волнует. На Саре. Под чарующий гипнотический голос Алиши погружаюсь так глубоко, как это только возможно, и тоже открываюсь, раскрываюсь, как делала совсем недавно, и задыхаюсь от силы Рамона, что вплетается в мою.

Сказать, что сейчас легче... вроде как я знаю, к чему готовиться. Но я все равно оказываюсь не готова. Наоборот, в этот раз все кажется острее, особенно, когда нет возможности закрыться. Точнее, она есть, конечно же, но я сама себя останавливаю, когда хочется инстинктивно сжаться, мысленно выстроить границы, запереть свое сердце и свой разум на замок. Я приказываю себе расслабиться, насколько вообще сила воли и расслабление могут сочетаться. Не могут, потому что даже спустя пару минут я похожа на сгусток нервов. Как в таком состоянии любовь дочери транслировать?

Дочь.

Сара.

Я должна думать о ней, а не о нашей связи с Рамонам. Но у меня ничего не получается, и когда я решаю, что не получится вовсе, то чувствую легкое поглаживание. Рамон гладит большим пальцем центр моей ладони, и это приводит меня в чувство, возвращает в реальность. Эта поддержка сейчас такая ценная для меня, и она позволит по-настоящему раскрыть сердце. Почувствовать тепло в груди, почувствовать мою волчицу, а вместе с ней волка Рамона. Это так красиво: наши звери сливаются друг с другом и срываются с места, убегая туда, где их дитя. Как же я забыла, что это и их дочь тоже!

Мое сознание летит следом за моей второй ипостасью: чувствами я с ней. С ней и с волком Рамона. Кажется, вместе мы пересекаем полмира, но на самом деле я этого не знаю. Мы все ищем-ищем на

пределе своих возможностей, как единый зверь, до тех пор, пока не улавливаем тот самый аромат.

Запах нашей малышки.

Не знаю, существуют ли в ментальном мире, где может властвовать только сознание, запахи, но я совершенно точно его чувствую. Я замираю, а после всей своей сутью тянусь к ней. Не только я, Рамон движется за мной. Со мной вместе, и...

Если эмоции истинного пугают своей силой, то эмоции моей малышки врезаются в меня своей искренностью. Искренностью, на которую способны только дети. Особенно новорожденные малыши, которые пока еще не осознают этот мир, его законы. Для них не существует слов, для них есть только чувства. И то, что испытывает Сара, то, что я испытываю я через нее, точно не спокойствие и безопасность. Не радость счастливого и самого желанного в мире ребеночка.

Моя малышка еще не знает, что такое страх, но она совершенно точно успела познать одиночество. Она чувствует себя брошенной и ненужной. Покинутой. Она плачет, она ничего не понимает. Ее эмоции не просто врезаются в меня, меня словно снова режут наживую. Что с ней сделала Альма? Она же хотела особенного ребенка, так почему не дает ей хоть капельку тепла? Мне хочется рыдать и рычать одновременно, хочется броситься к ней, но воля Рамона становится между нами. Я будто вижу, как он качает головой, а затем «шагает» к дочери первым.

Я готова драться за мою малышку, но почти сразу осознаю, почему он меня не пустил: Рамон «обнимает» ее, обволакивает собой. Это только чувства, но он дарит нашей дочери защиту. Любовь. И я понимаю, что со своей яростью к Альме, своим отчаяньем сделала бы только хуже – напугала бы Сару. Нет, так я точно делать не стану, поэтому нахожу в себе любовь. Это оказывается просто, потому что мои чувства к ней самые чистые, самые яркие. Как только мать может любить свое дитя.

Я присоединяюсь к Рамону, «обнимаю» дочь тоже, и что-то меняется: она откликается. Сначала настороженно, а затем в ее эмоциях вспыхивает узнавание. Вспыхивает и будто взрывается фейерверком чувств. Здесь и радость, и любовь, и такая нежность в ответ, что меня просто затапливает этой нежностью.

Я не знаю, сколько это длится. Мне так хорошо. Нам всем так хорошо, где каждый на своем месте. Полная семья, как я и мечтала. Как, кажется, мечтала и Сара. В безопасности. В любви. И так до бесконечности.

Пока Рамон, ментально поцеловав Сару, просто не выдергивает нас оттуда. Насильно отрывает меня от нее.

Я резко возвращаюсь в реальность и врезаюсь в него всем телом, трясу за ворот рубашки.

– Нет! Нет-нет-нет. Верни нас назад. Верни нас к ней!

Теперь я рычу уже в реальности, но Рамону хоть бы хны. Он стена. Он крепость. Он сила. Поэтому он скручивает меня раньше, чем я успеваю выцарапать ему глаза.

– Венера, хватит! – командует он. – Ты и так потратила достаточно сил.

Это правда, возможно, поэтому сейчас я дергаюсь в его объятиях с потугами мошки, запутавшейся в паутине. Но там же моя дочь!

– Ей же страшно без нас!

– Знаю, – Рамон встряхивает меня, ловит мой взгляд. В его ответном даже больше ярости, чем во мне. – Поэтому мы должны найти ее.

– Мы уже нашли ее.

– В реальности.

– Как?! Как, если мы понятия не имеем, где она.

– Я бы не был так уверен.

– Что? – выдыхаю и переставая сопротивляться. – Что ты такое говоришь?

Рамон не отвечает, точнее отвечает, но не мне. Потому что Хантер за моей спиной интересуется:

– Сработало?

– Да. Я знаю, где моя дочь.

ГЛАВА 7

Рамон

Архипелаг Джайо.

Где еще могла спрятаться старая ведьма? Там, где до нее не доберется Артур и Волчий Союз. На одном из многочисленных островов, большинство из которых в принципе совершенно дикие и необитаемые. Иголлка в стоге сена? Лучше сравнения не придумаешь. И найти Сару в другой раз было бы сложно, если не сказать невозможно. Но у него была связь. Точнее, у них с Венерой была связь.

Рамон пробовал дотянуться до дочери самостоятельно, ничего не получилось. Он чувствовал лишь свою истинную, то, как она закрывается от него, пытается отстраниться, отгородиться стеной, и все его силы уходили на попытки перелезть, преодолеть эту заслонку, прорваться сквозь ее нежелание соединиться с ним, быть с ним.

Венера не желала иметь с ним ничего общего. Но так получилось, что нечто общее у них с ней уже было. Некто очень маленький и напуганный. Нуждающийся в любви и защите. И ради дочери его *пена* готова была на все. Даже сложить оружие, перестать угрожающе рычать и скалить клыки. Она готова была заключить перемирие.

Это злило. Предки, это невыносимо злило. То, что его истинная была согласна принести себя в жертву, только бы освободить дочь. Но не ее самоотверженность, он сам жизнь положит ради Сары, если потребуется. Если потребуется! На самом деле, Рамон собирался жить. Ради дочери, ради своей пары, ради себя, в конце концов. После того, как он побывал на волосок от смерти, он совершенно точно планировал прожить еще как минимум лет сто. Счастливо и со своей семьей и умереть, зная, что оставил после себя таких же счастливых детей и внуков.

Но вот Венера его план не поддерживала. Она не желала его знать, всячески подчеркивала, что сделает все ради Сары, поэтому и согласилась на его помощь. Терпела его.

Венера всячески показывала, что его терпит. И терпит потому, что у него больше всего шансов отыскать Альму. Будь на его месте Микаэль, Артур или этот придурок Рауль, она бы так же приняла их помощь. Только чтобы найти дочь. У Рамона просто есть фора из-за его силы. Его возможностей. Еще он хочет найти Сару без условий и условностей. Защитить ее. Сделать это для Венеры, а не для себя.

Но его прекрасная пена ошибается. У Рамона свои мотивы. Он хочет спасти Сару ради их семьи. Хочет увидеть радость во взгляде его женщины. Хочет увидеть ее счастливой. Снова почувствовать ее эмоции.

Ее эмоции. Даже воспоминания о ее любви к их дочери разливались теплой волной в его груди. Предки, он готов выть от тоски и безысходности, даже убьет, наверное, за то, чтобы почувствовать хоть толику силы этих чувств к себе. И забрать всю эту боль себе, защитить свою малышку, несмотря на то, что она из всех сил старалась изображать сильную и стойкую женщину. Точнее, Венера и была сильной, но нуждалась в защите, внимании и любви не меньше их новорожденной дочери. Если не больше!

Он почти оставил ее в Легории, убедил себя, что так будет лучше. Экрот защитил бы его истинную, а его супруга сделала бы все, чтобы Венера не чувствовала себя одинокой. Но пена решила иначе, отправилась за ним, вместе с ним, и Рамон разрывался между радостью и желанием оставить свою женщину в безопасном месте. Только могла ли она быть в безопасности вдали от него? Раньше Рамон считал, что он сам опасность, что его истинной рядом с ним светит только боль и разочарование. Но сейчас, после того, как он умер и воскрес, он не хотел расставаться с Венерой ни на одну минуту.

Интуиция, доставшаяся ему от предков, а, может, эгоистичное желание побуждало его взять истинную с собой. И по какой-то странной иронии, именно вместе они смогли не просто дотянуться до Сары, а найти ее. Пока Венера окутывала их дочь любовью, оставляла свое «сообщение», он считывал направление. На это ушла, наверное, тонна энергии, но теперь Рамон совершенно точно знал, где дочь.

На островах Джайо, куда они сейчас летели.

Венера отказывалась с ним разговаривать. Во-первых, потому что Рамон не сообщил ей о том, что собирался не просто связаться с дочерью, а определить ее местонахождение. Во-вторых, потому что

вылетели они лишь на следующий день: он буквально заставил истинную отдохнуть и выспаться. Пригрозил, что ляжет с ней на одной кровати, если она не станет спать. К его огромной досаде сработало, Венера сделала все, только бы он к ней не приближался. Не притрагивался. Вздрагивала от любых прикосновений, от самых легких, невинных и даже случайных касаний. Это и злило, и одновременно придавало ему еще больше решимости разобраться с Альмой. Вернуть себе семью.

И совсем скоро он сможет это сделать.

Они долетели до Джайо ближе к вечеру следующего дня. Точнее, это на архипелаге был вечер, а в Легории уже давно глубокая ночь. Учитывая, что Венера все еще жила по прежним биоритмам, она не спала, когда они сели в аэропорте Хайла на материке. Дальше следовало добираться либо на вертолете, либо на катере. И Рамон понял, что после всего, что было, нескоро сядет в вертушку, тем более не посадит в нее Венеру.

Благодаря тому, что он настоял на отдыхе, истинная больше не выглядела так, будто вот-вот рухнет без сил: ушли темные круги под глазами, бледность, проявился легкий загар, который Венера приобрела в Вилемие. Она нравилась ему любой, но еще больше ему нравилось, что она чувствует себя отдохнувшей. Даже ее аромат изменился. Когда Рамон признал факт, что Венера важна для него, что она его истинная, что он влюблен в нее, ее аромат стал для него самым вожделенным запахом. Он мог почувствовать его на расстоянии. Он щекотал обаяние, призывал быть с ней, побуждал сделать ее своей. Волк внутри нее бесновался, желая воссоединиться со своей волчицей. И не объяснишь ведь своей звериной сути, что Венера пока не готова его принять. Признать истинным. Они будто поменялись с ней местами, и Рамон сполна почувствовал все, что испытывала его пара, когда он говорил, что ему важен и нужен только ребенок. Конечно же, он тогда сам себя обманывал, сам верил, что это правда.

А Венера? Говорит это лишь для того, чтобы причинить ему боль, отыграться на нем? Или действительно уверена в том, что между ними все кончено? О последнем Рамон старался не думать, сосредоточившись на своей единственной цели. На спасении дочери.

– Катер Зена уже в порту, – сообщил ему Хантер. – Я поплыву с тобой.

Рамон даже не собирался спорить по этому поводу: Прайер не только сильнейший волк, он умен и хитер, но главное, он на его стороне, и в таком деле от помощи отказываются лишь идиоты.

– А мы? – интересуется Венера. Впервые заговаривает с ним с тех пор, как он приказал ей отдыхать. Эта неугомонная женщина не желала терять ни минуты. Особенно после того, как Альма могла что-то заметить в поведении Сары. И спрятать ее.

Рамон придерживался другого мнения. При всей продуманности Альмы, она вряд ли могла даже предположить, что это возможно – настолько сильная связь истинных. Наверное, узнай Альма про эту связь, она бы охотилась не только на ребенка, на всю их семью. Их преимущество во внезапности.

– Вы с Али останетесь в гостинице, – отвечает Хантер. – Берн с ребятами за вами присмотрят.

– Нет, – заявляет его упрямая женщина. – Я должна плыть с вами.

Глаза Хантера вспыхивают синевой: кажется, упрямство истинной раздражает не только Рамона.

– Не мне объяснять тебе, насколько это опасно, Ви.

Но если в случае Рамона это оправдано – она его пара, то Прайер пусть держит свои эмоции при себе. Венера слишком много пережила, поэтому у Рамона вырывается утробное рычание, которое Хантер воспринимает по-своему:

– Ты серьезно хочешь подвергнуть опасности ее жизнь?

– Нет, – отрезает Рамон, – но это не значит, что можно обращаться к ней в таком тоне.

Обрадовавшаяся было истинная, хмурится:

– Ты не можешь оставить меня здесь.

– Поговорим наедине, – предлагает Рамон.

– Нет, – отвечает Венера слишком поспешно. – У меня нет секретов от друзей.

– Зато у нас есть секреты от вас, – заявляет до этого молчавшая Алиша. – Мне надо сказать несколько слов мужу.

Она хватается Хантера за руку и направляется к выходу из самолета. Они все-таки остаются одни, даже команда давно покинула салон. Это другой самолет, другой салон, но он навеивает воспоминания о том, как он впервые вез Венеру домой, к себе на остров. Тогда его злило его притяжение к ней, ее важность в его жизни, но так же, как сейчас,

Рамону совершенно точно хотелось шагнуть к ней, притянуть к себе и целовать. Целовать до тех пор, пока в голове у истинной не останется ни одной связной мысли. До тех пор, пока не начнут гореть губы. А чего хотелось ей? Он не знал, потому что пена от него тщательно закрывалась.

– Предатели, – тихо цедит Венера, но ту же надевает на лицо маску спокойного безразличия. – Ты знаешь точное месторасположение логова Альмы? Можешь сходу взять и указать на карте? Только не лги, я сразу пойму, если так сделаешь.

– Мне незачем тебе лгать, пена. Мы договорились о честности.

Она морщится:

– Не называй меня так. Это... навевает ненужные воспоминания.

– Ничего не могу с собой поделаться, – он криво улыбается. – Для меня ты всегда будешь моей малышкой.

– Я не твоя!

– Моя. Моя истинная. Хочешь ты этого или нет.

Что точно хочет сделать Венера, так это возразить, но он не дает ей такой возможности. Она совершенно права: они действительно теряют время.

– Этот спор бессмысленный.

– Согласна. Так что? Ты уже знаешь, где Сара?

– Нет, – качает он головой. – Я видел направление, а не конкретные координаты. Но это уже много. В юго-западной части немного необитаемых островов. Мы их проверим с помощью Зена.

– А если не получится, тогда что? Ты сам сказал, что Альма многие годы водила за нос весь Волчий Союз! Уверена, она идеально замаскировала свое логово. Может, у нее вообще подземный бункер? Или не знаю... Подводная лодка?

Он приподнимает бровь:

– Подводная лодка?

– Неважно, – отмахивается она и ловит его взгляд, смотрит в самое сердце. – Рамон, вдруг понадобится наша связь.

– Не понадобится.

– А если понадобится? Я должна быть рядом с тобой. Как же: все делаем вместе? Мы же пара, в конце концов...

В ней вспыхивает злость. Он резко шагает к ней, прерывая ее слова, кладет ладони на ее талию, притягивает так близко, что может

теперь шептать слова губами в губы.

– Пара, Венера? Ты готова признать меня парой? Принять как своего истинного.

Она такого напора не ожидает, поэтому застывает в нерешительности. Одурманивая его своим ароматом, будоража близостью. Эта близость длится всего мгновение, давая Рамону надежду и разрушая ее, когда Венера приходит в себя и делает шаг назад.

Не готова. Ей не нужно это даже произносить, и так все понятно. И все вроде как он того хотел – она в безопасности, но почему же тогда так тошно?

– Это слишком опасно. Я достаточно потерял близких, чтобы потерять еще и тебя. Ты остаешься.

Он ставит точку в их разговоре и уходит.

ГЛАВА 8

Венера

Не знаю, чего я жду от Рамона. Но точно не того, что он оставит меня на материке. Не того, что отправится на поиски Сары один. После того, как сам позвал меня с собой. После всех его слов о том, что мы семья. Что мы пара. Поверить не могу, что он меня кинул! Использовал!

Да, именно использовал! Мы вместе дотянулись до Сары, вместе ее почувствовали, и искать, спасать должны вместе. Но верховный старейшина, пусть даже бывший, решил, что на этом его работа в команде окончена. И можно, прикрываясь заботой обо мне, оставить меня на материке. Да, именно прикрываясь, потому что я могла ему понадобиться для связи с Сарой! Наша связь вообще была единственной возможностью ее найти. Но Рамон все равно продолжал стоять на своем. В итоге у меня вовсе возникло ощущение, что он не хочет найти дочь. Иначе бы использовал все варианты. Я даже не против того, чтобы он использовал меня. Все ради Сары.

От такого откровения Рамон буквально озверел и больше со мной не разговаривал, а затем вовсе отчалил из порта.

– Они найдут ее, – обняла меня Алиша, когда я смотрела вслед уходящему катеру. Это была частная гавань и сейчас почти безлюдная, не считая нашей охраны. Не настолько живописная, как в Гэжеле, но красный закат был необычным и соответствовал моему настроению.

– А если нет?

Риторический вопрос, ответ на который я хотела знать, и одновременно не хотела. Больше всего на свете я желала обнять дочь, а один самоуверенный папаша стоял между нами.

– Надо верить в лучшее.

– Моя жизнь – сплошная задница, о каком лучшем ты говоришь, Али?

– Да ладно? – нахмурилась подруга. – И что по-твоему задница, Ви? Встреча с истинным, который в тебя влюблен? Твоя прекрасная дочь? Друзья, готовые пойти за тобой и в огонь, и в воду?

Кажется, я ее довела. Потому что на флегматичную Алишу это было не похоже, больше на яростную Чарли. И я почувствовала укол вины: все-таки за друзей и дочь я была благодарна. А вот насчет Рамона...

– Он не влюблен в меня. Он с самого начала заявил, что ему нужен ребенок.

– И ты поверила? – скептически хмыкает волчица.

– Эй! Ты как моя подруга должна быть на моей стороне.

– Я и есть на твоей стороне, – примиряюще вскидывает руки Али. – Если он тебя не любит сейчас, пускай полюбит. Вы истинная пара. Вы читаете чувства друг друга.

– У него сердца нет, нечем любить, – заявляю я, но, правда, уже не так уверенно. Я действительно считала чувства Рамона, когда мы объединились для поиска Сары. Но это же все равно были чувства к дочери, а не ко мне.

К причалу пристает еще один катер, поменьше того, на котором отчалил Рамон, из него выпрыгивает молодой чернокожий парень. А вот у его спутницы, которой он подает руку, кожа цвета светлой карамели и тонкая, как тростинка, фигура. Парень вервольф, а девчонка – человек. Ничего особенного, но она будто кого-то мне напоминает. Не пара, девушка. Но вряд ли здесь способен оказаться кто-нибудь из моих знакомых. Тем более таких молодых.

– Венера, возвращаемся в гостиницу, – командует Берн, и я киваю, отворачиваясь от парочки. Но не успеваю сделать и шага.

– Подождите! – кричит девушка на легорийском, явно направляясь в нашу сторону, и я ее узнаю. По голосу. Ее яркие волосы скрывает черная бандана, поэтому без вариантов.

Это Мишель.

– Венера, подожди! Нам надо поговорить!

Очень хочется сделать вид, что у меня проблемы со слухом. Потому что Мишель – точно не тот человек, которого я хочу сейчас видеть и слышать, тем более с ней разговаривать. Учитывая, обстоятельства нашего знакомства. Она же должна быть на островах! Так что забыла на материке? Вопрос не в тему, потому что рыжая решительно движется в мою сторону.

– Венера!

– Еще один жених? – интересуется Алиша. – Или... в данном случае, невеста?

– Очень смешно, – морщусь я. – Это бывшая подопечная Рамона.

Мишель подбежала уже достаточно близко, чтобы ее можно было игнорировать, но Берн преграждает ей дорогу. Правда, за ее спиной практически тут же будто вырастает ее темнокожий спутник, предупреждающе качает головой – вроде говоря взглядом: «не касайся, иначе останешься без рук и с переломанными ногами». Грозный он какой-то, дикий. Так как на лице Мишель явно читается решимость до меня добраться, то лучше покончить с этим по-быстрому. Еще одной драки я не хочу.

– Все нормально, Берн, – говорю я. – Это мои знакомые.

– Которые тоже хотят тебя увезти?

Они с Али сговорились, что ли? Юмористы. Хотя в случае с Берном, это, кажется, даже не шутка. Впрочем, неважно.

– Этот разговор будет коротким.

Я поворачиваюсь к рыжей имани. Она будто бы изменилась и не изменилась. На острове Рамона пряталась от солнца, а сейчас все ее лицо, шею и руки покрывают многочисленные веснушки пополам с золотистым загаром.

– Что ты хотела, Мишель? – Может, резко, но честно: не хватает меня на притворство.

– Поговорить, – повторяет рыжая.

Взгляд! Точно, взгляд изменился. Если раньше Мишель при встрече обдавала меня высокомерием и смотрела на меня с ненавистью, то сейчас эти все чувства ушли, оставив какую-то неуверенность и... что-то еще, что у меня не получается понять.

– Говори, – разрешаю я. Не отвяжется же.

– Наедине, – уточняет она.

– Странное требование. Здесь все вервольфы, они все услышат.

– Мне без разницы, – передергивает плечами Мишель. – Главное, чтобы у меня было ощущение приватности. – Она неожиданно складывает руки на груди в умоляющем жесте: – Пожалуйста.

Этот образ так не вяжется с гордой Мишель, что я слегка теряюсь. Не могло же похищение и жизнь у джайо так ее изменить? Или могло?

– В прошлый раз ты чуть меня не убила, – напоминаю я, отчего немного расслабившийся Берн снова подбирается.

– Не тебя, а твоего ребенка, – поправляет Мишель, – и я не собиралась никого убивать, это безликие меня использовали.

Мне хочется закатить глаза. Нет, мозгов у нее так и не прибавилось, но, как ни странно, с такой рыжей общаться привычнее.

– И я должна тебе верить теперь?

– Не должна, – качает головой Мишель, глядя мне в лицо. – Но я очень хочу, чтобы ты меня выслушала. У меня с собой нет змей или оружия, твоя охрана может проверить. Я прошу пять минут твоего времени. Это же немного? Потом я вернусь к джайо, и ты меня больше никогда не увидишь.

– А если нет? – хмыкаю я. – Ты будешь меня преследовать?

Лицо Мишель становится по-детски обиженным. Да, мы обе понимаем, что я сейчас могу уйти, и тоже никогда ее не увидеть. И это сочетание: собственной власти и обезоруживающей искренности рыжей странным образом заставляет меня согласиться.

– Ладно, – киваю. – Но будешь снова говорить гадости, я развернусь и уйду. Мы пройдемся по набережной, – поворачиваюсь к Берну. – Можно?

– Только недалеко, – хмурится мой телохранитель.

Мы с Мишель отходим, но я замечаю, как рассредотачиваются остальные вервольфы, практически заключая нашу пару в кольцо. Хотя больше Мишель их беспокоит сопровождающий ее мужчина. Я могу их понять: выглядит он устрашающе, даже не выглядит, чувствуется. Силу альфы ни с чем не спутать, несмотря на молодой возраст. Это и есть тот самый Зен, о котором рассказывал Рамон? Он не представился, за все время он вообще не произнес ни слова. Не владеет нашим языком?

Впрочем, какое мне до этого дело? Я-то и на разговор с рыжей согласилась из любопытства, точнее, из-за нервов, и чтобы не возвращаться в отель раньше времени и маяться там в ожидании вестей от Рамона. С учетом того, что маяться я могу несколько дней, а так хоть на эту девчонку отвлекусь! Не буду психовать и волноваться за дочь хотя бы пять минут.

– Я хочу извиниться, – начинает сразу Мишель и тараторит, будто боится, что отведенное время истечет слишком быстро, прежде чем она успеет все сказать. – За то, что говорила гадости раньше. Я ревновала Рамона к тебе. Я считала его своим, хотя он никогда моим

не был. Прости, пожалуйста, за это. За все мои слова и поступки. Я не хотела навредить ребенку. Тем более ребенку Рамона. Это меня не оправдывает, но сейчас я раскаиваюсь в своих поступках.

– Это больше не имеет значения, – говорю и действительно верю в свои слова. Ревность Мишель теперь меня не трогает. Какая разница, что там было, когда есть дела поважнее.

– Для меня имеет! Я хотела начать с чистого листа, и у меня получилось. Но я хотела отпустить прошлое, и, когда узнала от Зена, что ты прилетела с Рамоном, я не могла не воспользоваться шансом.

– Чтобы очистить совесть?

– И поэтому, – краснеет рыжая. – И для того, чтобы рассказать, что я теперь знаю, что такое истинность. Что такое любить не из благодарности, а просто потому что между вами крепкая связь. И страсть, и нежность.

Мишель краснеет еще больше, а в ее взгляде такое мечтательно-обожательное выражение, что с ней сразу все становится ясно. Вспоминая, как она сходила с ума по Рамону, Зена становится почти жалко. Хотя если эти подростки нашли друг друга, то, наверное, за него можно порадоваться.

– Я завидовала тебе, – продолжает Мишель. – Страшно завидовала.

– Из-за Рамона? – вырывается у меня.

– Из-за него тоже, но и потому, что только ты смогла сделать его счастливым.

– Это не так Мишель, – качаю головой. – Просто ему нужен был ребенок.

– Ребенок? – улыбается рыжая. – Нет. Он мог получить ребенка от меня или от любой другой женщины. Но он захотел ребенка от тебя. Рамон говорил, что преодолел несколько островов, а потом выступил против племени Зена?

– Из-за тебя.

– Из-за тебя! Точнее из-за катера. Он мог остаться, стать мужем жрицы джайо, но предпочел вернуться.

– Что?! – кажется, мы с моей волчицей обе в шоке. Она из-за ревности, я за компанию.

Мишель выглядит пристыжено, будто лишнего сболтнула.

– Да, он очень понравился одной нерене, но его интересовала только ты. Всегда только ты. Он рвался к тебе.

Я могу поклясться, что сейчас волчица внутри одиноко завывала, а у меня, кажется, дрогнуло сердце. Насколько это правильные слова, те слова, которые мне бы хотелось услышать. Раньше так точно. Но разом меня охватывает и другое чувство. Колкое, болезненное. Что, если Рамон не хотел брать меня с собой на земли джайо из-за этой жрицы? Может, он не только о моей безопасности заботился?

– Это все? – интересуюсь я холоднее, чем, возможно, стоило.

– Нет, – качает головой Мишель. – Я хочу, чтобы ты меня простила. Ты простишь меня?

Я удивленно моргаю. Зачем ей мое прощение?

– Зачем тебе мое прощение?

– Потому что из-за меня вы с Рамоном разлучились. Он застрял здесь и не успел, когда ты рожала.

А Мишель в курсе новостей, понимаю я.

– Он успел, – разочаровываю ее. – Просто не сумел защитить.

Глаза у рыжей круглые-круглые, но все объяснять мне не хочется.

– Мне не за что тебя прощать, – говорю, – но если тебе нужно мое прощение – держи его.

– Спасибо! – Девчонка неожиданно бросается ко мне, обнимает. Вижу, что один из вервольфов бросается к нам, и скидываю руку в предупреждающем жесте, мол все нормально, просто Мишель бурно выражает свои эмоции.

– Ты меня задушишь, – рычу я, и она ослабляет хватку.

– Прости! Спасибо-спасибо. Что я могу для тебя сделать? Мы теперь семья, я сделаю для тебя все, что угодно. Все, что смогу.

Предки защитите от таких родственников!

Мне от Мишель ничего не надо. Что она может сделать? Она – ничего, приходит осознание, а вот Зен... Разом вспоминается и связь, которая может пригодиться в поиске малышки, и жрица, посягающая на моего истинного. Поэтому моя идея мелькает в сознании безумной вспышкой, растекается адреналином в крови.

Как вовремя мы обнимаемся, можно прижаться к девушке крепче и прошептать ей на ухо то, что даже вервольфы не смогут услышать:

– А ты сможешь отвезти меня на острова джайо?

Мишель отстраняется, смотрит на меня широко раскрытыми глазами.

– Зачем тебе?

– Чтобы спасти свою дочь. Именно за этим Рамон здесь, а я могу ему помочь.

– Тогда почему ты сразу не поехала с ним? – хмурится рыжая.

Бесы, а она умнее, чем кажется. Ничего, буду уповать на женскую солидарность.

– Потому что он считает, что женщинам на землях джайо не место.

– Не место?! – достаточно громко и со смешком восклицает Мишель. – Он не сказал тебе? Племенами джайо правят женщины. Нерены, как я.

– Жрицы? – уточняю прищурившись, хотя и так уже знаю ответ. Рамон непростой волк, значит, и женщины на него непростые западают. Нерены, например. А-р-р.

– Да, – кивает Мишель, подтверждая мои мысли.

– Тогда ты выполнишь мою просьбу?

– Ты же не собираешься идти к жрицам? Или искать дочь в одиночку?

До такого даже я не додумалась. Сама прекрасно понимаю, что искать Альму самостоятельно бесперспективно и опасно. Да и что я могу ей противопоставить? Нет, я не сумасшедшая и мозги свои не растеряла.

– Нет, – качаю головой. – Просто доставьте меня к Рамону. Вы ведь к нему едете?

– Да, – признается рыжая. – Зен решил ему помочь.

На этот раз обнимаю ее я.

– Тем более.

– Он же отправит тебя назад.

– Не отправит, – отмахиваюсь. – Только время потеряет. А наша связь поможет найти дочь.

Просто кое-кто настолько упрямый, что не хочет признавать очевидных вещей! И это сейчас не про Мишель.

На лице рыжей отражается сложный мыслительный процесс, она оглядывается на своего истинного, потом переводит взгляд на меня. Я

не мешаю, потому что мне-то надо, чтобы она приняла «правильное» решение. И она его принимает:

– Думаю, Зен не откажется тебя подвезти.

Отлично. Осталось договориться с моей охраной. Я даже не собираюсь пытаться от них сбежать. Во-первых, они боевые вервольфы, а подставлять своих новых союзников – это фу. Во-вторых, это еще и подставлять Хантера. О чем мне сразу заявил Берн, когда я все ему красиво и логично разложила по полочкам:

– Хантер мне голову оторвет, Венера, если я тебя отпущу. Конечно, мой ответ: «Нет».

– Не оторвет, – внезапно принимает мою сторону Алиша. – Скажешь, что это мой приказ.

– У тебя есть такие полномочия? – я стараюсь не уронить челюсть.

– Естественно. В конце концов, я первая волчица, – говорит подруга, которую я привыкла видеть скромной девчонкой. Но она действительно первая волчица, пара верховного старейшины Легории, и сейчас от нее струится сила супруги альфы, рожденного имани. Эта сила как печать, никаких слов больше не нужно. От этой силы даже у меня мурашки по телу, хотя она направлена не на меня.

– Я могу не учитывать твои указания, первая волчица, если это как-то может навредить твоей безопасности, – морщится Берн, сопротивляясь силе Алиши.

– Я в безопасности, – хмыкает она. Хотя ничего смешного здесь нет, вообще даже язык не поворачивается назвать ее Али, настолько жутковато она сейчас ощущается. – И Венера тоже будет в безопасности рядом со своим истинным.

– Если доберется до него.

– Отправь вместе с ней пару лучших бойцов. Хотя здесь все лучшие, Хантер всегда выбирает лучших.

– Хорошо, – сдается Берн. – Эта ответственность на тебе, моя первая волчица.

– Отлично, – царственно кивает Алиша. Больше никогда даже в мыслях не назову ее Али.

Особенно, когда она этой силой касается меня. Красивая и строгая.

– Теперь, Венера, пообещай мне, что не станешь геройствовать, и что только встретишься с Рамоном. Я видела вашу связь, чувствовала ее. Я знаю, что она вам еще понадобится. А еще я знаю, что вы истинные, поэтому должны быть вместе.

Может, у меня и есть что возразить насчет истинности, но я не собираюсь спорить. Мне надо туда, на острова, к нему и к Саре. Поэтому я просто обнимаю Али и обещаю:

– Клянусь нигде не теряться.

– Это точно не ловушка? – шепчет она, обнимая меня. – Ты им не слишком доверяешь?

– Нет, это не ловушка, да, я доверяю Зену и Мишель, они практически часть семьи. И кажется, тоже в курсе, насколько важна парность.

– Еще бы об этом вы с Рамоном помнили.

– Я вот помню, – возражаю я.

– Ага, как же, – снова хмыкает подруга, но я решаю тему не развивать, и так нервничаю.

– У вас с Хантером проблем не будет? Из-за меня.

– Что он мне сделает? – серьезно интересуется Алиша. – Разведется разве что.

– Мама!

– Уходи, – разворачивает она меня к пристани и толкает в спину, – пока я не передумала.

И я шагаю вперед, чтобы натолкнуться на взгляд шоколадных глаз избранника Мишель.

Несмотря на внушительный рост, Зен явно меня моложе, но при этом по взгляду кажется, что наоборот старше лет на двадцать. Настолько он сосредоточенный и угрюмый. И он явно не рад моей компании. Чутьем, интуитивно ловлю, что он мне совсем не рад.

Я думала, что самое сложное уболтать Мишель мне помочь, или убедить Берна меня отпустить, но что если проблемы возникнут с Зеном? Об этом я не позаботилась.

Впрочем, мы, я и сопровождение, беспрепятственно поднимаемся на катер и через несколько минут, набрав скорость, покидаем гавань.

Вот только чем дальше отходим от берега, тем больше адреналина становится в моей крови. Как Рамон встретит меня? Как отреагирует? Не отправит ли обратно? Хотя я убеждала Мишель, что нет, от него

можно ждать чего угодно. Конечно, в отличие от Хантера и его Алиши, Рамон не может со мной развестись. Мы не женаты. Но в остальном я уже убедилась в том, насколько он упрямый. Только вот я упрямее. Поэтому я стараюсь выкинуть из головы сомнения и переключаюсь на здесь и сейчас.

Здесь и сейчас уже ночь, и огни гавани уже стерлись с горизонта. На стороне джайо нет ни одного фонаря, только вырастающие впереди черные скалы. Я ежусь от этого зрелища, слишком они мрачные. Мрачные скалы, мрачные острова, мрачное место, где погибло множество вервольфов. Если верить Рамону, то те вертолеты взорвали по приказу отца Зена, который был в сговоре с Альмой. Правда, последнюю подорванные вертушки не порадовали. Она не собиралась убивать своего любимчика. Но когда «убила», не сильно расстроилась и переключилась на мою дочь.

Катер подошел почти вплотную к ближайшему острову и свернул влево, огибая скалы, которые теперь оказались сбоку. Кажется, только звук мотора нарушает тишину природы. Может, была виновата ночь, а может, мое взвинченное состояние, но земли джайо мне заранее не понравились. Жутковатое место, совершенно не подходящее для моей солнечной малышки.

– Страшно? – интересуется по-вилемейски Зен, выдергивая меня из размышлений. Поднимаю голову и понимаю, что вопрос адресован мне.

– Нет, моей дочери страшнее, – отвечаю я.

– А должно быть.

Я вопросительно приподнимаю бровь.

– Ты согласилась поехать с незнакомцем непонятно куда. Одна.

– Во-первых, я знаю Мишель.

Которая, кстати, сидела на скамейке, завернутая в плед, и, кажется, наш разговор не слышала. Для человеческого слуха нам бы пришлось кричать.

– Которая не была твоим другом, – напоминает Зен.

– Во-вторых, я не одна, – киваю на свою охрану, такую же мрачную, как острова джайо.

– Ты без своего мужчины, и он даже не в курсе, что ты его послушалась и отправилась сюда.

– Если ты про отца моей дочери, то да, я надеюсь, что ты отвезешь меня к нему.

– А если нет? – Зен снова сменил курс, и мы помчали между островов.

Меня это напрягло. Но из-за себя даже, из-за моего сопровождения. Потому что взорвали вертолеты, потому что на них верховные летели, а пострадали еще и другие вервольфы.

Впрочем, кажется, я совсем страх потеряла, потому что встретила его взгляд с непробиваемым спокойствием.

– Что ж, это будет печально для меня, – пожала плечами. – Но какой смысл тебе, например, топить меня в местных водах?

– Топить точно нет смысла. Но я могу сдать тебя ведьме.

– Ты про Альму? Мило. Только я ей не нужна. Она уже получила мою дочь.

Альма хоть и давала мне визитку и просила звонить в любое время, вряд ли обрадуется мне у себя на пороге.

– Ты нужна Рамону. Он же не стал тобой рисковать, когда оставил на материке.

Я достаточно потерял близких, чтобы потерять еще и тебя.

Верю ли я в эти слова? Не знаю, но Рамон в них верил, когда говорил. Зену об этом знать не обязательно, пока я не разобралась: проверяет он меня или действительно собирается за чем-то сдать Альме.

– Он оставил меня на материке, чтобы под ногами не мешалась, а не от большой любви.

– Разве вы не пара?

– А он не рассказывал, что он особенный вервольф-универсал? Может поменять пару в любой момент.

Зен смотрит на меня с минуту, огромный, угрожающий, а после в его взгляде мелькает изумление пополам с чисто мужским суеверным страхом.

– Ты сумасшедшая, – выдыхает он. – Думаешь, твоя жизнь ничего не стоит?

– Стоит. Я очень хочу жить, – говорю и понимаю, что это правда. – Если ради дочери я готова была умереть, то эта поездка, тот факт, что мы с Рамоном смогли дотянуться до Сары... Это все пробуждает во мне желание жить. – Но и на берегу сидеть не

собираюсь. Достаточно насиделась. Пришло время посмотреть своим страхам в лицо.

– Сумасшедшая, – повторяет он, и мы оба знаем, что это не комплимент.

– Ну что, отвезешь меня к Рамону или сдашь ведьме? Мишель, конечно, не обрадуется. Ей снова придется у меня прощения просить.

– Я не знаю, где ведьма, – морщится вервольф. – Будет тебе встреча с Рамоном. Я не стану обманывать Мишель.

Я выдыхаю, как после глубокого погружения в воду.

– А что это только что было?

– Проверка.

Проверка, ага. Мужчины. С такими нужны нервы как канаты.

Продолжать разговор как-то не хочется, а через минуту выясняется, что и не нужно вовсе. Впереди вырастает не просто очередной остров, но остров со множеством выступающих гор, такой правильной формы, что я сначала теряюсь. Затем до меня доходит, что это создала не природа, а человек или вервольф.

Это пирамиды из моего сна.

ГЛАВА 9

За последние полгода, даже меньше, в моей жизни произошло столько «удивительных» вещей, что, казалось бы, надо перестать удивляться. Но оживший сон – это уже за гранью. Я даже ущипнула себя, чтобы проснуться. Не проснулась. То есть, все было наяву. Теперь наяву. Зен вошел в бухту и почти причалил к берегу. Естественно, здесь не было причала, поэтому покидать катер пришлось по воде. Один из вервольфов Хантера предложил меня донести, как это сделал Зен с Мишель, подняв ее на руки, как пушинку. Но я покачала головой, стянула туфли и ступила в покачивающийся маленькими волнами океан, который оказался приятно-прохладным. Закатать брюки я, увы, не подумала, так что они успели намокнуть, зато именно это подтолкнуло меня не тормозить, бросая зачарованные взгляды на каменных исполинов, а быстро идти к берегу.

– Где мы? – интересуюсь я, когда мы оказываемся на не успевшем остыть от жаркого дня песке. – Что это такое?

Я киваю на пирамиды. У меня мурашки по коже от этих сооружений, в них столько силы, будто передо мной не несколько аккуратных груд камней, а живых вервольфов. Альф, не меньше. Но еще больше мурашек от слов Зена:

– Это наши храмы. Храмы первых джайо. Храмы предков.

Как в моем сне.

– Зачем мы здесь?

– Ты же хотела увидеть Рамона.

Вопрос другой – зачем здесь Рамон. Но это уже стоит спросить у истинного.

– Идем, – подзывает Зен остальных, указывая на тропинку, уводящую в джунгли.

Лес смыкается за нашими спинами очень быстро, но насчет тропинки я, пожалуй, погорячилась, потому что здесь целый коридор, утоптаный множеством ног и лап. Это действительно храмы, и храмы, которые постоянно посещают.

– О чем вы говорили? – спрашивает Мишель, поравнявшись со мной.

– Ревнуешь? – приподнимаю бровь.

– Вот еще! – мотает головой. – Я уже успела убедиться, что я для Зена единственная женщина. На других он совсем не смотрит, а меня обожает.

Что еще нужно рыжей девочке? Чтобы ее обожали и носили на руках. Впрочем, почему только ей?

– Почему именно это место? – вопрос, не дающий мне покоя.

– Не знаю. Я здесь тоже первый раз.

Дальше мы идем в молчании, и я впитываю ощущения, необычайную силу этого острова. Только выйдя к пирамидам, понимаю, что до сих пор несу туфли. Почему-то идти босиком по земле было настолько естественным, что я не задумалась обуться. Здесь, в этом месте, вообще все естественное, дикое, первозданное. Даже камень пирамид слишком древний, он будто врос в джунгли, слился с природой. Я настолько привыкла к цивилизации, к современной жизни, что, кажется, забыла о своей истинной сути, не имеющий никакого отношения к истинным парам.

К сути волчицы.

Здесь же все о ней напоминало. Давило, побуждало перекинуться. Пришлось даже сцепить зубы, чтобы не стать волчицей, услышавшей зов предков. Не знаю, чувствовали ли то же самое остальные, но мужчины вида не подавали.

Кстати, об истинных. Присутствие Рамона я не ощущала тоже. Неужели Зен меня все-таки обманул? Сейчас заведет в пирамиду, а там Альма.

Я едва не рассмеялась, когда наш проводник действительно повел нас к центральной пирамиде. Потом стало не до шуток: если темный коридор из моего сна еще можно было списать на игры разума – все темные коридоры похожи, то большое помещение с расписанными фресками стенами и уж тем более сидящую на скамье-троне седую женщину – нет.

Она не просто похожа на жрицу из моего сна. Она и есть жрица из моего сна.

– Здравствуй, Венера.

– Здравствуй... Ману?

Она растягивает губы в улыбке и смотрит прямо на меня, затянутыми плотной пеленой глазами. Это было бы жутко, если бы от Ману не исходило спокойствие и дружелюбие. Она ведет себя так, будто мы не просто хорошие знакомые, а друзья. Ману поднимается, уверенным шагом подходит ко мне и вдруг обнимает, как давно утерянную родню.

– Рада свидеться с тобой наяву.

Не могу сказать того же. Потому что все это дико, странно и противоречит всем моим знаниям о мире.

– Как это возможно? – выдыхаю, подходя ближе. – Мой сон. Ты о нем знаешь. Ты была в нем.

– Волшебство, магия, сила предков. Только не говори, что ты не почувствовала ее, когда ступила на земли джайо. Не поверю.

Я уже сама себе не верю.

Но во что только не поверишь, чтобы найти дочь! Даже в магию предков.

– Ты можешь мне помочь? – спрашиваю у слепой Ману.

– Возможно, – туманно отвечает жрица.

Ответ так себе, но хоть что-то в сравнении с ничем.

– Если у тебя есть такой дар, ходить в чужие сны, значит, ты можешь сделать то же самое с моей Сарой...

– Это так не работает, волчица, – перебивает она меня. – На тот разговор с тобой я потратила почти все свои силы.

Все силы?! То есть она не поможет?

– Но оно того стоило, – продолжает жрица, – ты здесь.

– Я здесь для того, чтобы спасти дочь, – хмурюсь я.

– Да, – легко соглашается она. – Сначала за этим.

Сначала? А после? Волшебство этого места как-то разом меркнет. Может, потому что мне надоело, что меня пытаются использовать все, кому не лень. Меня, Рамона – вслепую, требуя все и не давая ничего взамен. Это ощущение только усиливается, когда Ману, будто подслушав мои мысли, тихо вздыхает:

– Ты не можешь спасти свою дочь одна, Венера. Но и я тебе не помощница.

– Тогда почему я здесь? – вопрос уже к Зену и Мишель, стоящим неподалеку. – И где Рамон?

Отвечает на него снова Ману:

– Теряет время. Проверяет острова неподалеку, но совсем скоро будет здесь. Ты его уже позвала.

– Позвала? – я приподнимаю брови. – Я совершенно точно его не звала.

– Не ты, – соглашается жрица, совершенно сбивая меня с толку. – Твоя волчица. Она зовет своего волка. Идем, тебе нужно подготовиться.

– К чему?

Я совершенно точно ничего не понимаю, но Ману слишком быстро для слепой скрывается в одном из многочисленных коридоров. Мне надо предупредить мое сопровождение, сказать что-то Мишель с Зеном, но это означает отстать от жрицы и потом искать ее в пирамиде. Поэтому я, мысленно выругавшись, бросаюсь за ней.

В коридоре темно, и Ману не видно, что заставляет меня выругаться повторно. Она же сама меня позвала, куда теперь делась?

– К чему мне надо готовиться? – спрашиваю в пустоту. Но я волчица или кто, в конце концов? Помимо зрения у меня есть нюх, и я следую за Ману по запаху. Правда, есть проблема, жрица здесь живет, и постоянно ходит этими коридорами, поэтому мне сложно в этой ипостаси различить, куда именно она пошла. Сложно мне, а вот волчице проще простого!

Особо не раздумывая, я избавляюсь от одежды и сменяю ипостась на звериную. Чувство странное, я еще ни разу не перекидывалась с тех, пор как родила Сару. Чтобы не задумываться о не самых приятных воспоминаниях, бегу вперед, обнюхивая стены и повороты.

Так аромат жрицы действительно отчетливее, и он выводит меня прочь из пирамиды, на уступ, напоминающий балкон без ограды или небольшую сцену. Ману уже здесь, и не только она. Внизу я улавливаю, слышу множество запахов, множество голосов и рычания. На площадке у подножья пирамиды собралось много-много волков, вервольфов джайо. Слишком много. Моя волчица даже пятится, не понимая, откуда они здесь. И почему мы их не почувствовали, не услышали, когда входили в храм.

Я чувствую себя странно перед всей этой толпой чужаков. Растерянной. Одинокой. Вначале хочется спрятаться, но это означает не сыграть свою роль, не добиться от Ману ответов. А старая имани явно знает больше, чем говорит!

С этой мыслью я шагаю вперед, под серебристый лунный свет. Настолько яркий, что сейчас он способен заменить солнце. Рычу на жрицу. Пока не угрожающе, предупреждающе. Потому что перекинуться назад на потеху всей этой толпе не могу, и допрашивать ее в образе волка – тоже.

– Спускайся, – приказывает мне Ману, кивая на лестницу.

Еще чего!

– Он там, – она показывает пальцем на джайо, и мне не приходится переспрашивать.

Я вижу далеко не сразу, но чувствую Рамона, идущего в толпе. В брюках, в белой рубашке, он по-прежнему в человеческой ипостаси, но это не мешает ему выглядеть самым главным хищником среди них, а волкам склоняться перед его могуществом. Они действительно склоняют головы, пригибаются к земле. Еще бы они этого не делали, когда Рамон такой злой! Моей волчице тоже хочется поджать хвост, но еще больше ей хочется радостно нестись вниз к своему волку. Животное, что с нее взять?

– Венера, – голос Рамона даже слегка дрожит от сдерживаемой ярости, – что ты здесь делаешь?

А то ты не знаешь? А то ты не знаешь, что я не могу ответить. Хотя, почему не могу? Перед толпой вервольфов я еще не перекидывалась, не о таком перформансе я мечтала, но мы все здесь звери, какая разница.

Глаза Рамона вспыхивают ярко-оранжевым, когда я вновь принимаю обличье человека. По ощущениям, его сейчас либо разорвет от злости, либо он поднимется и снимет меня с пьедестала. Но пока Рамон застыл внизу, в шоке то ли от моей наглости, то ли от вида моей обнаженки, надо пользоваться моментом.

– Спасая дочь, что же еще, – отвечаю ему. – И Ману знает, как это сделать. Нам вместе.

– Ты невыносима.

В меня ударяет обидой. Понятно, что мы ничего хорошему друг другу не скажем, но почему-то всякий раз больно от того, что мы не можем найти общий язык. И вообще время шокирования закончилось, Рамон устремляется ко мне. Правда, не так быстро, как мог бы. Будто он растягивает это время, дает себе возможность взять чувства под контроль. Я свои давно устала контролировать.

– Я просил тебя остаться.
– Не просил. Ты приказал.
– Но ты все равно сделала по-своему.
– Мне надоело делать по-другому. Слушать всех, кроме своего сердца.

Мы переговариваемся на расстоянии, да и без разницы. Все равно джайо говорят на другом языке.

– И что тебе велит сердце? – интересуется Рамон, оказываясь в нескольких метрах от платформы-балкона. Он расстегивает рубашку, стягивает ее с плеч. – Рисковать жизнью?

– А тебе – что? Объездить все острова?

– Пусть так!

Рамон оказывается рядом со мной: запрыгивает на платформу одним мощным прыжком. И укрывает своей рубашкой меня всю, закутывая в нее, закрывая меня от толпы своим мощным телом.

– Что угодно, только чтобы не принимать мою помощь? Мы теряем время, Рамон. Я уже здесь. Сделай, как говорит Ману. Послушай ее.

– Я уже послушал ее, и мою дочь похитили.

– Что?

– Она сказала, что я должен буду выбрать между двумя женщинами, и я выбрал. Тебя выбрал.

– Ты сделал свой выбор, – подтверждает Ману. – Поэтому ты вернулся к джайо.

– Как будто ты этому не рада? – с сарказмом интересуется Рамон.

– Я никогда не поддерживаю страдания, особенно детей.

Между эти двумя явно долгое, насыщенное знакомство, но я потом спрошу Рамона. Обо всем спрошу, а пока:

– Ману уверена, что может помочь.

– Возможно, – кивает жрица.

– Она ничего не делает просто так, Венера. Если она тебя сюда заманила, значит, ей что-то нужно.

– Ману меня не заманивала, я сама пришла. За тобой. На этом острове магия. Сила. Не знаю, что это такое, но оно может нам помочь. Я согласна на все.

– Даже умереть? – рычит он с досадой.

– Нет, – мотаю головой. – Я передумала умирать.

Наконец-то он меня услышал. Замер, словно в тисках сжимая мои плечи.

– Как ты собираешься искать Сару? – спрашивает он. – Использовать связь истинных? Она сужает поиски, но не указывает конкретное место.

– Будем сужать. Сильнее и сильнее. Пока не...

– Выдохнемся. Обойдем все острова, выполним обряд, и для Альмы уже не будем угрозой. Упадём замертво. Ты этого хочешь?

Мы бы так и стояли, буравили бы друг друга непримиримыми взглядами, если бы не Ману.

– Вы ищете как люди, позабыв, что вы волки, – сказала жрица.

Теперь мы одновременно уставились на Ману. Вроде она всезнающая, но, видимо, не в курсе, почему мы вообще приплыли на джайо.

– Мы отыскиали Сару через связь истинных, – отвечает Рамон, а я киваю.

– Не отыскиали, – качает головой жрица. – Пока еще. Но найдете, если перестанете спорить друг с другом.

– Мы не спорим, – рычит Рамон так, что даже у меня мурашки по коже. – Я забочусь о своей истинной.

Ману ярость моего истинного не пугает, она бесстрашно шагает вперед:

– Волк защищает волчицу, это так. Но и она прикрывает его горло, когда ему грозит опасность. Они действуют заодно.

– Мы заодно.

– Тогда почему ваша дочь не с вами?

Я на инстинктах чувствую, что Рамон готов взорваться. Для него это не шутки. Для меня это не шутки. Поэтому перехватываю его за руку, сжимаю, готовая поддержать. Во всем поддержать. Ну разве что кроме убийства выжившей из ума жрицы.

– Что нам делать? – интересуюсь у Ману. – Подскажи.

– Я уже все сказала. Вы ищете дочь как люди, отказываясь от помощи волков.

– Помощи волков? – переспрашиваю я и оглядываюсь на толпу за спиной. – Помощи джайо.

– Она говорит про наших волков, – объясняет Рамон. – О том, что надо перекинуться. Отдать власть им.

Он ловит мой взгляд, и я понимаю, почему он не предложил это раньше. Наши звери – пара. У них нет человеческих обид, предрассудков, осторожности, но и свобода воли отсутствует. Перекинусь – меня потянет к Рамону на тех же инстинктах. Как это было в нашу первую встречу. Я полностью отдам контроль волчице. Но если это спасет мою дочь, то слова тут лишние. И долгие размышления тоже.

– Так чего мы ждем? – спрашиваю и тем самым словно даю Рамону разрешение. На все, что последует после. На все, что бы не последовало.

Он перекидывается первым: разрывая одежду, вырастает огромным зверем, от устрашающего вида которого сердце пропускает удар, хотя я уже видела его таким. По-моему, только один вид волка Рамона способен обратить в бегство любого врага. Почему мы не подумали об этом раньше?

Потому что никаких «мы» не было. Каждый думал о себе. А теперь не только о Саре нужно думать, но и друг о друге.

Я отдаю контроль волчице раньше, чем успеваю передумать. Да и не хочу я передумывать. Впервые в жизни я уверена в своем решении на сто процентов. Даже если придется отдаться на волю инстинктов. Моя человеческая часть вопит от страха, а животная радостно воет, радуясь свободе, перехватывая контроль.

Ужасный волк Рамона поднимает голову к луне и воет. Так грозно, до мурашек. Но волчица не пугается, она радостно приветствует свою пару. Своего мужчину. Рамон принохивается, и я тоже. И чувствую его, почти сразу чувствую его. Точнее их, сильный аромат волка и нежный сладковатый запах своего волчонка.

Вервольфы джайо, другие жрицы расступаются, образуя живой коридор, когда наши волки устремляются через толпу. Когда они берут след.

Трава и песок под лапами, прохлада ночи, которая совсем не остужает во время быстрого бега. Я чувствую себя пассажиром в чужом теле, но Ману права: сейчас лучшее решение – это отпустить контроль и довериться звериной части. Волчица найдет своего волчонка, чего бы это ей не стоило.

Конечно, глупо полагать, что Альма спрятала Сару на этом же острове, и нужно плыть. Но когда мы оказываемся на берегу, там стоит

Зен, и он готов отвезти нас, куда угодно. Волкам не очень нравится пользоваться человеческой техникой. Я бы сказала, они к ней относятся нервно и с подозрением. Но они не отказываются. Нам нужны силы. Нужны силы, чтобы справиться с Альмой.

Рамон указывает путь, след, который тонкой ниточкой тянется вдоль архипелага. Пока не упирается в один из островов. Этот остров примечателен особенно высокими обрывами скал и темными провалами пещер. Именно туда и приводит наша звериная часть.

В тайное убежище Альмы.

ГЛАВА 10

За нами следуют другие вервольфы, те, что были у пирамид. Я не знаю, почему они нам помогают, да и не интересуется это мою волчицу. Она сосредоточена на своем волчонке, только о нем и думает. А я могу только отмечать длинные тоннели, по которым мы устремляемся, удаляясь от берега. Быстро бежим по скользким камням до металлической заслонки, плотных дверей, похожих на те, что в современных лифтах.

Бункер.

Эта преграда заставляет волчицу нервничать, топтаться на месте. Потому что она готова перегрызть глотку за свое дитя, но двери, надежней тех, что у сейфов, ей не пройти. Мне в облике человека, в общем-то, тоже. Потому что у меня нет доступа к бункеру Альмы.

Ни у кого нет.

Я в панике оглядываюсь на Рамона, а он внезапно перекидывается. Тело волка уменьшается в размерах, превращая его в мужчину. Но не отменяет его силы и угрожающей ауры.

– Альма! – зовет он, подходя к темному экрану на панели рядом с входом в бункер. – Я знаю, что ты меня слышишь. Что ты знаешь, что я здесь. Как я знаю, что ты там, за этой дверью.

Минуту ничего не происходит, и мне кажется, что она не ответит. Притворится, что никого нет дома. Моя волчица в волнении едва не начинает рыть лапами землю. Как вдруг экран оживает, вспыхивает голубоватым свечением, и я подаюсь вперед. Изображение черно-белое, а качество не самое лучшее, но это точно Альма, и она прижимает к себе небольшой сверток.

Сара!

Мое сердце пропускает удар, в который раз за этот бесконечный вечер. Мой взгляд прикипает к экрану, а злость течет по венам, когда малышка начинает хныкать. Звериная, яростная. Волчица хочет разорвать горло этой женщине только за то, что ее волчонок плачет. А Сара плачет, хнычет на руках у Альмы, которая в свою очередь пытается ее успокоить:

– Тише-тише, крошка. Мамочка с тобой.

Мамочка?! Сомнительное заявление, и я не сдерживаю угрожающего рычания, клацнув зубами. В этом мы с волчицей солидарны.

– Здравствуй, Рамон, – наконец-то обращается она в камеру. – Не ожидала, что ты так быстро найдешь меня.

– Думаю, ты вообще рассчитывала, что тебя никто не найдет.

– Я не настолько наивна, чтобы поверить, что ты бросишь поиски дочери. Но верила, что у меня есть несколько лет. Пока Афина подрастет.

– Ее зовут Сара. – Голосом Рамона можно кости ломать, столько в нем мощных чувств.

– Мне без разницы, как ее назвал ты, дорогой. Теперь она моя дочь, и я придумала ей более подходящее имя.

Альма укачивает мою дочь, и она перестает плакать. Моему материнскому сердцу это и радостно, и одновременно мне хочется проломить эти слои бетона и металла, чтобы наконец добраться до нее. Я даже не знаю: это больше мое желание или Рамона?

– Открой дверь, – приказывает он опасно-спокойно.

– Я не настолько наивна, чтобы это сделать, Рамон.

– Открой, и я тебя не трону.

Она качает головой:

– Но забереешь Афину.

– Конечно. Я заберу Сару, потому что она моя дочь.

Альма прижимает *мою* дочь к груди, и Сара снова захлебывается в плаче. Это разрывает нам с волчицей сердце. Я утробно рычу, и Альма переводит взгляд на меня.

– Венера? – Ее удивление быстро сменяется радостью, что лично для меня тот еще показатель ее психического состояния. – Это же Венера!

Чего ты радуешься, тварь?

– Не думала, Рамон, что ты привезешь с собой свою пару. Очень недальновидно с твоей стороны. Вдруг с ней что-то случится? Что-то непоправимое.

Я смотрю на Альму, и понимаю, что весь ее уверенный вид – бравада. Потому что мы ее нашли. Прижали к стенке. Загнали в угол. Но Рамон, кажется, не настолько беспечен, потому что закрывает меня собой.

– Открой дверь, – повторяет он приказ. – Ты не сможешь сидеть там вечность, Альма. Тебе нужно пополнять запасы еды и воды, а вот мы можем и подождать.

– Ждите, сколько вздумается, – отвечает она и выключается.

Я бросаюсь на дверь, но Рамон меня удерживает: просто перехватывает меня, как собаку какую-то. Я клацаю зубами возле его лица, за что получаю угрожающее рычание и взгляд, которым меня будто припиливает к камням. Волчица не пойдет против своего волка и спорить с ним не станет. А я стану, поэтому перекидываюсь в два счета. Почему в два, а не в один? Потому что это оказывается не так легко, как обычно. У меня перед глазами темнеет, это я рядом с Ману была смелой, в эйфории, а вот обратное превращение заставляет меня вспомнить последний раз, когда я снова становилась человеком.

После родов. Когда хотела увидеть малышку.

Но это мгновенное помешательство, оно не имеет значения. Все, о чем я могу думать, о ком могу думать – это Сара. Сара на руках у бессердечной твари, которая хотела и меня убить, и Рамона. Последнему, кстати, не по душе мои трансформации туда-сюда.

– Тебе лучше оставаться волчицей, Венера.

Нашелся советчик!

– Надо что-то сделать, – говорю. – Вдруг у Альмы там запасной ход. Пока мы тут, она сбежит.

– Если бы могла, она бы не стала с нами разговаривать, – обнимает меня Рамон, снова прикрывая меня ото всех. – Но на всякий случай я попросил Хантера оцепить весь остров. Она не пройдет.

Он кивает темно-шоколадному волку, и тот убегает в сторону выхода.

– Что если она навредит Саре? Использует ее ради шантажа...

Рамон кладет ладони на мои плечи и ощутимо встряхивает меня:

– Нена, дыши. Дыши глубже. Она считает нашу дочь своей, поэтому не навредит ей. Ты же видела. Она сумасшедшая, но защищает Сару.

Подчиняясь его словам, которые медленно проникают в мое сознание, я делаю глубокий вдох и такой же длинный выдох. Мне на минуточку становится легче. Хотя я продолжаю дрожать и даже не возражаю против объятий истинного. Не сейчас точно.

– Что... Что мы будем делать? – интересуюсь сбивчиво. – Штурмовать?

Рамон поворачивается ко входу в бункер:

– Бесплезно. Это очень прочные двери.

– Ждать? Но тогда еда и вода может закончиться не только у Альмы и у тех, кто там внутри, но и у Сары!

– Я знаю об этом, – мрачнеет он. – Дай мне немного времени.

– Хоть все время мое заведи, только убери эту дверь между мной и дочерью, – прошу я.

«Немного времени» оборачивается часом или около того. Часов у меня, естественно нет, а здесь, в пещерах, да еще ночью, приходится полагаться исключительно на внутреннее чутье. По просьбе Рамона я перекидываюсь в волчицу и нетерпеливо слоняюсь по тоннелю. Истинный тоже перекидывается и вместе с другими вервольфами действительно пробует протаранить вход в бункер. Но сколько бы волков не было, какими бы мощными они не были, двери выдерживает: на них остаются лишь царапины.

Безрезультатно.

Как и попытки набрать на панели код доступа. Это действительно будто сейф. Но я готова ждать. Бдеть в этих коридорах неделями, если понадобится. Главное, у меня есть знание, что с Сарой все хорошо.

– Зачем ей это место? – интересуюсь у Рамона, принимая в очередной раз человеческий облик. – Почему именно здесь? На землях джайо.

– Формально эта территория никому не принадлежит. Да, Илайя присматривал за ней, но здесь всегда жили дикари. Здесь нет камер, Волчьему Союзу не так просто отследить то, что здесь происходит.

Волчий союз!

– Альма не позвонит им? Не попросит помощи?

Как-то совсем не хочется, чтобы на нас и весь этот остров сбросили ракету.

– Не думаю, – мотает головой Рамон. – Она лучше всех знает, что официально ее ждет суд и суровое наказание. Неофициально – Артур ей подобного не простит, так что до суда она вряд ли доживет.

– Даже не знаю, сочувствовать ей или сдать на руки Союзу, когда мы все-таки откроем эту консервную банку.

– Кровожадно, – коротко усмехается Рамон.

– Это все материнский инстинкт.

И снова эти объятия, которым я не противлюсь. Да и зачем? Сейчас как никогда хочется чувствовать поддержку друг друга, и Рамону это нужно не меньше, чем мне. Я обнимаю его. Как-то неловко, но обнимаю.

– Опять эта стена, – горько выдыхаю я. – В прошлый раз была между тобой и мной.

– Была? – переспрашивает он, утыкаясь носом мне в шею.

– Когда ты был здесь, а я пыталась до тебя достучаться.

– Я думал, ты о той, что между нами сейчас.

Продолжать этот разговор я точно не хочу: куда-то не туда он сворачивает. Лучше говорить об Альме и Саре.

– Она давно это планировала, да? Чтобы вы с Мишель сделали ребенка и отдали ей.

– Я бы не отдал своего ребенка, – холодно отрезает Рамон.

– Как видишь, для Альмы это никогда не было помехой.

– Очевидно, ты права.

Я тяжело вздыхаю:

– Я с удовольствием бы ошиблась.

– А я ведь даже не был с ней знаком, когда это все началось. Когда она взялась перестраивать мою жизнь. Сначала избавилась от отца, потом сделала все, чтобы Сиенна меня ненавидела... – Рамон осекается, но я кладу руку ему на плечо.

– У нее не получилось.

– У Альмы?

Это тоже опасная тема, но я начала ее сама.

– У Сиенны. У нее не получилось тебя возненавидеть. Кажется, у нее по-прежнему к тебе чувства. Несмотря ни на что.

– Только я ничего не чувствую к ней. Было глупо спутать юношескую влюбленность с истинностью. Это совершенно другое. Теперь я вижу разницу.

Мой пульс откровенно частит, когда он проводит по моей щеке, и это слишком близко. Слишком опасно. Поэтому я делаю шаг назад, отхожу к двери и панели.

– Жаль, мы не знаем кодов доступа. Это может быть все, что угодно.

Я говорю это просто так, чтобы стереть эту неловкую паузу между нами. Хотя, если быть до конца честной, стереть отсутствие этой самой неловкости. Говорить с Рамоном, молчать с Рамоном одинаково уютно, будто эта функция идет в комплекте с истинностью. Но он шагает за мной со словами:

– Ты права!

– Я права? В чем?

Что-то я совсем потеряла нить нашего разговора.

– Что Альма давно это спланировала. С тех пор, как узнала, что я унаследовал ген предков.

Я чувствую его. Мы будто до сих пор связаны, и все чувства Рамона передаются мне. И сейчас в нотках суровой сосредоточенности я улавливаю перемены. Предвкушение. Надежду? Это определенно надежда, но я по-прежнему ничего не понимаю.

– И? Как это нам поможет?

– Потому что я хорошо знаю Альму, она психопатка, но как любой психопат сентиментальна.

– Сентиментальна? – приподнимаю брови.

– Помешана на значимых цифрах. И если моя догадка верна, код доступа такой.

Рамон быстро набирает число на экране.

– Что это? – спрашиваю хрипло. Даже в горле пересыхает от волнения.

– Дата нашего с Альмой знакомства, – быстро объясняет он, а экран вдруг вспыхивает надписью «Доступ разрешен».

Желание спрашивать, откуда Рамон помнит дату или что-то вроде этого, отпадает сразу, когда толстые двери начинают отъезжать в сторону, как автоматические ворота. Меня тут же подхватывают и оттесняют в сторону, к стене пещеры, прикрывая собой. Я не успеваю даже пискнуть. Но за дверью достаточно узкий, длинный и ярко освещенный коридор. Тихий. Никто его не охраняет, он выглядит безопасно. По крайней мере, на первый взгляд.

– Рамон, я иду с тобой, – шиплю я.

– Нет, Венера.

– Да-да, – я буквально повисаю на нем, вцепившись в плечи. – Пожалуйста. Мы должны идти вместе. Мы сила, когда мы вместе.

Он смотрит на меня зло, с отчаянием, но уже по взгляду истинного я понимаю, что победила.

– Хорошо, – кивает он. – Но ты пойдешь в конце, волчицей, с Хантером.

Я и не заметила, как друг оказался здесь – огромный серый волк с сияющими синим светом глазами. Очевидно, кто-то уже сообщил ему, что мы вскрыли бункер. Спорить – только время терять, а Альма уже в курсе, что мы вторглись в ее домик, так что я вместо ответа снова отдаю контроль волчице.

Коридор оказывается не настолько длинным – это обман зрения из-за света, мы преодолеваем его за пару минут. Дверь в конце открывается просто, с помощью нажатия кнопки, как лифт. Но за ней нет лифта. За ней большое помещение, похожее на дом без окон. На какой-то безумный дизайнерский дом из камня и металла. И в этом должна была жить и расти моя дочь? Р-р-р!

Но рассмотреть подробности у меня не получается: наших волков атакуют. Откуда-то появляются люди в черной одежде, их лица прикрыты, а в руках у них оружие.

Безликие.

Резкий звук автоматной очереди и рев раненого зверя вспарывает гудящую тишину кондиционеров, и воздух мгновенно наполняется ароматом крови. Волки в долгу не остаются, и крови становится больше. Крови, яростного рычания, человеческих воплей боли. Две противоборствующие стороны схлестываются стенка на стенку, сталкиваются друг с другом, как волна с берегом.

В памяти вспыхивает воспоминание о том, как Рамон прикрывал меня собой, и на меня находит ступор. Разве что сейчас меня закрывает собой Хантер. Я замираю, мое тело подрагивает, хотя мозг, инстинкты велят бросаться вперед, спасти ребенка. Спасать истинного.

Вдруг Рамона ранят? Или убьют? Где он вообще?

Но я вижу его практически сразу: огромный волк бросается сначала на одного безликого, перегрызая ему горло, затем прыгает на другого. Кажется, сейчас пули даже не могут его задеть, я чувствую его ярость, но не боль. Они проскакивают мимо – настолько быстро он движется. Они все движутся слишком быстро для вервольфов, понимаю я. Этот отряд, эта стая – они дети имани, нерен. Лучшие

представители нашей расы. У безликих нет шансов, и битва заканчивается за несколько бросков злых яростных хищников.

Снова наступает тишина, и в это мгновение откуда-то из глубин этого бункера доносится детский плач.

Сара, хочу сказать я, но с губ, естественно, срывается протяжный вой. В ответ на это, на зов нашей дочери, истинный срывается туда, проломив дверь, за которой держат малышку. Я тоже бросаюсь туда, к проему, в котором скрылся волк Рамона, но Хантер преграждает мне дорогу. От него не разит кровью, бывший чемпион Волчьего ринга не участвовал в битве, потому что все время прикрывал меня. Но сейчас это лишено смысла. Мы победили!

– Хантер,пусти! – я снова перекидываюсь в человека. – Мне нужно к Рамону.

Друг следует моему примеру, а я, кажется, уже скоро привыкну к этим перевоплощениям туда-сюда. Хотя это и не самый приятный процесс в мире.

– Он сам справится. – Голос у Хантера уверенный и строгий, таким он, наверное, вразумляет своих студентов, а хватка волчья. Мне с ним не справиться. – Подожди пару минут.

– Почему он не выходит?

Я волчьим слухом слышу голос Рамона и, кажется, голос Альмы, но разобрать, о чем они говорят, у меня не получается. Почему он вообще с ней болтает? И почему Сара до сих пор плачет? Прислушиваюсь к его чувствам, но они сейчас на замке. Рамон снова от меня отгородился.

– Хантер, мне надо к моему истинному и дочери. Пожалуйста,пусти.

– Нет, Ви. Истинная – это все. Это самое дорогое.

– Дети – это самое дорогое, – ощетиниваюсь я. – Просто у тебя их пока нет.

Взгляд Хантера превращается в сочувствующий, а я стараюсь поглубже спрятать злость и раздражение. Потому что они мне сейчас не помощники. А кто помощник? Только я сама. Мужчины же явно вознамерились защищать меня несмотря ни на что.

– Хорошо, – говорю, опустив глаза в пол и покачнувшись. – Тогда давай отойдем хотя бы в тот коридор, меня уже тошнит от этих запахов.

Хантер облегченно вздыхает и действительно отводит меня в сторону. Правда, расслабленности в нем ни на каплю: собран, по-прежнему готов к битве. Но не со мной же ему драться? Поэтому, когда вервольф все-таки отвлекается, на долю секунды оглядывается на снующих туда-сюда, вынюхивающих здесь все волков, я проскальзываю мимо него. Точнее, хочу проскользнуть, но Хантер крепко хватает меня за руку, дергает назад.

– Венера! – рычит он очень похоже на Рамона. Но я не теряюсь: в одно мгновение перекидываюсь. Моя рука превращается в волчью лапу, и остаточной волной оборота Хантера будто отталкивает от меня. Это дает мне крошечную фору. Но дает!

Я уже на всех лапах несусь к заветной комнате, и врываюсь туда, практически врезаюсь в бурого волка, что пришел с Рамоном. Отпрыгиваю, оцениваю обстановку и расставленные как в шахматах фигуры.

Это спальня. Да, такая же каменная и металлическая, как весь бункер, но с круглой кроватью, пейзажем маслом на всю стену вместо окна, с детской кроваткой с прозрачным балдахином и каруселью игрушек над ней. Рядом с этой кроваткой как раз стоит Альма: в одной руке у нее ревущая малышка, а в другой какой-то странный пистолет с длинной толстой иглой – с таким можно охотится на слонов, не то что на вервольфов. И она держит это оружие над моей дочерью!

– Венера, – радостно оскаливается мне Альма. – Так и знала, что ты придешь ко мне. И не одна.

Это она про Хантера, который недобро дышит мне в спину.

– Добро пожаловать на нашу вечеринку! Для вновь прибывших объясняю, что в ваших же интересах не делать резких движений. В этой игле яд, который убьет даже большого волка. Не говоря уже о маленьком.

ГЛАВА 11

На мгновение у меня темнеет перед глазами. Волна ярости, смешанная с отчаянием, поднимается в груди, сметая все на своем пути. Перекидывание обратно в человека дается мне в секунду: наверное, я еще никогда не трансформировался так быстро, но адреналин в крови и материнский инстинкт делают это возможным.

Я перекидываюсь в ту, что способна говорить, в ту, у которой человеческие черты, но мой голос все равно похож на рычание:

– Как ты смеешь угрожать моей дочери? Как ты смеешь ей прикрываться?

Ярости во мне столько, что кажется – одно неосторожное движение, и я взорвусь, словно припрятанная кем-то, потревоженная мина. В какой-то момент я даже понимаю, что это не только мои чувства, но и эмоции Рамона тоже. Тревога за его крошку пополам с желанием убивать. Где-то здесь можно встретить и отголоски гнева на меня, за то, что прибежала сюда. За то, что сейчас я уязвимый человек. И он тоже человек, все остальные джайо и Хантер сохраняют звериный облик, Рамон же перекинулся. Но если верить этой ведьме, похитившей Сару, сейчас мы все уязвимы, а если не верить... Предки, прошу, пусть она всего лишь блефует!

Альма то ли совсем безумна, то ли еще на что-то надеется, потому что просто пожимает плечами:

– Вы не оставили мне выбора. Ворвались в мой дом, убили мою охрану, а теперь вот окружили меня с дочерью.

– Мое предложение все еще в силе, – говорит Рамон, делая шаг и заслоняя меня собой. Как будто это самый естественный жест.

«Уходи, Венера. Я все решу», – отчетливо раздается его голос в моей голове. Я даже вздрагиваю от неожиданности, мне кажется, все это слышат. Альма тоже. Но она никак не реагирует на эти слова.

– Мы с тобой похожи, Рамон. Иногда я даже представляла, что ты мог бы быть моим сыном. Ты не бросаешь слов на ветер. Так и сейчас: я не открыла двери, не отдаю тебе дочь. Мы с тобой знаем, что ты со мной сделаешь, когда до меня доберешься.

«Я нужнее здесь», – отправляю в ответ, правда, совсем не уверена, что он получит «сообщение». Хотя судя по тому, что Рамон сильнее сжимает кулаки, он мое мнение услышал. А до меня доходит, зачем я здесь, и зачем нам эта связь.

– Мы с тобой совсем разные, Альма, как бы тебе ни хотелось верить в обратное. Я не убийца и никогда им не был. Я не манипулирую жизнями других людей или вервольфов. Не краду чужих детей. Не посылаю убить истинных.

– Это было огромной ошибкой, – поджимает губы Альма. – Попытки убрать Венеру. Откуда же я могла знать, что у истинных пар рождаются такие удивительные дети. Вы знали, что она уже способна перекидываться в волчонка?

Что? Способность у вервольфов к трансформации проявляется ближе к году, до этого времени это считается невозможным. Если вервольф рождается волчонком, то до года он таким и остается. Если человеком, то ничем не отличается от обычного младенца, как Сара сейчас. Сара и родилась просто девочкой, несмотря на то, что я сама перекинулась в волчицу. Такой она и должна была оставаться. Поэтому то ли Альма бредит, то ли Сара – самая удивительная девочка в мире.

– Мама тоже ошибается. Да, моя маленькая? – пытается она укачать хныкающую малышку. – Я едва тебя не лишилась, но это все в прошлом. Мама не повторит своих ошибок, будет с тобой всегда.

– Если ты ей мать, то почему не можешь успокоить? – спрашивает Рамон.

– Это все из-за вас, – шипит Альма. – Вы заставляете ее нервничать. Все вы.

И это, к сожалению, так. Мое сердце разрывается на части от ее плача.

Я стараюсь отвлечься от их разговора. Потянуться к моей доченьке, успокоить ее. Мама рядом. Мама здесь. Настоящая, а не эта психопатка. Я открываюсь сердцем, пробуждая в себе самые светлые, самые теплые чувства, и будто обнимаю свое дитя. Это срабатывает почти мгновенно: Сара перестает хныкать, расслабляется и даже засыпает.

– Успокоилась, – удивленно говорит Альма, отвлекаясь на младенца.

– Почувствовала присутствие истинной матери. – Рамон меня почувствовал. Конечно, он почувствовал. Эта связь теперь одна на троих, и у меня теплеет в груди. Несмотря на все это напряжение, меня окутывает этим теплом и нежностью.

Но Альму такой расклад не устраивает:

– Что вы сделали? – рычит она. – Почему она без сознания?

Если бы только рычала! Еще и оружием размахивает, отчего мне еще сильнее хочется впитаться ей в глотку.

– Она просто уснула, Альма. – Не знаю, какой ценой дается спокойствие Рамону, но оно ему дается. – Это сделали мы с Венерой. Ее настоящие родители.

– Будете мертвыми родителями, если еще раз вздумаете как-то воздействовать на мою дочь.

Странное и пугающее орудие она нацеливает прямо в грудь Рамону.

У меня сердце обрывается, пропускает удар, так, что даже малышка начинает снова возиться во сне. Она вообще единственная, кто здесь шевелится: кажется, все вервольфы замерли, затаили дыхание.

– Она не твоя дочь, Альма, – жестко отвечает Рамон. – И не будет твоей. К тому же, у тебя одна стрела, один дротик, а нас двое.

Впервые с тех пор, как мы сюда вошли, с лица Альмы слетает высокомерие. Она выглядит растерянной, если не сказать разочарованной. Но это длится лишь секунду.

– Хочешь умереть? Или лишиться пары?

– Умру, если потребуется, – он делает шаг к ней. – Но я хочу жить ради своей семьи.

«Не вздумай, Рамон!» – отправляю ему собственную мысль. В моей голове она звучит как крик, как мольба.

– Так оставь меня в покое и живи, – рычит волчица, отступая.

– Отдай дочь и оставлю. Я своего слова не нарушу, ты знаешь, Альма. У меня есть принципы.

– Ты не нарушишь, а вот Артур не настолько принципиален.

– Я могу защитить тебя. Просто передай мне мою дочь, и все закончится.

Рамон замолкает, Альма молчит в ответ, а я затаила дыхание вместе с остальными.

– Не приближайся, – новый приказ от психопатки, но какой-то уже не такой уверенный, вялый. Кажется, ее окончательно добило убаюкивание Сары. – Я ведь могу убить Афины.

«Нет!»

«Она не убьет ее, пена. Успокойся».

– Не убьешь, Альма. Ты ее тоже полюбила, а еще она особенная. Уникальная. Она уже стала твоей семьей.

– Которую ты хочешь у меня забрать.

– Которую я хочу подержать на руках. Я ведь ее отец. Благодаря тебе я долгое время был лишен детей.

Альма раздумывает всего мгновение, а потом вскидывает руку и направляет пистолет на меня.

– Так давай мы будем ей родителями, – говорит и без предупреждения стреляет.

Меня прошивает насквозь: словно жало в сердце вонзили. Острое, яд которого тут же растекается обжигающей кислотой во всем теле. Я инстинктивно поднимаю руку в попытке схватиться за иглу, вытащить ее из груди, избавиться от нее... но натыкаюсь на пустоту.

Жала нет.

И эта боль не моя.

– Нет!

И крик тоже не мой.

Меня скручивает от того, что Рамон падает на колени. Он снова заслонил меня собой. Осознание, что это его боль, совсем не помогает. Как и то, что нужно подняться, бороться с теперь уже безоружной Альмой, а все, чего мне хочется – это ползти к Рамону. Забрать его боль. Вытащить жало. Вытащить эту отраву.

Мой мир словно замедляется. Я хочу вдохнуть, но у меня не получается. Вижу, как растекается красное пятно на груди Рамона, кляксой расходясь в разные стороны от смертоносной иглы: я, кажется, все-таки оказываюсь возле него, поэтому вижу все это очень хорошо. Отчетливо. Как и то, что лицо Альмы искажает страдание, это она раскрывает широко-широко рот и кричит, разбудив, напугав малышку.

– Только не ты! – кричит она. – Лучше бы дал умереть этой сучке!

Она смотрит на меня с ненавистью, а я вижу только кровь, кровь, кровь. И мои ладони в крови. Почему так много крови? Нужно встать, забрать у этой сумасшедшей Сару, но у меня словно отказывают

инстинкты. Я отказываюсь верить в происходящее, мой мозг будто отдает приказы, а до тела они не доходят, сковав меня по рукам и ногам, запечатав в моем человеческом аватаре.

Альму сбивает с ног один из вервольфов джайо, а второй перехватывает Сару за комбинезончик и уносит в угол. В безопасное место. Безумная волчица продолжает надрываться, но ее вопли, ее угрозы проходят мимо меня. Я тянусь к ядовитой спице в груди истинного.

Коснуться иглы мне не позволяет Хантер, вздергивая за подмышки, оттаскивает от Рамона.

– Ты рехнулась, Ви? Хочешь, чтобы Сара и второго родителя лишилась?

Временной пузырь словно лопается, и мир разом ускоряется. Я делаю вдох, и он обжигает легкие. Боль в груди не позволяет нормально дышать.

– Сара! – выдыхаю я. – Где Сара?

– Она здесь, – ко мне выступает Зен, протягивая мне малышку. Маленькая. Моя маленькая красавица. Она не плачет, только таращит глаза на меня и на парня. Почувствовала присутствие альфы и успокоилась? Может быть.

Я касаюсь темного пуха волосиков на ее голове, жадно впитываю все детские черточки. Какая же она кроха: маленькие ручки, маленькие ножки, а носик вовсе как мелкая розовая пуговка. Мне хочется обнять ее и разрыдаться. Потому что не так я представляла нашу встречу. Не такой ценой.

– Ты можешь позаботиться о ней? – прошу Зена чуть ли не шепотом, звучать громче у меня не получается из-за сжимающегося внутри кулака боли, который будто скручивает все внутренности.

Он кивает, а я бросаюсь к скрученной, скулящей на полу Альме.

– Сучка здесь ты! – рявкаю, даже сила на это находится. – Где противоядие? Оно должно быть. Давай его, иначе твой уникальный волк, твой любимчик так и погибнет.

Я жесткая. Я злая. Но мне ее не жаль. Не жаль это воющее существо, которое даже не наслаждается своим безумным триумфом.

– Его нет, – качает она головой, когда я трясу гадину. – Я его убила.

Вот дрянь, а не волчица!

Я отталкиваю ее и снова прорываюсь к Рамону и окружившим его вервольфам.

– Венера! – грозно окликает меня Хантер, но я огрызаюсь в ответ:

– Я не собираюсь умирать. – Упав на колени рядом с ним, обхватываю его голову, заглядываю в мутные от боли и действия яда глаза и прошу: – И ты не умирай, Рамон. Пожалуйста. Борись с этим! Ты же ужасный волк. Уникальный.

– Боюсь, смерть... в этот раз меня... не отпустит. – По слову на выдохе, и по нашей связи я чувствую, чего ему стоит каждое. С каким трудом они даются, и мне хочется завывать от этой боли и бессилия. Выть я, может, и не вою, но слезы катятся по щекам, будто вода.

– Отпустит. Каждый раз отпускает. Наверное, у вас с ней такая договоренность. – Какой бред я несу! – У тебя теперь есть дочь. Есть ради чего жить. – Я глажу его по щекам, по лбу, по губам, и чувствую, какой он горячий, просто огненный. У вервольфов высокая температура, но не настолько. – Тебе надо обернуться, чтобы регенерация шла быстрее.

– Я не смогу, пена, – выдыхает он через зубы. – Эта дрянь... все силы... забрала.

У меня падает сердце. Падает куда-то в черную бездонную пропасть. Если вервольф не может перекинуться в волка... Если Рамон не может перекинуться в своего ужасного волка, то шансов нет.

– Зачем ты это сделал? – всхлипываю яростно. Мне хочется на него разозлиться. Хочется обвинить его во всем на свете. Только чтобы он не уходил! – Зачем закрыл меня собой?

Мне кажется, что Рамон сейчас скажет что-то вроде: «Я тебя в это втянул» или «Нашей дочери нужна мать», но он говорит:

– Ты моя истинная.

– Если ты умрешь, я не буду ничьей истинной.

– Я эгоистично... этому рад.

Он кашляет, и этот кашель простреливает меня. От слез я уже ничего не вижу, глаза печет, в груди бесконечная боль.

– Закройся, пена, – просит Рамон. – Не надо... Меня чувствовать. Я хочу, чтобы ты запомнила только... Как нам было хорошо.

– Нет. Я хочу чувствовать все. Хочу чувствовать все вместе с тобой.

Но, кажется, Рамон больше меня не слышит. На последнюю просьбу уходят все его силы, потому что он закрывает глаза и теряет сознание. Хотя в первое мгновение мне кажется, что все! Холод охватывает меня, обещая заморозить всю. Только благодаря тому, что я не закрылась, я слышу, что его сердце все еще продолжает биться: медленно, слабо, но продолжает.

– Нет, – шепчу я. – Нет. Пожалуйста, нет.

Мое же сердце остановится вместе с его! По крайней мере, именно так я все чувствую. Я его чувствую. И моя волчица ощущает своего волка. Воет от безнадежности и тоски.

Погрузившись в тоску волчицы, я не замечаю, что происходит вокруг, и я не сразу начинаю сопротивляться, когда двое вервольфов, перекинувшихся в мужчин, поднимают и оттаскивают меня прочь.

– Пустите! – рычу я.

– Ты ему не поможешь, – говорит, словно приговор зачитывает, Зен. – А вот магия джайо – возможно. Ему нужно к жрицам.

Магия? Мне хочется рассмеяться. Это не веселье, это уже истерика, потому что я чувствую, как сердце Рамона замедляет свой ход. Как его вздохи становятся более редкими. Он потерял сознание от боли, и ему никуда не нужно. Это может только навредить.

– Оставьте его! Вы сделаете только хуже!

Но кто бы меня еще слушал? Несколько аборигенов, высоких и сильных, подхватывают Рамона, недостаточно осторожно на мой взгляд, и несут к выходу.

– Хантер, – прошу я, в отчаянии обернувшись к другу. – Останови это! Ну какая магия?

– Пусть хотя бы попробуют, Ви, – не поддерживает он меня. – Они уже однажды спасли его. Лучше позаботься о дочери.

Перекочевавшая к Хантеру на руки Сара оказывается у меня. Я прижимаю кроху к груди, а она решает снова реветь, словно чувствует мой страх и боль. Хотя почему словно? Она действительно чувствует. Чувствует, что ее отец умирает.

Я всхлипываю и несусь следом. Чтобы чуть не опоздать на первый катер, на тот, на котором собираются увезти Рамона.

– Я с ним! – кричу им. – Я должна быть с ним.

Не уверена, что они понимают мой язык, но это меня не останавливает. Как я вообще не растянулась на тех мокрых камнях?

Состояние аффекта или просто звериные инстинкты волчицы, но это остается загадкой даже для меня. Вервольфы останавливаются и все-таки пропускают меня на катер. Помогают перелезть через бортик.

Всю дорогу я баюкаю Сару и себя и не отрываю взгляда от лица Рамона, лежащего прямо на полу катера на каком-то пледе. Сейчас он бледный, его лицо будто восковая маска, но он дышит: я ловлю его дыхание, устроившись рядом с ним, прислонившись спиной к бортику и обнимая малышку. Мои нервы – как перетянутые струны. Если играть на таком инструменте, то можно их порвать. Вот и мне кажется, что еще немного, и я просто скачусь в слезы и крики. Только Сара помогает туда не скатиться. Не упасть в эту бездну. Трогательное биение маленького сердечка и милое сопение. Это, а еще слова Хантера: «Они уже однажды спасли его». Я впитываю их и начинаю верить. Или хотя бы надеяться. Надеяться на то, что магия или что-то там мне неведомое сбережет жизнь моему истинному.

Помогает не сойти с ума и скорость катера: мы добираемся до острова с пирамидами быстрее, чем я успеваю еще больше себя накрутить. Движемся как в тумане, и даже луна, будто чувствуя общее настроение, прячется за густыми облаками, пока мы идем к центральному храму. Я каждую минуту боюсь, что сердце Рамона остановится, что он не доживет даже до встречи с Ману и другими жрицами. Но он держится в этом мире, он борется за жизнь. Возможно, ради дочери. А может, ради меня. Я не знаю, я могу только спросить у него об этом, если он придет в себя. Хотя мне хочется верить не в «если», а «когда».

Возле храмов горят факелы, по одному через метр на всех уровнях пирамид, будто здесь собрались провести какой-то языческий праздник или островную вечеринку. Вот только при этом забыли пригласить гостей. Я прекрасно помню, сколько вервольфов стояло у подножья, волков и людей. Тут словно одновременно собрались все племена джайо, со всех островов. Но сейчас здесь никого: на площадке осталась лишь Ману и еще женщины в разноцветных тряпках и со множеством бус на шее и руках. Эта одежда почти не прикрывает их красивые сильные тела, полностью разукрашенные краской.

Шестеро жриц, считаю я. И среди них я узнаю Мишель! Краска покрывает ее лицо, только яркие волосы выдают девчонку. Все жрицы

как Ману – люди. Имани. Нерены. Как простые люди собираются спасти моего истинного?

Я не успеваю как следует разозлиться на себя за то, что, кажется, поверила, что его еще можно спасти. Вернуть. Ману кивает сначала на алтарь, куда кладут Рамона, а затем вдруг указывает на меня пальцем. Я не понимаю ни слова из того, что она говорит, но двое жриц спешат ко мне.

– Пойдем, – говорит она на вилемейском, кивая на вход в храм. С сильным акцентом, но я понимаю. Вот только не собираюсь спускать глаз с Рамона. Хочу быть с ним, когда... Когда он уйдет к предкам.

Я сглатываю и качаю головой.

– Нет. Я останусь с ним.

– Тебе туда, – жрица, кажется, не собирается отставать, но и я упрямая.

– Я посмотрю на вашу магию.

Я вообще слежу за вами! За каждым жестом. За каждым словом.

Я готова драться, отстаивать себя и дочь, наше присутствие здесь. Моя решимость непоколебима. Никто меня в храм не затащит, р-р-р! Но Ману считает иначе: главная жрица отвлекается от Рамона и смотрит своими незрячими глазами на меня.

– Тебе не нужно смотреть, Венера.

– В смысле? Я не собираюсь его оставлять... – Я осекаюсь и спрашиваю: – Или это нужно для спасения Рамона?

Ману закрывает глаза, запрокидывает голову и водит ладонью над его грудью.

– Моя сила угасает, – выдает она. – Я не могу его спасти.

Я уже столько за последнее время падала в эту беспросветную бездну, что скоро стану чемпионкой по прыжкам. Сколько раз будет повторяться это чувство, словно из меня сердце вытащили и забыли вернуть на место? Но я не желаю нырять в свое горе, пусть даже волчица внутри жалобно воет.

Рамон еще не умер.

А недосказанность повисла в этот влажном тропическом воздухе. Не знаю, каким чувством, но я будто знаю, что это не все, что знает Ману. Что она хочет мне сказать.

– А кто может? – холодно интересуюсь я. – У вас здесь еще шесть жриц. Кто из них достаточно силен, чтобы это сделать?

В прошлый раз же Рамона спасла одна из них, хотя его чуть не разорвало на куски, она его исцелила. Я, кажется, готова поверить в магию. Я во все что угодно готова поверить, лишь бы он жил.

– Никто из них, – качает головой Ману. – Но это можешь сделать ты.

– Я?

– Только ты и сможешь!

Это сбивает меня с толку. Я хватаю ртом воздух, в попытке ответить, но слова не складываются в предложения. Я смотрю на Ману, на Рамона. На Рамона, на Ману.

– Я не владею магией, – мой голос сел, но я все-таки могу это выдохнуть.

Незрячие глаза Ману вспыхивают потусторонним свечением.

– Ты владеешь самой сильной магией в мире, пара изначального.

В моей голове роятся тысячи вопросов. Что значит «пара изначального»? Почему я? Не ошиблась ли Ману? Не перепутала? Может, у кого-то получится лучше? Их очень много. Бесчисленное множество сомнений. Но я смотрю на Рамона, грудь которого едва заметно приподнимается и опадает, и задаю самый важный вопрос:

– Что я должна делать?

Для меня это большой шаг – переступить через свои убеждения, а Ману даже не удивляется, лишь кивает, как так и надо.

– Иди со жрицами, они тебя подготовят, и возвращайся сюда.

Я готова не то что идти, бежать. Но дочь?

– Я о ней позабочусь, – обещает слепая жрица, протягивая ко мне руки. Что-то я сомневаюсь, что в не осталось магии! Она явно видит больше, чем другие.

Удивительно, но ее Сара принимает тоже спокойно: уставшая малышка так и продолжает спать. А мне приходится довериться Ману. Во всех смыслах.

Я послушно позволяю жрицам увести себя в храм. Быстрее-быстрее, бьется в моей голове. Бьется в такт звукам барабанов. Не сразу я осознаю, что эту музыку я не выдумала: барабаны действительно звучат, доносятся за спиной. Но оглянуться, рассмотреть я не успеваю, да и не нужно мне это сейчас. Неважно.

Жрицы приводят меня в новый зал, он меньше главного в храме, тут нет картин на стенах, но все они увиты лианами с

распустившимися цветами. Одной из стен нет вовсе, она ведет во внутреннюю часть пирамиды, которую тоже освещает свет факелов. Здесь есть широкая скамья, и это место больше всего подходит для уединения. Для молитвы или медитации. Красивое и наполненное спокойствием. Такое несозвучное с моим взвинченным состоянием сейчас. Меня сопровождают те самые жрицы и Мишель, видимо, для нашего лучшего общения, ведь если же мы начнем объясняться на пальцах, то и до рассвета не управимся. А что, собственно, нужно делать? Что от меня требуется?

Я вопросительно смотрю на рыжую: она сейчас собранная и серьезная, хотя на ее выкрашенном красно-желтым лице я замечаю потеки слез. Уверена, что под всеми этими слоями краски Мишель бледная и напряженная. Она тоже переживает за Рамона. А вот у меня ни одной слезинки. Поплачу потом. Когда все закончится.

Чем бы оно ни закончилось.

Нет, не так. Когда узнаю, что с Рамоном все в порядке. Я же верила в него в Вилемие, поверю в него и сейчас. Точнее, даже не в него. Сегодня мне нужно поверить в себя.

Возможно, это отражается на моем лице, что-то такое грозное, звериное, сильно, потому что жрицы замирают передо мной, глядя на меня с опаской.

– Что мне делать? – повторяю вопрос уже им.

– Тебе нужно одеться, – удивляет меня Мишель.

– Зачем?

Ну правда? Магию смутит мой обнаженный вид?

– Так надо.

Она берет меня за руку и отводит к скамье, на которой лежат тряпочки и многочисленные украшения в виде бус из жемчужин и ракушек. Жрицы облачают меня в новый наряд так быстро и так слаженно, будто делают это постоянно. Это длинная юбка из множества лоскутков. Такие же лоскутки украшают мои руки, а вот на грудь ложится такой слой украшений, что от этой тяжести у меня едва не подгибаются колени. Они наряжают меня и поют на неизвестном мне наречии, вторя глухим звукам барабанов, доносящимся снаружи. Мишель не поет, видимо, не зная слов, но она напевает себе под нос эту простую мелодию. Одна из жриц так же, на скорую руку, разукрашивает мне лицо: ее пальцы вырисовывают на мне какие-то

непонятные узоры. У краски такой специфические травяной запах, раскрывающийся на коже еще более... необычными нотами, так что первая моя реакция – сразу все смыть, но Мишель объясняет:

– Это важно. Это усилит магию.

Ну если так.

– Ради магии потерплю, – не знаю на что, но я соглашаюсь.

– Ради Рамона, – всхлипывает она.

– И ради Рамона.

Пока одна жрица разрисовывает меня, вторая зажигает какие-то деревяшки и, размахивая ими, разжигая дым, танцует возле меня. Она окутывает меня этим туманом, и в моей голове расцветает странное спокойствие.

Закончив со сборами, мы возвращаемся на площадку пирамиды. Я иду быстро и надеюсь не опоздать. Только на это я и надеюсь, а вонь от краски, от которой почему-то кружится голова, можно и потерпеть. Что они в нее добавляют? Какую-то дурь для вервольфов? Потому что я впервые в своей жизни чувствую себя словно одуревшая. Хотя может, дело вовсе не в краске, а в том дыме, который на время приглушил мои тревоги. Я никогда еще не была в таком фокусе, настолько сосредоточенной на том, что мне нужно делать – призвать собственную, неизвестную пока магию и спасти Рамона.

Жрицы идут за мной, продолжая петь, и другие присоединяются к ним. Причем поют не только женщины, но и мужчины. Их мощные голоса вплетаются в варварскую местную песню. Я не разбираю слов, но мне она кажется песней надежды. Песней силы.

Все вокруг поют, но я не замечая толпы, я вижу только Рамона и Ману, держащую нашу малышку на руках. Жрицы, другие вервольфы словно стираются из моей реальности. Есть только туман и самое важное для меня. Самые важные для меня.

Мне не нужно спрашивать, что делать, а Ману – говорить. Чувства сейчас лучше всяких слов. Благодаря туману в голове или постукиванию барабанов из меня уходят все сомнения и страхи. Все «получится» и «не получится». Все «могу» и «не могу». Во мне будто рождается знание, как надо поступить: подойти к плите-алтарю, на котором лежит Рамон, и положить ладони ему лицо.

И тоже запеть.

Мое пение похоже на рычание зверя и не претендует на мелодичность. Это не песня даже, это боль, отчаянье. Это плач, это зов. Я зову истинного вернуться ко мне. В каких бы мирах он не заблудился, пусть сейчас откликнется. Пусть найдет меня. Придет на песню и музыку барабанов.

Я стану для тебя маяком, Рамон. Я жду тебя здесь.

Тебе еще рано к предкам. Рано-рано, последний из изначальных.

Возвращайся к своей паре.

Возвращайся к своей истинной.

И что-то случается. Волны неведомой мне силы разом врываются в меня, сметая на своем пути страхи, панику, попытки все это объяснить с точки зрения разума. Мое сердце ускоряет свой ход, мое дыхание сбивается. Я будто кручусь в водовороте собственной силы, которая пронизывает меня сплошным потоком. Собственной ли? Мне кажется, что сами Предки говорят через меня. Через ритм барабанов. Через дрожь, охватившую тело моего истинного. Рамон дрожит, а я вместе с ним. От холода. От жара. От могущества, что сейчас льется через нас. Я вливаю в него эту силу. Всю до капли. До тех пор, пока не начинаю задыхаться. И когда это происходит, когда я уже чувствую, что не удержу эту бесконечную реку, когда перед глазами все окрашивается в красный, а сухая кожа под моими пальцами холодеет, Ману шагает ко мне и протягивает Сару.

Что она делает? – злюсь я. Эта энергия, сила точно не для ребенка. Не надо ей чувствовать боль. Боль отца, сердце которого вот-вот остановится. Боль матери, сердце которой обольется кровью от разрыва истинной связи. Не говоря уже о том, что, если я возьму мою малышку, то буду вынуждена отодвинуться от Рамона. Потерять с ним контакт.

Но Ману этого всего не понимает или не хочет понимать, потому что берет меня за руку и кладет на сгиб локтя Сару. Получается так, что я касаюсь лица истинного одной ладонью, и держу дочь другой рукой.

Это не разрыв. Это круг.

Когда Ману делает шаг назад, я все понимаю. Потому что в сильный поток, поток этой магии, вплетается нежный глоток воздуха, чарующая энергия нашей дочери. Ребенка изначальных. Наследие Предков.

Мир будто взрывается перед моим внутренним зрением. Взрывается, чтобы собраться в самом логичном, естественном виде. В каком все и должно быть. Боль, страхи схлопываются, будто их вытягивает мощной воронкой, и тают, впитываются в туман, который тоже развеивается.

Не опасаясь ничего, словно меня ведет чья-то могущественная длань, я протягиваю руку и наконец-то выдергиваю иглу из груди Рамона. Чтобы увидеть как смертельная рана затягивается в мгновение ока, а яд исчезает без следа.

Я смотрю на Рамона, и тут он делает резкий вдох.

ГЛАВА 12

Несмотря на всю магию, на то, что я голыми руками вытащила ядовитое жало, Рамон не очнулся волшебным образом. Не поднялся, целуя меня и дочь. После того вдоха, словно у выбравшегося на берег потерпевшего, набравшего воды в легкие, он рухнул на плиты, вновь погружаясь в беспамятство. Я тогда в отчаянии посмотрела на Ману, но вскоре его дыхание выровнялось, а сердечный ритм стал нормальным, да и кожа потеплела, на ней выступили капельки пота. Он был без сознания, но не при смерти. Смерть обошла его стороной благодаря мне. Благодаря Саре. Благодаря нашей связи.

Мы спасли его и спаслись все вместе.

Жрицы быстро оттеснили меня от Рамона, намазывая и натирая его знакомой травяной краской. Я хотела возмутиться, но Ману взяла меня за руку и отвела к каменной скамье со словами:

– Теперь можно отдохнуть.

– Но я хочу убедиться... – начала я, но верховная жрица меня перебила:

– Тебе нужно отдохнуть, – она нажала мне на плечи, заставив опуститься на камень. – С ним все будет в порядке.

– Легко вам говорить, – с досадой сказала я. – Не возле вашего мужчины сейчас вьется столько красивых женщин.

Пусть даже краска почти скрывала их лица, фигуры у них были на зависть иконам красоты на подиумах, а варварские наряды только добавляли какого-то экзотического, притягательного стиля.

Досады стало еще больше, когда Ману запрокинула голову и до обидного громко расхохоталась.

– Тешь себя мыслью, что ему сейчас совершенно точно безразличны эти красавицы. Хотя ему и так все равно, иначе магия истинных не сработала бы.

Она посмотрела на ядовитую иглу под моими ногами: оказывается я швырнула ее сюда, когда закончила... лечение? Не уверена, что это так называется. Магия растворила яд, не иглу, но, наверное, ее стоило как-то безопасно утилизировать. Как использованный аккумулятор или лампочку.

Я перевела взгляд на свою ладонь, на ту самую, которой касалась иглы, но на ней не осталось ни ожога, ни даже крови Рамона.

– Почему яд на меня не подействовал? – мой вопрос, как мысли вслух, но Мару отвечает:

– Магия его выжгла. Сила вашей любви.

– Нашей?

– Твоей. – Она кивает на Сару: – Ее. Она вырастет могущественной волчицей с сильной магией.

Я смотрю на малышку, и пока предсказание или пожелание Ману не укладывается в моей голове. Сара сонная кроха, беззащитное существо, которое хочется оберегать и любить. Маленькое личико, крошечные пальчики, и пахнет она чем-то ванильно-карамельным: моя лапочка пока что не тянет на волчицу-колдунью. Я устала, а она тем более, даже под шум барабанов, песни и дикие пляски уснула. Да, Ману была права, когда подвела меня к скамье, боюсь я бы вряд ли удержалась на ногах. Только что была полна сил, а теперь из меня их будто выкачали. Или же я отсоединилась от этого мощного потока и почувствовала разницу.

– Я до сих пор не могу поверить в существование магии, – качаю я головой. – Это выходит за рамки всего, что я знала.

– То есть то, что ты можешь становиться волчицей и обратно человеком, тебя не смущает? – улыбка у Ману лукавая.

– Это эволюция.

– Почему тогда магия не может быть частью эволюции?

– Потому что это магия, – смеюсь я. – Ее нельзя доказать.

– Вера не требует доказательств.

Что тут скажешь? Сегодня вера спасла жизнь моему истинному.

– Долго он будет без сознания? – это, пожалуй, самый важный вопрос, который стоило задать в самом начале.

– Может час, а может день, – пожимает плечами Ману.

День?! Я столько здесь не высижу, не говоря уже о Саре. Кажется, моя девочка только и держится на моем относительном спокойствии.

В общем, я в шоке, и Ману это видит.

– Если все-таки доверишься жрицам, можешь оставить его и отдохнуть. Я попрошу проводить вас с Сарой.

Я смотрю на завершивших свою работу жриц: они перестали наносить мази на тело Рамона и теперь пустились в какие-то

ритуальные пляски. Вижу рядом с ними Мишель и понимаю, что рыжая никого к своему любимчику не допустит.

– У меня есть друг, что за ним присмотрит, – усмехаюсь я. – Буду благодарна, если место, о котором ты говоришь, будет уединенным. И безопасным.

– Тут везде безопасно, – кивает жрица. – Сегодня безопасно.

Сегодня? А завтра? Я слишком устала, чтобы анализировать ее слова или задавать новые вопросы, поэтому послушно следую за Ману. Она ведет меня лично, но не в храм, а куда-то за него. По одну сторону джунгли, под ногами выложенная крупными камнями дорожка, музыка сюда едва доносится. Я сплю на ходу и не сразу слышу шорох травы и замечаю шевеление в кустах. Высокий мужчина возникает перед нами так неожиданно, что я шарахаюсь в сторону. Тут темно, и я узнаю вервольфа скорее по запаху, чем по лицу.

– Хантер! Кто же так пугает? У меня ребенок на руках. Спящий! – приходится шипеть, чтобы не разбудить малышку.

– Куда тебя ведут? – отвечает он требовательным шепотом. Вообще не знала, что шепот бывает требовательным, но у него он именно такой.

– Спать, – заявляю я, пока Ману, изобразив не только слепую, но и глухую, продолжает свое путешествие. – Я тут всю ночь переживала, затем магию творила. Скоро рассвет, а я сейчас упаду.

Может, это капризно, но после всего мной пережитого имею право. Словно прочитав мои мысли, друг подхватывает меня на руки.

– Я отнесу, – заявляет твердо. Это странно, но сил на споры у меня точно нет. Тем более что у него шире шаг. – Говоришь, магия?

– Кто бы сомневался, что тебя заинтересует именно это! – хмыкаю я.

Хантер улыбается, наверное, впервые за все это нелегкое путешествие:

– Я никогда не скрывал своего увлечения древними цивилизациями, а это – храмы предков. Как будто я умер и попал в царство Владыки.

– Скорее, в обитель предков, – поправляю я.

Друг вмиг становится серьезным:

– Можно выдохнуть? Все позади?

Во мне откуда-то берется столько спокойствия и уверенности, что я киваю.

– Да, Хантер. Все хорошо. Я думаю, что можно привезти сюда Алишу и все ей тут показать.

– Ей понравится, – сверкнул он глазами.

– Можно бегать голышом по джунглям.

– Давай без этого, – хмурится друг. – Я ценитель истории, а не дикарь какой-нибудь.

Я на это только смеюсь.

Ману приводит нас в большую хижину, в отличие от каменного храма, очень большую и уютную. Если, конечно, хижины из бамбука или его растения-родственника можно считать уютными. Пол здесь тоже каменный, но выстелен круглыми ковриками. В углу камин – видимо, Ману успела его зажечь, пока мы с Хантером говорили, он и освещает очень простую деревянную мебель и нехитрую обстановку. В храме как-то все торжественно, а здесь – мило и по-домашнему.

– Это мой дом, – объясняет Ману. – Но ты моя гостья, поэтому, пока ты здесь, он твой.

– Спасибо, – благодарю я от всего сердца. – Но, кажется, прежде чем спать, мне нужно с себя все это смыть.

Я имею ввиду краску. Хорошо еще, что мне ею вымазали лишь лицо. И что Сара не испугалась такого вида матери. Хотя после дней рядом с Альмой тут либо зайкой на всю жизнь останешься, либо бесстрашной вырастешь. Третьего не дано.

Словно в ответ на мои мысли, малышка проснулась и громко заорала. Это даже не плач – самый настоящий ор. Я попыталась ее обратно убаюкать, укачать, показала Хантера: если девочке нравятся мужественные альфы, то может, один из них способен ее успокоить. Но она лишь посмотрела на него, и снова в рев.

– Маленькая моя, – я совсем растерялась и почувствовала себя бесполезной несостоявшейся матерью, – что ты хочешь, родная?

На Хантера вообще ступор напал.

– Ты же помнишь, я рос единственным ребенком, и не знаю, чего обычно хотят младенцы, – сконфуженно объяснил он, и мы вместе повернулись к Ману.

– Есть они хотят, – усмехнулась слепая жрица.

– Это все объясняет, – Хантер поднял перед собой руки. – Тогда я пойду, не буду мешать с такими интимными моментами, прослежу за тем, чтобы с Рамоном все было хорошо.

Он ушел, а я, кажется, растерялась еще больше: вот чем кормить Сару?

– У меня нет молока, – признаюсь я жрице, опускаясь на узкую постель возле стены. Ни капельки. Похищение дочери, весь этот стресс повлияли на меня не лучшим образом. – Может, в племенах есть женщины, которые тоже кормят?

– Они тебе не нужны, – качает головой Ману. – Магия исцелила не только твоего истинного, но и тебя. Убедись в этом сама.

Я уже ничему не удивляюсь и ни с чем не спорю, просто сдвигаю бусы в сторону и прикладываю малышку к груди. Ведомая своими младенческими инстинктами, она очень быстро присасывается ко мне и... начинает пить молоко. Скажем так, первый момент не самый приятный, даже болезненный, потому что кое-кто очень голодный и жадный, а для кого-то это совсем в новинку. Но мы обе привыкаем, подстраиваемся друг под друга. Через несколько минут я готова парить в облаках от этого непередаваемого ощущения счастья и умиротворения.

От переполняющего меня чувства абсолютной любви.

От наконец-то сбывшейся самой заветной мечты.

Будто этот сопящий сладкий волчонок – мое благословение. Награда за все мои приключения в этой жизни. Сара – моя магия. Мое волшебство.

Малышка наедается и засыпает, а я засыпаю вместе с ней, прижимая дочь к груди. Постель Ману кажется мне самым роскошным ложем самого дорогого в мире отеля, и снится мне поток магии, окутывающий остров, Рамона, Сару и меня. Но на этот раз он меня не пугает. Я ему рада. А просыпаюсь я, когда вокруг полумрак. Камин потушен, и дневной свет просачивается лишь через узкие двери. Кажется, уже позднее утро, потому что солнечные лучи не заглядывают в хижину, солнце достаточно высоко.

Я выпалась, хотя еще раз просыпалась, чтобы покормить Сару, но сейчас ее рядом нет. Это мигом приводит в чувство и заставляет подскочить с постели с целью бежать, найти, отобрать. Кто посмел? А главное – почему я не почувствовала угрозу?

Я вылетаю на порог хижины и застываю, потому что на поляне перед ней, с видом на пирамиды и тропический лес на большом камне сидит живой и здоровый Рамон с дочерью на руках. Большой волк и маленький волчонок. У него такие крупные ладони, большие руки, что крошечная Сара в них едва не теряется. Картина настолько трогательная, что у меня щемит сердце.

Рамон вскидывает голову, и я будто попадаю в капкан его взгляда. Он жадно рассматривает меня, словно хочет убедиться, что я действительно здесь, и не знает, что от меня ждать. Я и сама не знаю. Только что готова была порвать любого, кто снова покусился на мою дочь, а теперь вот балдею от одного вида картины «верховный укачивает дочь».

Верховный, который вчера чуть не умер.

– Привет, – выдыхаю я, подходя к нему.

– Привет, – отвечает он хрипло. Какой же у него голос: до мурашек во всем теле! Но я на мурашки и их провокатора не ведусь. Мне нужно забрать у него Сару, но малышка спит. Такая миленькая, что я буду последней стервой, если потревожу ее волшебные сны. Поэтому я пристраиваюсь на камне рядом.

– Что ты здесь делаешь? – спрашиваю в лоб. Может, не слишком вежливо, но как-то так.

– Решил дать тебе поспать и пообщаться с Сарой. Еще полчаса назад она была очень активной.

– Это как-то связано с тем, что она теперь завернута в какой-то... платок?

– Еще как связано. Спасти комбинезон я не успел, но мне помогли с одеждой для младенцев.

Даже спрашивать не буду, кто помог. И так понятно, что жрицы. Он уже успел со всеми пообщаться, пока я спала!

– Разве тебе не нужно отдыхать после вчерашнего?

– Я чувствую себя здоровым, как волк. Благодаря тебе. – Он осторожно перехватил Сару одной рукой и коснулся ладонью моей ладони.

Меня словно током прошибло, и я отдернула пальцы.

– Не делай так больше, – приказала, а Рамон приподнял брови:

– Не делать что?

– Не забирай Сару, пока я сплю. Я же испугалась, подумала, что ее снова... у меня забрали.

Взгляд Рамона становится серьезным, даже суровым.

– Прости, пена. Я об этом не подумал. Решил, что тебе точно нужно отдых после всего. Ману рассказала, что ты сделала...

– Я не могла поступить по-другому, – перебиваю я его. Не готова я обсуждать случившееся. Не сегодня. – Оставить свою дочь без отца. К тому же, я сделала это не одна, мне Сара помогла.

– Об этом я тоже знаю. – Вся суровость Рамона тает, когда он смотрит на дочь. Я, наверное, выгляжу так же. – Она сильная малышка.

Сильная малышка как раз выбирает это время, чтобы пробудиться и потребовать завтрак. В отличие от Хантера Рамон совсем не теряется. Все свои остальные нужды дочь сделала, поэтому он уверенно передает ее мне. Мне неловко кормить ее в его присутствии, но, учитывая, что он и так видел меня со всех ракурсов и даже вчера, то я отгоняю неловкость прочь. Это все от людей, как говорит Ману, а мы вервольфы, мы звери, чего тут стыдиться? Точнее, не этого светлого чувства, которое, кажется, теперь навсегда со мной, когда я кормлю Сару грудью.

– Я благодарен тебе, пена. За спасение моей жизни.

– Не за что, – выдыхаю я. – Ты спас мою жизнь, а я твою. Мы квиты.

Сара снова засыпает, уютно сопит, умиротворенная и наконец-то вернувшаяся в семью, а Рамон нарушает наше молчание:

– Значит ли это, что готова дать нам шанс? Как семье.

ГЛАВА 13

Семья. Это же все, о чем я мечтала. И эта мечта так близко – только руку протяни, коснись ладонью, вот она. Но я столько раз обманывалась. Столько раз надеялась, а потом горько разочаровывалась, что, кажется, нового разочарования не выдержу. У кого-то случается долго и счастливо, а для меня счастливые минуты похожи на мгновения, на пролетевший метеориты, которые либо сгорают в атмосфере, либо разбиваются о землю. Их объединяет одно – они все конечны. Как бы я ни выгрызала себе путь к счастью, как бы ни боролась за него не на жизнь, а на смерть, как вчера, следом случается что-то такое, что разрушает его. Разрушает меня.

Поэтому я отвечаю совсем не то, что хочется моему сердцу.

– Я не для того тебя спасала, чтобы после не подпускать к дочери. – Я не смотрю Рамону в глаза, полностью сосредоточившись на Саре. – Я же сказала, что ей нужен отец.

Да, лучше думать о Саре. О ее счастье. Отныне теперь она мое счастье.

Но, к сожалению, Рамон не собирается мне подыгрывать.

– А тебе? – спрашивает он, и в его голосе мне слышится рычание его волка. – Тебе не нужен истинный?

Я собираюсь с силами, вскидываю голову, заглядываю ему в лицо. Рамон красив, как же он красив, несмотря на пережитое. Загорелый, мужественный, с этой легкой небритостью, он идеальный. Мой. Но вот такого как вчера я не выдержу. Все эти приключения, переживания, преждевременная седина.

Я должна это сказать.

– Я...

Шорохи в ближайших кустах джунглей отвлекают меня. А появившейся из этих самых кустов Алиша и Хантер, вовсе заставляют облегченно выдохнуть.

– Венера! – машет мне Али, и тут же прикрывает рот ладонью. – Простите, – шепчет расстроено. – Я ее не разбудила?

– После сытного обеда не так просто разбудить, – улыбаюсь я. Я очень рада видеть друзей. Очень-очень. – А вы случайно мне одежду

не захватили?

Я киваю на Рамона, на котором джинсы и черная футболка. Явно же от Хантера.

– Нет, – качает головой Алиша. – Я не подумала, что вам понадобится сменная. Не знаю, откуда у него джинсы. Наколдовал, наверное?

Я вскидываю брови, а Али широко улыбается:

– Хантер мне все рассказал. Про эти удивительные острова, и про то, что случилось. Это войдет в легенду! Может, Хантер включит это в свою книгу.

– Нет! – отрезаю я. Сама от себя такой резкости не ожидала. – При всем уважении к тебе и Хантеру, – я смотрю на недовольно прищурившегося друга, – я не хочу, чтобы кто-то знал обо мне. О том, что я вчера сделала. Мне не нужна популярность и прочее. Пожалуйста.

Заметно, что Хантер и Алиша в растерянности, но мне неожиданно на помощь приходит Рамон:

– Если она так хочет, пусть так и будет.

– Конечно, – кивает Хант. – Мне и так есть о чем и о ком написать.

Всем понятно, что Хантер не упустит возможности изучать магию островов. Хотя я не уверена, что мир к этому готов. К магии. Еще я не уверена, что джайо готовы к пристальному вниманию мира, а в том, что оно последует, сомневаться не приходится.

Правда, не знаю почему это должно меня волновать?

Как и то, что Рамон меня теперь поддерживает.

– Познакомишь нас? – спросила Али, когда тема магии была исчерпана.

– Да, – улыбнулась я, подзывая подругу к себе. – Это Сара.

– Какая миленькая.

– Сморщенная, – вставляет слово Хантер.

– Сам ты сморщенный! – бьет его по плечу Алиша.

Пока я общалась с друзьями, Рамон сходил в хижину и вернулся с привычным бумажным пакетом.

– Это подарок от Зена, – объясняет он. – Одежда, к которой ты привыкла.

Мне кажется, что на этих островах я привыкла ходить голой, как истинная волчица, но пакет принимаю с огромной благодарностью.

– Благодарю, Рамон.

Наши пальцы соприкасаются – и снова эта вспышка! Хорошо, этого никто кроме нас не замечает. Друзья слишком заняты знакомством с Сарой. Кажется, кто-то пытается примерить на себя роль родителей. Рамон тоже ничем себя не выдает, и я начинаю думать, что, возможно, это чувствую только я.

– У них действительно варварские ритуалы, – говорит Алиша Хантеру, но почему-то указывает на меня. Только сейчас я замечаю, что у меня слегка чешется кожа на лице и шее, словно она покрыта коркой. Она и покрыта!

– Предки! Я же вчера забыла умыться!

Вчера. И сегодня тоже.

И Рамон мне не сказал, что я как чучело. Если бы малышка напугалась?

– Тут неподалеку есть река, – говорит он, вручив мне приятно пахнущий цветами брусочек мыла.

– А Сара? – мне очень хочется умыться, но оставлять дочь я тоже не хочу.

– Я присмотрю за ней, – обещает он, и, судя по его виду, на сто процентов свое обещание выполнит. Без сомнений.

Я решаю убрать свою паранойю. Да, он совершил ошибку, когда отдал Сару доктору Суразе, но жестоко за это поплатился. Я вижу по лицу Рамона, что он тоже об этом вспоминает: прищуривается, сильно сжимает челюсти. Отобрать у него Сару сейчас, означает наказать еще сильнее, больнее, а я этого сделать не могу. Поэтому, больше не колеблясь, отдаю кроху отцу. Отцу – это даже звучит... необычно. Но он, пожалуй, тот, кому я не просто доверяю, верю.

Я нахожу реку, долго-долго умываюсь, смывая с себя все эти краски, травы. Впрочем, голову я мою еще дольше: волосы слиплись, превратившись в один большой колтун. Одежду джайо аккуратно складываю, переодеваюсь в мужскую одежду: в майку, которая оказывается длиной с платье, и мужские штаны цвета хаки. Обувь к набору не прилагается, но я уже привыкла ходить босиком, чувствовать траву, песок, камни. При свете дня остров выглядит особенно очаровательным. А еще я будто чувствую магию, о которой говорила Ману. Она в деревьях, в камнях, в ветре. Удивительное место.

Когда я возвращаюсь, Алиша и Хантер по-прежнему здесь, только откуда-то притащили фрукты и шарики из какой-то незнакомой мне крупы – подарок жриц для восстановления сил. Мы завтракаем, общаемся об острове, о джайо. К нашей компании вскоре присоединяется Ману, затем заглядывают Зен с Мишель. Мишель выглядит все так же по-дикарски, в разноцветных тряпочках и с вплетенными в волосы платками. Разве что краску с лица она тоже смыла. От рыжей нам с Рамоном достается больше всего внимания. Она трещит без умолку о том, как волновалась и как верила в меня. В нас. В конце концов, Рамон всех прогоняет со словами, что мне нужно отдохнуть. Да и малышке тоже. Всех, кроме Ману, конечно же, но жрица уходит сама по своим делам.

Мне кажется, он делает это для того, чтобы продолжить разговор. Но Рамон меня удивляет, когда сообщает:

– Тебе действительно нужно поспать, набраться сил. Я обо всем позабочусь.

– Мы не договорили, – напоминаю я.

– Ты же не хочешь об этом говорить. – Хоть бы улыбнулся! Но он серьезен.

– Не хочу, – признаюсь. – Я не готова.

– Тогда поговорим, когда будешь готова.

Вот так просто?!

Никогда, хочется мне сказать, но он уже уходит вместе с Сарой, а я слишком устала, чтобы начать ревновать. Засыпаю и нагло дрыхну. Когда просыпаюсь, хижину заливают красновато-оранжевый свет закатного солнца. Рамона нигде не видно, а вот Ману сидит в плетеном кресле возле пламени камина.

– А где мои? – спрашиваю у нее и тут же понимаю, что оговорила: – То есть – все?

– Ушли на праздник.

– Праздник?

– Священный праздник истинных пар.

– Он действительно существует? – я приподняла брови. – Или вы, джайо, сегодня его придумали?

Как тут не удивишься? Мы приплыли спасти дочь, а попали на праздник истинных. Как удобно.

– Он действительно существует, – улыбается Ману, – но мы устраиваем его не по календарю, как праздники на Большой земле, а тогда, когда на джайо волк встречает свою истинную. Это может произойти раз в лунный месяц, а может – раз в несколько лет.

– Больше на свадьбу похоже, – усмехаюсь я.

– Возможно.

– Значит, это праздник в честь Зена и Мишель?

– И в их честь тоже, – кивает жрица. – Племя изгоев вернулось воссоединилось с другими джайо.

Изгой? Это те, кто стал жить отдельно, покупать оружие и пользоваться спутниковой связью? О них мне рассказывал Рамон. Значит, теперь их приняли обратно?

– Я бы с удовольствием послушала, – признаюсь Ману, – но хочу найти Сару с Рамоном и моих друзей. Скажи, куда идти.

– Ты легко их найдешь, если пойдешь в сторону пирамид. Но для начала переоденься.

Представив снова «обнаженный» ритуальный наряд, я со вздохом поинтересовалась:

– А можно я останусь в своей человеческой одежде?

– Это же праздник, – поджала губы жрица, хотя как мне показалось, не потому что обиделась, а желая скрыть улыбку. – На него принято одеваться соответствующе. Это наши традиции.

– Убедили.

К моему облегчению, меня ждало не мини из лоскутков, а красивая белая туника с двумя разрезами до бедра и глубоким V-образным вырезом на груди. Ткань напоминала шелк и приятно холодила кожу в такую жару. Тот, кто принес платье, позаботился и о моих волосах: рядом с ним лежали костяные гребни, украшенные драгоценными камнями, прозрачными, нежно-голубыми, и ракушка, наполненная густым маслом, пахнущим чем-то тропическим. Островитяне, а точнее, островитянки явно знали толк в уходе за собой, потому что с помощью натурального бальзама я смогла расчесать волосы и даже соорудить простую прическу с помощью гребней.

Зеркала у меня не было, но, думаю, получилось нежно и романтично. Что ж, в таком виде я вполне могла прийти на любую вечеринку: и в Легории, и в Вилемие. Я даже удовольствие получила от этих сборов, на свадьбу свою так не собиралась, как на встречу с

Рамоном. Если быть до конца честной с собой, именно для него я так старалась. Во мне будто проснулась женщина, которая желала нравиться не только как мать его ребенка, но и как просто женщина.

Собиралась ли я дать нам шанс быть семьей? Я по-прежнему не знала, но решила довериться собственной интуиции, плыть по течению. Я так привыкла пытаться все контролировать, что выдохлась, устала от этого. Пусть все идет своим путем. Хотя бы сегодня. Этой ночью.

Когда я закончила, Ману попросила тоже ее проводить к храму. Поэтому мы пришли вместе. Поэтому стихшие голоса я не приняла на свой счет: понятно же, что присутствие верховной жрицы вызывает трепет. А именно трепет я увидела в глазах присутствующих джайо, до этого танцевавших под свои барабаны, музыку которых было слышно на весь остров. Трепет, благоговение. Они склонялись к земле, когда мы шли через живой коридор. Волки и даже другие жрицы. Последние кланялись не настолько низко, но почтительно, с уважением. Правда, меня немного смутило, что даже жрицы пришли на праздник в своих обычных нарядах, в белом были мы с Ману. Но эта мысль как-то не слишком надолго задержалась в моей голове перед открывающейся взгляду красотой.

Снова горели факелы, а джайо было больше, чем вчера. Сегодня приплыли или еще должны были приплыть все племена, поэтому у подножья пирамид даже яблоку не было где упасть. Или кокосу, с поправкой на местность.

Дойдя до ступеней пирамиды, мы с Ману поднялись на площадку, и меня передернуло при виде алтарного камня, на котором я вчера спасала Рамона. Но потом я увидела друзей. Хантера с Али и Зена с Мишель. Не знаю, с каких это пор я Мишель записала в подруги, но мне точно стоит ее поблагодарить от всей души. Если бы не эта истинная парочка максималистов, то я бы не оказалась на архипелаге, волки не спасли бы Сару, а я не вытащила бы с того света Рамона. Если бы не поддержка Алиши и Хантера, я бы сдалась еще раньше. От переполняющей сердце благодарности на глаза выступили слезы, и я постаралась их незаметно смахнуть. Бесовы гормоны!

Незаметно что-либо сделать у меня вряд ли бы получилось, потому что я чувствовала сотни взглядов на своей коже: будто каждый

из присутствующих рассматривал меня. Может, так и было, а может, мне так всего лишь показалось.

К счастью, друзья тоже были в белом. Не только Мишель и Зен, которые действительно выглядели как жених и невеста: сияющие счастливые лица, даже серьезный Зен сегодня широко улыбается. На Алише была точно такая же туника, как на мне, жемчужные нити в темных волосах, на Хантере – белый костюм.

– Мы сегодня как подружки невесты, – пошутила я.

– Скорее просто как невесты, – смущенно улыбнулась подруга.

– Что? Почему?

– Это праздник истинных пар, – ответил за нее Хантер. У него тоже горели глаза от восторга. – Представляешь, они устраивают такие празднование на храмовом острове каждый раз, когда на архипелаге кто-то обретают своего истинного или истинную. Танцуют до утра, решают все вопросы, проводят ритуалы забвения прошлого.

– Забвения? – насторожилась я. – Что это?

– Понятия не имею, но рассчитываю все узнать и все увидеть.

– Истинный ученый встретил свою истинную любовь, – хмыкнула Али.

– Волчонок, спрячь язву, – рыкнул он. – Ты еще наказание не получила за непослушание и злоупотребление полномочиями.

Алишу, судя по ехидной улыбке, это ничуть не напугало:

– Иногда можно и злоупотребить. Правда, Венера?

– Да, и я тебя за это до конца жизни буду благодарить. – Я взяла подругу за руку и крепко сжала, оглянулась на Мишель: – И вас тоже. Так что там с невестами?

– Вы и есть невесты, – объяснил Хантер. – То есть истинные. Сегодня на архипелаге появились три новые истинные пары. Зен и Мишель. Мы с Али. И вы с Рамоном, которые вернули магию на острова джайо. Так что ты здесь почетная гостья и новая жрица.

Гостья? Жрица? Я едва челюсть подобрала, потому что мне вдруг стало все понятно: и стихшая музыка, и взгляды, и поклоны, предназначенные вовсе не Ману, а мне. Я стою, хлопаю ресницами, и не могу собраться мыслями. Переварить всю информацию. В меня все это не помещается.

– Это что, действительно, свадьба? – спрашиваю хрипло.

– Для нас – да, – радостно отвечает Мишель, мило краснея и прижимаясь к вервольфу. – Племя Зена долгое время было изгоями, сегодня они воссоединились с остальными, и нам, как истинной паре, предложили пройти обряд и получить благословение Предков.

– Ты веришь в Предков? – приподнимаю бровь.

– После того, что я вчера увидела? Конечно! В Предков и в вас с Рамоном. Это было так круто!

– А Хантер с Алишей?

– Мы тоже согласились, – кивает Хантер. – Упустить возможность поучаствовать в древнем таинстве? Никогда! Правда, это будет уже наша третья свадьба с Али. Я буду твоим согласно всем религиям в мире.

– Ты и так мой! – ревниво заметила подруга.

Хантер ей что-то отвечает, но я уже не слушаю. Они все согласились, а меня кто-то спросил? Я тут вообще ничего не решаю, что ли? И где вообще Рамон?

Я оглядываюсь, но нигде его не вижу, отчего злюсь сильнее. Таинство! И он молчал. И Ману молчала. И все тут молчуны те еще! Не найдя Рамона в толпе, закрываю глаза и обращаюсь к нашей связи. Так я найду его быстрее всего. Получается легко, будто внутри активируется навигатор, подсказывающий куда мне идти. Внутренний компас ведет меня ко входу в главную пирамиду, по темному коридору, выныривает в одной из комнат-ячеек, похожую на ту, в которой вчера жрицы собирали меня для ритуала.

Здесь так же красиво: ярко-горящие факелы, на лианах распустились разноцветные гигантские колокольчики, каменные скамейки по обе стороны от стен. Вот как раз на одной из скамеек разместился мой истинный с малышкой на руках. Весь в белом, и Сара тоже завернута в белый платок. Это тоже было красиво и мило. Было бы, если бы рядом с Рамоном, тоже в белом, не сидела жрица.

Я уже видела ее вчера, она была в числе тех, кто остался помогать ему после того, как я излечила его с помощью магии. Длинноногая – она сидела, закинув ногу на ногу и обнажив половину бедра, красивая, с шоколадной кожей и с цепким взглядом, который она бросила на меня из-под ресниц. Наглая, потому что даже не поднялась при моем появлении, как склонилась над моей Сарой, едва ли не прижавшись к Рамону, так и не пошевелилась. Хотя прекрасно знала, кто я.

У такого поведения могло быть только одно объяснение: это та самая жрица, что спала его. И она, видимо, считает, что имеет на него права.

Я сжала зубы от досады, от досады и раздражения на жрицу и Рамона. Хотя нет, на него я попросту разозлилась! Как он может держать Сару на руках и при этом... при этом флиртовать с другой женщиной? Как?!

Поднявшаяся внутри волна ярости, кажется, готова была смести все на своем пути. Моя, моей волчицы – наша общая. Чтобы кто-то посягнул на нашего истинного? Да никогда! Мы еще не определились, не дали ему ответ, а он что? Уже другую окучивает? Р-р-р!

Во мне вспыхнуло огромное желание если не покусать ее, то вцепиться ей в волосы. По-дикарски. Только улюлюканье Сары меня останавливало. Почувствовав меня, доченька потянула ко мне ручки. Это немного уняло мою жажду крови жрицы и неверного истинного.

– А вот и ты! – Я подошла, перехватила кроху у Рамона, заглянула в довольное личико. Я уже успела выучить каждую черточку, и, к моей досаде, Сара была маленькой отцовской копией. Как я собираюсь забывать его, если рядом будет живое напоминание о нем? – Маленький сладкий волчонок.

Мамочка не будет при тебе злиться или расстраиваться. По крайней мере, очень сильно постарается.

Рамон поднялся, и жрица, как к нему приклеенная, тоже. По ее лицу я читала, что красавица недовольна моим появлением.

– Не отвлекайтесь от своих дел, – кивнула я на них. – Я тут ради малышки. Больше не забирай у меня Сару. Она моя дочь.

– Наша, – поправляет Рамон с улыбкой. И чему он улыбается? Главное – кому. Мне или своей наглой жрице? – Уже уходишь? А как же поговорить по душам? Закончить разговоры?

– Вижу, тебе есть с кем поговорить.

Жрица ловит мой издевательский взгляд и хмурится.

– Наила не знает языков большой земли.

– Какая жалость! Или наоборот – удача? Язык жестов никто не отменял.

– Или язык тела, – подлил масла в огонь этот смертник.

– Осторожно, – рыкнула я. – Судя по ее одежде, она сегодня тоже встретила своего истинного.

– Наила его давно встретила. Даже родила ему пятерых детей.

Сказать, что у меня глаза стали большими, значит, ничего не сказать, а брови поползли вверх.

– Тогда почему она в белых одеждах?

– Это вопрос к ней, – пожимает плечами Рамон.

– Вот и спрашивай, – сердито заявляю я и намереваюсь уйти. Вот только он перехватывает меня за локоть.

– Не надоело бегать, Венера?

Ярость начинает ворочаться во мне по-новой, я уже натурально готова на него рычать. Если бы не Сара на руках, давно бы уже рычала.

– А знаешь, что? – интересуюсь зло. – Надоело! Почему я должна уходить? Мне здесь нравится. – В подтверждение своих слов, подхожу к скамье и сажусь на нее. – Пусть она уходит. Или уходите вместе.

Я вкладываю вызов в свой взгляд, но Рамону, кажется, на это все равно, он поворачивается к жрице и говорит с ней на местном. Ну как говорит? Это скорее пара слов, но, судя по лицу жрицы, для нее неприятных. Она явно злится, выдает что-то эмоциональное в ответ и уходит. А Рамон... Я не могу поверить своим глазам, но он поворачивается ко мне и смеется!

Если и можно сильнее сбить меня с толку, то это только что произошло.

– Ты после волшебного спасения умом слегка тронулся? – интересуюсь у откровенно веселящегося волка.

– Женщины, – качает он головой. – Неверный истинный? В чем моя неверность, пена? В том, что на меня посмотрела жрица?

– Ты мои мысли читаешь?!

– Только когда ты их так откровенно транслируешь.

– Ничего я не транслировала.

Он присаживается рядом со мной, а я отворачиваюсь в другую сторону, к стене, и чтобы его не видеть. Мы молчим. Долго. Но я по-прежнему злюсь. И тут меня просто берут и притягивают спиной к себе.

– Что ты делаешь?

– Обнимаю своих девочек, что непонятного?

Я пытаюсь отстраниться, но дочь решает начать мелко хныкать. Я останавливаюсь – перестает. Ей нравятся папины обнимашки. А мне нет!

- Меня не интересуют твои отношения с другими женщинами.
- Нет никаких женщин. Мы теперь истинная пара.
- И что? Вот у жрицы пять детей, а она тут, рядом с тобой.
- Наила спасла меня, когда я пострадал от взрыва, и я ей за это благодарен. Но не более того. К тому же, здесь она не ради меня, а ради тебя.
- Что? – я даже поворачиваюсь к нему, считая, что ослышалась. – Зачем ей приходить ради меня?
- Затем, что она дочь и преемница Ману. А ты вчера призвала магию предков и вполне можешь стать новой верховной жрицей джайо.

ГЛАВА 14

Мне хочется рассмеяться, но Рамон даже не улыбается. Кажется, он предельно серьезен.

– Ты не шутишь? – переспрашиваю я.

– Нет. Обычно жрицами становятся нерены, но если предки благословили волчицу, то можно сделать и исключение. Кто же станет спорить с богами?

– Но мне это не нужно. Я хочу вернуться в Легорию, с Сарой. Мне не нужны какие-то острова. – Следующая мысль вовсе заставляет меня похолодеть: – Они меня вообще отпустят?

– Благословленную богами? – приподнимает бровь Рамон. – Тебе можно все, что угодно. Тем более теперь у нас среди аборигенов есть друзья.

Это немного успокаивает. Волчице в клетке живется плохо, даже если это целый архипелаг, а ее чтят как жрицу. Я – жрица? Ману шутит. Даже если предки дали мне силу, то только на одну ночь и для спасения Рамона. Мне этого достаточно.

– Значит, Легория? – Голос Рамона выдергивает меня из мыслей, и я вскидываю глаза, теряюсь под его пытливым взглядом.

– Там мой дом.

– С не самым приятным климатом, но что-то в Легории есть. Леса, реки, горы, опять же. Только дом купим поближе к морю и подальше от Экротов.

Я широко распахиваю глаза:

– Ты же не собираешься ехать со мной?

– Почему нет?

– Потому что ты живешь на тропическом острове.

– Нет.

– Нет?!

– Когда я был верховным старейшиной, то приходилось мотаться по всему миру. Не скажу, что часто бывал в Легории, Нельское княжество или Вилемия мне всегда нравились больше. На острове сначала жила Мишель, а потом я решил, что он идеален для моего малыша и его матери.

– То есть ты прилетал туда из-за меня? – может, я и общаюсь сейчас вопросами, но мне важно все уточнить.

Рамон тихо смеется. Что-то он в последнее время подозрительно много веселится. То ходил с мордой кирпичом, а здесь такой расслабленный.

– Я там жил из-за тебя, Венера, – он нежно касается головки Сары и поглаживает темный пушок, – и из-за нее. Я хотел, чтобы там был дом для нее.

Я закрываю глаза и представляю, как бы классно было жить на тех островах, растить там Сару. Стать семьей. Мечта такая сладкая, и она так близко. Картинка тает, сменяясь другой: змеями в моей постели, а затем лицом Рамона, закрывающего меня от пуль.

– Меня там чуть не убили, – напоминаю я беззлобно. Я говорю это для того, чтобы его уязвить, просто как факт, но улыбка Рамона все равно тает.

– Альма больше не сможет никому причинить вреда. Никогда.

Он говорит это так уверенно, что сомнений в том, что аборигены разобрались с зарвавшейся волчицей, нет.

– Она мертва?

– Нет, – качает головой Рамон. – Пока жива. На сегодняшнем празднике решится ее судьба.

– Хорошо. Но, Рамон, есть и другие. Например, Волчий Союз...

– Nena. – Он тянет меня на себя, притягивая ближе, и эта близость отзывается во всем моем теле приятными мурашками. Вроде не должно быть этих мурашек, но они есть. – Позволь мне во всем этом разобраться. Решить все с Волчьим Союзом, с моим братом, с джайо. Я ради вас с Сарой готов хоть со всем миром разобраться.

Это из-за Сары? Конечно, из-за Сары.

– Я не буду препятствовать вашим встречам. По праздникам или в любой день.

– Женщина, не нужны мне встречи по праздникам! – рычит Рамон, заключив мое лицо в ладонях. – Я хочу семью. Хочу тебя. Хочу, чтобы мы спали в одной постели, согревали друг друга днем и ночью. Хочу сына или еще одну дочку – для истинных пар нет ничего невозможного. Хочу, чтобы ты мне улыбалась, моя волчица. Ты спасла меня не вчера, а гораздо раньше. В нашу первую встречу, когда пошла

за мной в том отеле. Жаль, я слишком поздно это понял. Что ты мой божественный подарок. Не дочь была подарком предков, а ты, Венера.

Его признание проникает в самую глубину моей души. Мне даже нечего на это сказать. Я открываю рот и закрываю.

– Я не знаю...

– Ты спасла меня. Спасла, а могла не спасать.

– Не могла, – мотаю я головой.

– Доверься мне, – просит Рамон. – Доверься, как доверилась в ту ночь. Когда не знала, кто я, но точно знала, что я твой истинный. Доверься, – последнее слово он выдыхает как мантру, как заклинание, прямо мне в губы. Еще немного, и мы соприкоснемся, наши губы столкнутся, и я со всхлипом сдаюсь. Надоело сомневаться. Он прав, я же все равно уже решила, когда спасла его. Я сейчас пытаюсь все решить разумом, а надо сердцем. А что сердце? Оно хочет быть с Рамоном. Я хочу быть с Рамоном. Поэтому я подаюсь вперед, преодолевая это расстояние, целую его первой. Что, впрочем, не мешает Рамону тут же перехватить контроль, сминая мои губы в глубоком, чувственном поцелуе, когда наши языки танцуют бешеный дикарский танец.

– У-у-у, – напоминает о себе Сара. Не надо меня зажимать, родители! Нависать тут надо мной.

– Прости, малышка, – говорю я, успокаивая ее. – Мы о тебе не забыли.

– Мы? – хитро прищуривается Рамон, окидывая меня жарким жадным взглядом.

– Мы, – подтверждаю я с улыбкой.

– Тогда может «мы» сможем немного побыть наедине?

Он кивает на Сару, и до меня доходит, о чем он спрашивает.

– Нет, – качаю головой. – На кого я ее оставлю?

– На Алишу или Ману.

– Ты еще Хантера предложи. Ману слепая, а Алиша не знает, что делать с детьми.

– Я тоже не знал до этого дня, но тем не менее справился.

– Только Ману ее и доверю, – соглашаюсь я. Рамон забирает у меня Сару и, попросив подождать здесь, уносит.

Я успеваю засомневаться и десять раз передумать, даже, не выдержав, отправляюсь за ним, но Рамон перехватывает меня в

коридоре. Он прижимает меня к стене и целует так, словно изголодался по мне. Может, так и есть. Я совершенно точно изголодалась по нему.

– Непослушная девочка, – выдыхает он, а я вздрагиваю от чувствительного шлепка по правой ягодице.

– Ты долго не шел.

– Искал самую ответственную голову на этом празднике жизни, а после угрожал эту голову оторвать, если хоть одна слезинка прокатится по щеке моей дочери.

– Сурово, – смеюсь я. – Сара – любитель порыдать и потребовать.

– Вот пусть и требует, – разрешает дочурке чудить Рамон. – А я требую свою истинную.

Он тянет меня прочь из пирамиды, но на каждый мой вопрос, куда мы идем, отвечает поцелуем. Причем настолько долгим и горячим, что к концу нашего пути я почти забываю, о чем спрашивала. О чем и зачем. Зачем вообще что-то спрашивать, если у меня кружится голова и подкашиваются ноги от одних только взглядов истинного, обещающих море наслаждения.

– Море? – спрашиваю я, когда мы выходим наконец-то выходим из джунглей. Это симпатичная бухточка, маленькая и безлюдная. Вервольфов тоже не видно. К счастью.

Солнце закатилось за горизонт, все вокруг окутала ночь. Сверчки, прибой, пение островных птиц. Р-р-романтик.

– На кровати у нас было, в озере тоже, а вот на пляже нет, – Рамон обнимает меня со спины и прикусывает за ухо, теплом дыхания заставляя меня возбуждаться сильнее, чем я уже возбуждена.

Возбуждена? О!

– Что это за пляж? – спрашиваю, когда его ладони забираются в разрезы моей туники, гладят бедра, а губы рисуют узоры на моей шее.

– Неважно, – отмахивается Рамон. – Нас здесь никто не потревожит.

Я ему верю. Просто верю. Мы через столько вместе прошли, столько скрывали друг от друга, что продолжать эти игры просто нет причин. У меня больше нет причин не доверять Рамону. По крайней мере, я не могу ни одной вспомнить. Он прав, тысячу раз прав! Я доверялась ему как своему истинному, когда не знала о нем ровным счетом ничего. Я доверяю ему сейчас, зная о нем все. Зная, что он

закроет меня от пуль, встанет между мной и смертоносным оружием. Ради меня будет плыть, лететь, бежать, только чтобы ко мне вернуться. Ко мне, к Саре, к нашей маленькой семье, которая может стать большой. И, кажется, сейчас мы вполне на пути к ее расширению.

Пальцы Рамона зажигают искры на моей коже. На груди, животе и ниже. Но от мгновенно промелькнувшей мысли я не могу сдержать смешка.

– Что смешного, м-м? – он втягивает носом мой аромат, щекочет дыханием затылок – самую чувствительную зону всех волчиц. Мою так точно.

Я поворачиваюсь в его объятиях, потираюсь телом о его тело, ощущая всю его силу, всю его твердость и желание.

– Подумала, что если мы такие необычные истинные, то наша семья может очень быстро увеличиться.

Я прикусываю нижнюю губу, и оранжевые искры вспыхивают в темных глазах Рамона. Опасно, игриво, решительно.

– Ты этого хочешь, пена? – Он не позволяет мне ответить, обещает: – Все будет так, как ты хочешь.

Лучшей клятвы мне и не нужно.

– Как мы хотим, – поправляю его я и делаю шаг назад. И еще один.

Во мне тоже просыпается игривая хищница. Я вытягиваю заколки одну за другой, откидывая голову назад и обнажая шею. Встряховаю копной волос, что здесь, на острове завились в колечки и будто бы стали гуще. Как воздух между мной и Рамоном словно загустел, превратившись в чистое желание.

Он наблюдает за мной. За каждым движением моих пальцев, когда я наклоняюсь, хватаюсь за края туники и стягиваю ее через голову. Нарочно медленно тяну ткань, открывая взгляду Рамона все больше и больше, и с удовольствием отмечаю, как учащается его дыхание, как ускоряется его пульс, они будто движутся в унисон с моими. Туника летит на песок, на мне остаются только дикарские бусы, прикосновение которых к груди сейчас ощущается особенно остро. Я слишком хочу Рамона. Сильно хочу своего истинного, и мне приходится снова прикусить губу, когда от одежды начинает избавляться он.

В отличие от меня, Рамон не медлит, избавляясь от рубашки и штанов достаточно быстро. Тем не менее я успеваю рассмотреть и насладиться каждым сантиметром его загорелой обнаженной кожи, игрой мышц, которые напрягаются от движения, силой того, как сильно он меня хочет. Он совершенный. И он мой. Эта мысль пьянит едва ли не сильнее мужчины рядом, что преодолевает расстояние между нами в один шаг и притягивает меня к себе. На этот раз осторожно, изучающе. Рамон целует меня, словно пробует на вкус, медленно поглаживает мое тело, будто пытается вспомнить. Или, скорее, запомнить. Изучить каждый миллиметр, чтобы он отпечтался в памяти.

Эта медлительность, эта томность отражается в моем теле пожарами, вспыхнувшим желанием, нестерпимым, жгучим. Но я соглашаюсь с этой игрой, отвечаю ему тем же, исследуя сильное тело Рамона, поглаживая его горячую кожу, на которой больше не осталось ни единого шрама – моя магия выжгла последние, на нем и на мне. Я чувствую под пальцами напряжение мышц, его силу, его возбуждение.

Впрочем, надолго нас не хватает, мы просто начинаем задыхаться. Тем более что то, что с нами происходит сейчас, ни капли не напоминает то, что было раньше. Я чувствую каждую ласку Рамона как свою, каждый его поцелуй отзывается во мне острее, целым калейдоскопом чувств. Сменяющимся то жаром, когда он прижимает меня к себе крепче, то прохладой, когда отстраняется, утягивая меня за собой на песок, и снова жар, когда Рамон усаживает меня на себя.

Мы слишком возбуждены, чтобы медлить, я это знаю, он это знает. Поэтому Рамон сжимает мои бедра, приподнимает над собой, и мы наконец-то соединяемся. Соединяемся во всех смыслах, потому что я чувствую кожей, сердцем, всей своей сутью, как ему приходится сдерживаться, оставаться нежным, растягивать это мгновение, отзывающееся трепетом в груди. Любовью. Этот трепет – любовь.

И я сама подаюсь назад, чтобы снова качнуться вперед, наполнится им до отказа, до самых краев. Вся наша сдержанность заканчивается, исчезает. Перед глазами плывет от страсти, от жгучего желанья, но я все равно цепляюсь за его взгляд, в котором отражается его звериная суть, его волк, как в моем отражается моя одуревшая от счастья волчица. Но еще во взгляде Рамона сияет то же чувство, что горит во мне.

Любовь.

Сколько я бежала за ней, а она нашла меня сама на берегу этого забытого предками острова. Мы качаемся на ее волнах. Вместе. Уже не сдерживаем стонов и рычания. Раскручивая этот вихрь, не разбираясь, где чьи чувства. Понятно же, что они теперь наши общие. Одни на двоих.

Я откидываю голову назад, не в силах выдержать эту силу, всю эту нежность, а Рамон сжимает пальцы на моих бедрах, толчками доводя нас до разделенного на двоих наслаждения, хрипло шепча:

– Nena. Моя волчица. Моя истинная. Моя.

Перед моими глазами кружатся звезды, закручиваясь в вихри. Они падают, и я падаю вместе с ними. В самые родные, в самые надежные в мире объятия моего истинного.

Нет, моего любимого.

Все еще подрагиваю от пережитого блаженства, когда Рамон поглаживает меня по спине, прижимая к себе. Его грудь тяжело вздымается и опадает, но сердце потихоньку замедляется, возвращая себе привычный ритм. А мне так хорошо, как не было хорошо никогда в моей жизни.

Таким должен был быть наш первый раз. Наполненным, открытым, диким и настолько естественным, насколько это вообще возможно. И в то же время нежным, трогательным в желании узнать друг друга.

– Это и есть наш первый раз, – неожиданно отвечает Рамон.

– Снова подслушиваешь? – вскидываю я голову, заглядывая ему в лицо.

– Просто ты хотела, чтобы я услышал, – хитро смеется он.

Я открываю рот, чтобы возразить, но мне не возражает. Почему-то сейчас сама возможность общаться вот так, мысленно, меня не пугает. Сама вероятность этого лишь доказывает, что нам нечего скрывать друг от друга. Конечно, это странно, непривычно, но вместе с тем любопытно и дает новые преимущества. Например, я всегда могу позвать Рамона, где бы он ни был. А еще мы вроде как можем общаться, будучи в звериных ипостасях.

Я, кажется, снова ему все транслирую, потому что Рамон усмехается:

– Хочешь дать волю своей волчице?

– Хочу, – признаюсь, – но в следующий раз. Нам нужно вернуться к Саре.

– Согласен, – кивает он, поднимаясь и потянув меня наверх. – Все-таки Ману не профессиональная няня.

– А ты хочешь настоящую?

– Обязательно. Я должен быть уверен в тех людях или вервольфах, на которых оставляю свою дочь, пока уединяюсь со своей женой.

Няня – это хорошо, но последняя часть предложения заставляет меня поперхнуться воздухом.

– Женой?

– Есть возражения? – прищуривается Рамон, мигом подбегаясь и становясь серьезным.

– Э-м-м, наверное, нет. Это логичное продолжение того, что ты мне описал. Просто неожиданно было. Мы ведь пока даже не помолвлены.

– Нена, – смеется этот волк, мигом расслабляясь и привлекая меня к себе, – ты уже моя супруга. С той самой ночи. Нас благословили предки. Да что там предки... Я тебя выбрал. Мой волк тебя выбрал. Ты моя, а я твой. – Он берет меня за руку и прижимает раскрытой ладонью к своей груди. – Мое сердце бьется для тебя. Я дышу для тебя. Живу для тебя. Чувствуешь это?

Я чувствую. Чувствую эти мощные удары в груди моего волка. И улыбаюсь ему:

– Я имела в виду официально.

– Как только выберемся из этой дыры, – обещает Рамон.

– Тебе нравится эта дыра, – игриво ударяю его по плечу и отпрыгиваю на шаг.

– Дело не в дыре, – он разводит руками, то ли подразумевая остров, то ли – весь архипелаг, – а в том, что я рядом с тобой.

– Убедил, – подмигиваю ему я. – Выберемся из дыры и устроим свадьбу.

– Нет.

– Нет?!

– Свадьбу мы устроим сегодня. По обряду джайо.

Я вспоминаю про праздник и про то, почему вообще изначально пошла искать Рамона. Но пока вспоминаю, истинный направляется в

сторону оставленной нами одежды. Как я думаю, чтобы подать ее мне и помочь одеться. В отличие от Рамона, в чтении его мыслей я не сильна. Но он просто достает из кармана черную бархатную коробочку и возвращается ко мне.

Тут мне даже мысли читать не нужно, чтобы понять, что это. В горле мгновенно пересыхает, когда Рамон по современным человеческим обычаям опускается передо мной на одно колено. Мы оба голые на безлюдном диком пляже, светит луна, воздух напитан теплотой, а передо мной самый красивый, самый желанный мужчина на свете. Романтичнее не придумаешь.

– Венера, ты выйдешь за меня?

Драгоценность на его большой ладони прекрасна – два тонких кольца, соединенные ромбом с крупным черным бриллиантом в обрамлении бриллиантовой, сияющей в свете луны, крошки. Это настолько красиво и невероятно дорого, но в то же время для меня абсолютно не важно. Гораздо важнее Рамон с его предложением, с его желанием сделать меня своей. И мое желание на это все согласиться.

– Ты уже знаешь ответ, – говорю, прикусив нижнюю губу, чтобы скрыть широкую улыбку. А вот он улыбки не скрывает:

– Знаю, но по правилам, ты должна произнести это вслух. Иначе придется оставить кольцо себе, – о со вздохом убирает коробочку. Ну что за вредный волк!

– Да, – говорю. – Я согласна.

– На что согласна? – не унимается Рамон.

– Быть твоей истинной женой.

Его глаза победоносно сверкают, а на лице снова довольная счастливая улыбка, от которой млеет мое сердце, и я вся целиком. Рамон надевает мне на палец кольцо, поднимается и прижимает меня к себе.

– Ты попалась, – шепчет мне на ухо. – Больше никуда от меня не денешься.

Я обнимаю его за шею и отвечаю, почти касаясь губами губ:

– Взаимно, мой волк.

Если бы не Сара, мы бы зависли на том пляже до утра. И плевать было бы, что наш ждут для какой-то церемонии. Но малышка была стимулом для нашей с Рамоном социальной жизни. Впрочем, я не уверена, что наша социальная жизнь продолжится, когда мы вернемся

домой, а точнее – выберем себе уютное гнездышко. Лично мне хотелось начать его вить хоть прямо сейчас. Словно наша свадьба уже состоялась на том берегу. Свадьба, брачная ночь, признания в любви. Но оказавшись среди веселящихся джайо, я поняла, что нет ничего ужасного в том, чтобы повеселиться тоже. Если не за себя, то за друзей.

– Это ты придумал праздник? – спрашиваю я.

– Нет, у джайо действительно существует такая традиция. Но обычно она касается самих джайо.

Обряд незамысловатый, чем-то похожий на старинную церемонию бракосочетания вервольфов. Его проводит сама верховная жрица. Нужно петь, ходить по кругу, напоить друг друга водой и накормить священными ягодами, растущими только на архипелаге. Этот обряд посвящен образованию новой семьи, поэтому у меня даже не забирают Сару. Наша малышка проводит церемонию вместе с нами, кочуя с моих рук на руки Рамона. И это так мило, что я готова плакать от счастья. Я и плачу, когда все племена взрываются поздравительным волчьим воем, приветствуя новую семью.

Самое интересное начинается после, когда к нам один за другим подходят джайо. Они несут корзины, наполненные ягодами и фруктами, драгоценными камнями, бусами из жемчуга, какими-то бутылочками с неизвестным мне содержимым, игрушки для Сары.

– Свадебные подарки, – объясняет Зен. – Это традиция.

Действительно, возле него и Мишель и перед Хантером с Алишей тоже горка подарков, разве что размером поменьше той, что складывают возле нас с Рамоном. Еще недавно я бы решила, что это из-за того, что мой истинный избранник предков, но после его слов начинаю сомневаться. Может, джайо правда хотят, чтобы я стала их жрицей? Что, конечно же, невозможно. И никакие подарки не заставят меня передумать.

С этой мыслью я оглядываю джайо и нахожу Ману и Ниалу, спорящих о чем-то. Точнее, младшая жрица спорит, а вот верховная как всегда спокойна. Интересно, о чем они говорят? В толпе слишком шумно, чтобы я могла разобрать даже с волчьим слухом. Я все равно напрягаю уши, но вдруг слышу совсем другой знакомый голос:

– Отпусти меня! Я сама могу идти.

Этот голос я бы очень хотела забыть. Вымарать из собственной памяти. От этого голоса по телу проходит волна дрожи: от воспоминания о самых страшных часах в моей жизни и от ярости на похитившую мою дочь старую ведьму.

Альма.

Сейчас она выглядит не так уверенно, как в доме Микаэля, или даже не так, как в своем бункере. От ее лоска победительницы жизни не осталось и следа. Ее руки связаны грубой веревкой, волосы растрепались, на лице грязь, будто она провела ночь в какой-то канаве или яме. Хотя, почему будто? Ее схватили дикари, и методы у них соответствующие. Альма выглядела как бродяжка, и даже желание держать лицо, идти через толпу подобно королеве, огрызаться, когда ее грубо толкали, ее не спасало. Она вызывала исключительно чувство жалости. Если бы я, конечно, могла пожалеть это чудовище.

Даже музыка стихла, когда Альму подпихнули в наш круг счастливых молодоженов и получателей подарков. И с нее, кажется, слетела последняя маска, потому что волчица, заметив моего истинного, споткнулась, свалилась к его ногам и от шока открыла рот.

– Ты живой, – выдохнула она. – Живой. Как это возможно? Я же тебя убила!

– А Венера его оживила, ведьма! – вклинилась Мишель. – С помощью магии. Ты еще не поняла, где оказалась?

– Что это такое? – хрипло спрашиваю я у Рамона, который хмурится, но, кажется, такому иммерсивному театру не удивлен. – Что она здесь делает?

– Она тоже подарок, – объясняет тот же Зен. – Она теперь ваша. Можете, делать с ней все, что захотите.

А если я хочу ее прибить?

Я сама пугаюсь этой кровожадной мысли и крепче прижимаю Сару к себе, потому что Альма уже приходит в себя и с тоской и болью смотрит на, между прочим, мою дочь. Меня трясет от ярости, но вместе с тем мне совсем не нравится такой «подарочек». Получается, они на нас с Рамоном повесили ответственность за нее?

Я надеюсь, что мой волк откажется. Я уверена, что мой волк откажется. Но вместо «нет» он произносит:

– Благодарю жриц племени джайо за бесценный дар.

Жриц? То есть тут жрицы замешаны?

«Что ты творишь?» – спрашиваю у него мысленно, и в ответ получаю:

«Так надо, пена».

Вопрос – кому?

ГЛАВА 15

– Это была твоя идея? – интересуюсь я, когда после официальной части свадеб мы с Рамонем возвращаемся в хижину гостеприимной Ману. У нас с истинным есть хороший предлог отправиться спать – уставшая малышка.

К счастью, возвращаемся мы втроем, а не с «подарочком». Моей выдержки, наверное, не хватило бы на то, чтобы вести за собой Альму на веревке. Как собаку на поводке. Но волчицу сразу же увели, как только «подарили», а Рамон этот дар принял. С тех пор во мне росли и множились вопросы, и среди них один самый важный: зачем она ему? Конечно, можно было предположить, что истинный самостоятельно хочет расправиться с той, что многие годы отравляла ему жизнь и все его отношения. Но мое чутье подсказывало – что-то здесь не так.

– Моя, – кивает Рамон, укладывая сопящую малышку на постель. Сара вырубилась от всех этих эмоций и начала капризничать прямо на празднике. Поэтому мы быстро со всеми попрощались и ушли туда, где звуки барабанов были не так слышны, и где дочь могла спокойно поспать. – А джайо согласились.

– Но зачем она тебе? Ты собираешься... мстить?

Даже при слабом освещении камина я вижу, как на лицо Рамона набегают тени, как он напрягается, как сжимает зубы.

– Не стану отрицать, пена, такая мысль приходила ко мне сотни, если не тысячи раз. Но это было раньше. – Он разом расслабляется, словно выдыхает напряжение и ловит меня за руку, целует тыльную сторону ладони, согревая дыханием мои пальцы. – Сейчас я счастливейший вервольф во всей вселенной.

– Который все равно решил принять в дар поверженного врага.

– Она может быть полезной.

– В хозяйстве? – скептически приподнимаю бровь, а Рамон усмехается, но тут же становится серьезным.

– Как ты знаешь, не только у меня на нее зуб.

– Артур, – выдыхаю я, и Рамон кивает, подтверждая мою догадку. – Ты хочешь отдать ее Волчьему Союзу?

– Да, это станет широким жестом. Предложением дружбы.

Я кривлюсь, вспоминая всех членов Союза. Они последние, с кем бы я дружила. Но иметь их во врагах опаснее.

– И гарантией того, что они оставят нас в покое, – заканчиваю я за Рамона. Его, меня, малышку. – Это действительно так? У нас получится? Только не надо лгать или приукрашивать, я сразу все пойму.

Рамон обнимает меня за плечи и целует на этот раз в губы. Долгим, похищающим мой разум и мою силу воли поцелуем.

– Мне незачем утаивать что-то от тебя, Венера. Я очень хорошо знаю Волчий Союз и Артура. Из Волчьего Союза уходят только посмертно, но мне удалось обойти систему, и они так просто это не оставят. Если, конечно, не получают что-то ценное взамен. Поэтому считай, что я покупаю свободу для себя и для нашей семьи.

Его шепот успокаивает меня, убеждает в том, что все хорошо. Шепот и руки, что блуждают по моему телу, то обнимая, то касаясь невесомо, с нежностью.

– А если не получится? – делюсь я своими сомнениями.

– Ты не веришь в меня, Венера? – ловит он мой взгляд.

– Я не верю Артуру и Вэ-Эс.

– Вэ-Эс? – хмыкает он. – Еще никто их так не называл.

– Да? Волчий Союз так и просится как-то его сократить.

Мы снова целуемся, а потом Рамон обнимает меня со спины, и мы стоим и наблюдаем за нашей малышкой. Это мгновения мира, хотя до мира нам еще далеко. Я-то считала, что война окончена, все самое страшное позади, а оказывается, главная битва впереди. И поэтому мое спокойствие уже не такое спокойное.

– Сколько у нас времени? – спрашиваю у него.

– Я собираюсь уплыть на рассвете. Чтобы не тянуть время. Чем раньше сдам ее Артуру, тем лучше.

– Ты? – переспрашиваю я. – Ты собираешься ехать к ним один?

Объятия Рамона становятся крепче, а сам он таким каменным, что по ощущениям я оперлась на скалу.

– Предлагаешь мне взять вас с собой?

Я запрокидываю голову, чтобы заглянуть к нему в глаза.

– Именно это я и предлагаю.

Он молчит и смотрит на меня недоверчиво.

– Ты серьезно, Венера?

– Более чем.

Так, кажется, нам стоит отойти от спящей крохи, а то мы рискуем продолжить наш разговор уже на повышенных тонах. Что мы с ним и делаем, шагнув в разные стороны.

– Кажется, я говорил, что это опасно, – как можно прорычать эту фразу тихо, я не представляю, но у Рамона получается.

– Да все, что связано с Артуром, Альмой и Вэ-Эс опасно.

– И тебя это не останавливает.

– Если бы меня это остановило в прошлый раз, ты был бы сейчас мертв.

– Или ты, не прикрой я тебя в бункере.

В этом был смысл. Рамон, возможно, не подставился бы из-за меня, здесь мы квиты.

– Я глубоко благодарен тебе за спасение, – он немного сбавляет тон, но все равно непреклонен: – Но роль волка защищать свою волчицу и свое потомство. Свою семью.

– А я думала, что роль истинных в том, чтобы все решать вместе. Семей.

– Я с этим согласен, пена. Разберусь с Волчьим Союзом, и мы будем решать все вместе: где жить, что делать, как растить наших детей.

Я закрываю глаза и обхватываю себя руками, борясь с охватившими меня эмоциями, смесью раздражения, обиды, неприятия. Молодец, что тут скажешь. Образцовый волк, муж и отец. Все придумал и продумал. Сначала разберется с врагом, нас спасет, а потом будем вместе все решать.

Мне хочется разозлиться, закатить некрасивую сцену с битьем того минимума посуды, который есть в доме Ману. Чтобы он меня услышал. Понял. Понял, что я без него нигде не останусь. Даже в самом безопасном месте на всей планете. Потому что самое безопасное место для меня и Сары – рядом с ним. С моим Рамоном.

Поэтому я не позволяю злым чувствам завладеть мной, стряхиваю их. Я уже сражалась с ним, я уже противостояла ему, я поступала по-своему. И к чему это привело? К тому, что я воевала с самым близким мне волком. С тем, кого люблю всем сердцем.

Можно воевать, а можно любить. Я выбираю любить.

– Любимый, – говорю мягко, шагнув к нему и положив ладони на широкие плечи мужа, – ты еще не понял, что у нас все получается, когда мы вместе? Когда мы рядом. Только так и никак иначе. Ты можешь приказать мне остаться здесь, на острове, но это не значит, что я тебя послушаюсь. У меня своя голова на плечах и собственное мнение. Собственное чутье. И оно подсказывает мне, что нам нельзя разлучаться.

– Как ты меня назвала? – У него такой сконфуженный, удивленный вид, что я едва не смеюсь.

– Любимый, – хитро улыбаюсь я, потершись носом о его щеку, и, пока он не опомнился, добавляю: – Я не прошусь на твою встречу с Артуром. Но поеду с тобой, буду ждать тебя в отеле вместе с нашей крошкой. Ждать, поддерживать через нашу связь. А если ты все-таки бросишь меня здесь...

– Я не собираюсь тебя бросать.

– Знаю, но если бросишь меня здесь, то я не стану обещать, что не отправлюсь за тобой. Как обычно. Как ты мог заметить, у меня много отзывчивых друзей с частными самолетами.

Рамон долго-долго смотрит мне в глаза, а сам будто в голове решает сложную задачу. Он и решает. Я ему в этом не помогаю, потому что это должно быть его решение, а я просто жду.

– Полетим вместе, – выдыхает он. – Я сам не хочу разлучаться со своими девочками.

Я бросаюсь в его объятия и целую жадно.

– Но пообещай не вмешиваться, что бы ни случилось.

– А что может случиться?

– Если бы я знал. Союзу нельзя доверять.

– Я согласна, – обещаю без раздумий. Больше никаких рисков. Это последнее, что мы сделаем перед своим долгом и счастливо.

ГЛАВА 16

Рамон

Артур был вилемийцем до мозга костей, и, несмотря на то что как глава Волчьего Союза он летал по всему миру, он большую часть времени проводил на родине. Только жил их негласный лидер не в столице, а в городе Сорте, на побережье океана. Из-за течений купаться здесь можно было только летом, но почти круглый год цвели и плодоносили деревья. Они застали момент цветения, когда весь север, как называли Сорте в остальных частях Вилемие, будто утопал в белых, розовых и оранжевых лепестках.

Рамон хотел бы прилететь сюда с Венерой и малышкой по другой причине. Ради развлечения, поселиться на какой-нибудь старинной, но хорошо оборудованной, вилле и наслаждаться жизнью. Было очень легко представить, как они завтракают на веранде, гуляют по узким улицам мимо белоснежных домов, а ночью занимаются любовью.

Любовь.

Венера призналась, что она его любит. Когда сказала «любимый». И это было словно выстрел в самое сердце. Как тот, что он пережил в бункере Альмы. Тогда он считал, что спасает свою пепу и их малышку. Он сделал это не раздумывая, на голых инстинктах, его вело огромное, безбрежное чувство. Он был готов умереть за нее, за свою семью. Каково же было удивление, когда он очнулся и даже тупой боли в груди не почувствовал ни боли, ни мерзкого ощущения отравления. Он был здоров и силен.

Его спасла любовь.

Его спасла она.

Его истинная.

Его Венера. Малышка. Самая красивая женщина на всей земле.

Любимая.

В тот момент Рамон решил, что рановато он собрался к предкам. Он хочет жить и хочет жить с ней. Никто и ничто больше не разрушит его мечты и планы на спокойную жизнь, на большую счастливую семью. Ни сомнения Венеры, ни старые волки, больше похожие на

пауков, плетущих свои интриги. С сомнениями они разобрались, хотя Рамон уже был готов к осаде крепости своей истинной, а вот с волками... Он должен, обязан покончить с Альмой и Волчьим Союзом. Навсегда. А затем увезти свою семью туда, где они по-настоящему смогут жить не таясь, в любви и в радости.

Рамон желал все исправить и не хотел ждать, поэтому сейчас их с супругой (с ума сойти, Венера наконец-то его жена) и дочерью идиллию нарушало присутствие Альмы. Хантер и Али остались на островах, потому что ученый собирался там все исследовать. Оторвать его от изучения местной культуры – означало забрать вожака волчьей стаи. Мишель тоже осталась на землях Джайо, а вот Зен и пару волков из его стаи вызвались сопровождать их. Рамон не нуждался в сопровождении, но для Венеры и Сары захватил бы с собой маленькую армию. А может и большую.

Они договорились, что Венера подождет его в отеле, а Зен позаботится о ее безопасности. Рамон же успел только принять душ после перелета и переодеться в деловой костюм. Чтобы старый волк не решил, что он торопится, и не счел это за оскорбление. Конечно, у Рамона для него хороший подарок в виде бывшей подруги, но не нужно сбрасывать со счетов, что Артур слишком заинтересован в нем. Слишком хорошо у него получалось выполнять свою работу. Слишком многие его боялись. Слишком много тайн он знал. Например, как эту, с Альмой. Это его уязвимость, но это же – главный козырь.

Артур назначил встречу на собственной вилле. Рамон часто здесь бывал, на совещаниях Волчьего Союза и приемах, которые устраивала Альма. Кажется, волчица сама вспоминала это время, потому что на подъезде начала умолять его не отдавать ее Артуру.

– Рамон, не нужно. Скажи, что убил меня. Или что я убежала. Он же меня уничтожит. – Она на протяжении всего перелета это делала: то умоляла, то выдавала какие-то совершенно нелепейшие аргументы, почему они должны ее простить и отпустить. – Или сам убей меня! Скажи, что вывела из себя.

– Нет, Альма, живой ты ценнее, – он посмотрел ей в глаза. Ему больше не хотелось ее придушить, она не вызывала в нем прежних чувств. Рамон вообще ничего по отношению к ней не чувствовал, и у него даже отсутствовало чувство вины, что он покупает себе свободу взамен ее жизни. Ради своей семьи он пошел бы и на большее.

– Разве в тебе не осталось ни капельки сочувствия? – расплакалась она. – Любви? Всепрощения?

– Любви, говоришь? Во мне целый океан любви к моей семье. Прощение? Я прощаю тебя. Я даже благодарен тебе за то, что твоя злоба, твое сумасшествие привело меня к моей истинной. Да, я благодарен. Но все остальное – просто сделка с Артуром. Ничего личного.

Ее слезы высохли, и она расхохоталась будто безумная:

– Сделка говоришь? Ну попробуй! Ты еще пожалеешь, Рамон, что не заключил сделку со мной. Что поставил не на меня.

У Рамона в груди что-то тонко дернулось, и он тут же узнал связь. Кажется, должен уже привыкнуть, но всякий раз так тепло становится на сердце, когда Венера с ним соединяется. Они договорились, что она останется в отеле, но Рамон будет держать с ней связь посредством истинности, и она сможет все увидеть его глазами и услышать через него.

«Не нравятся мне ее слова».

Он откидывается на спинку сиденья и прикрывает глаза, так ее присутствие ощущается сильнее, острее. Холодная напряженность, сковывающая его сердце в самом начале пути, уходит, сменяясь теплом их общей любви.

«Мне тоже, пепя, но все потому что мы с тобой параноики. Что ей еще остается, как не сыпать угрозами?»

«Ты прав, любимый, – ее голос звучит в его голове самой приятной мелодией, даже такой, слегка взволнованный, – но с Вэ-Эс никогда ничего непонятно. Вдруг Альма дорога Артуру настолько, что он готов ей все простить? Вдруг он влюблен в нее?»

«Такие, как Артур, влюблены только во власть и в собственное эго, Венера. Альма растоптала его имя, и я сильно сомневаюсь, что он ей простит это».

«Все равно будь, пожалуйста, осторожен».

Он улыбается, потому что забота истинной приятна. Это самый желанный приз. Точнее, сам желанный приз остался в гостиной, но как же приятно держать с ней связь вот так. А во время их любовных игрищ такой бонус и вовсе дарит непередаваемые ощущения.

«Рамон! Ты должен о сделке думать, а не об... игрищах!»

«Я не могу перестать думать о наших игрищах, пена. В наш медовый месяц, между прочим».

«Ты невозможный. Невозможный и несерьезный. Отключаюсь».

«Это невозможно выключить, любимая».

В сердце теплеет от ее отклика. Это словно поцелуй, и Рамон прижимает ладонь к груди. Их разговор позволяет ему отвлечься, а еще наполниться железобетонной уверенностью, что у него все получится. По-другому и быть не может.

Встречающий их дворецкий разговаривает с ним, а на Альму даже не поднимает взгляда, хотя она бросает:

– Я была лучшего мнения о тебе, Лимар.

Но на этом все. Ведь спокойна и следует по коридорам с безумной полуулыбкой. Надеется на что-то? Блефует? По сути, ему все равно. Он здесь надолго не задержится. Передает подарочек и домой.

Артур встречает его в роскошной гостиной с видом на сад. Арочные двери раскрыты настежь, и ароматы цветущих деревьев заносит в комнату легким бризом, играющим светлыми, почти прозрачными занавесками. Идиллия. Но ожидающий их в полном одиночестве хозяин особняка мрачен и суров. Он уже в курсе всего произошедшего, Рамон все объяснил по телефону.

Артур отпускает дворецкого и испытующе смотрит на Альму.

– Выглядишь как бродяжка, Аль.

– И тебе здравствуй, Артур. После того, что я пережила...

– По своей инициативе.

– Да, – кивает она. – По своей.

– Думаю, Волчий Союз с удовольствием послушает твой рассказ, Альма, – говорит Рамон, и Артур переводит взгляд на него.

– Что ты хочешь взамен? – интересуется он по-деловому.

– Свободу и неприкосновенность для себя и моей семьи.

– Для той, что живет в Вилемее?

– Для той, что будет жить со мной. Для моей жены, для моей дочери и для всех моих будущих детей.

Глаза Артура вспыхивают желтым, брови взлетают вверх.

– Даже так, Рамон? Дети. Как прекрасно. – Он усмехается, раздумывает минуту, будто тянет время. И Рамон терпеливо ждет. Этот разговор и так начался достаточно резко для Артура. Без лишних реверансов. Что только доказывает, что ему хочется поскорее

разделаться с Альмой. Остаться с ней наедине и разделаться. – Не желаешь продолжить наше сотрудничество?

– Благодарю за доверие, но нет. Все чего я хочу, вернуться к семье. Артур кивает.

– Твоя ситуация за все существование Волчьего Союза уникальна и неоднозначна, но за личную преданность мне и действия в интересах нашего альянса я могу обещать тебе, что ни я, ни Волчий Союз больше не имеют к тебе никаких претензий, Рамон.

Он протягивает ему ладонь, и они скрепляют договор крепким рукопожатием.

– Спасибо, Артур.

Рамону остается только развернуться и покинуть это место. Домой-домой.

Но голос Альмы нарушает эти планы.

– У джайо есть магия. Он умер дважды. Я его своими руками убила, а он стоит тут. Пусть расскажет.

Для Артура это должно быть звучит бредом окончательно рехнувшейся волчицы. Смешно и грустно, но в глазах верховного вдруг вспыхивает заинтересованность. Он останавливает Рамона взмахом руки.

– Подожди, Рамон. Магия, говоришь?

Альма не упускает своего шанса:

– Магия. Благословение предков. Называй как хочешь. То, что возвращает с того света. Залечивает даже самые страшные раны. Они призывают это. Представляешь, как это можно использовать для Волчьего Союза?

По спине Рамона проносится холодок дурного предчувствия, потому что Альма слишком хорошо знает Артура. Знает, чем его зацепить, чем заинтересовать. А он сейчас заинтересован. По лицу заметно, что даже не думает списывать это на бред. А надо бы, чтобы списал. Если Рамон не убедит его сейчас в том, что Альма съехала с катушек, то он и его семья останутся под угрозой.

– Магия, Артур? Мы живем в реальном мире.

Это ошибка. Он понимает это практически сразу, когда Артур хмурится, пожевывая губы.

– Но ты же как-то выжил после чудовищного взрыва, Рамон. Ты единственный, кто выжил, хотя кроме тебя на том вертолете было еще

много вервольфов. На тебе не осталось ни единого шрама. Как так получилось?

– Мне повезло.

– Его спасли местные жрицы, – встревает Альма. – Они могут общаться с Предками. И его истинная тоже жрица.

– Это не так. – Вся выдержка Рамона уходит на то, чтобы сдерживаться, но у него все равно вырывается короткое рычание. Откуда она узнала про Венеру, если не знает язык джайо? Воспоминание похоже на вспышку: Мишель. Мишель сказала на празднике, что Венера оживила его, а остальное Альма додумала сама. Додумала и теперь манипулирует им и Артуром. – Не вмешивай сюда мою истинную.

– Венера, – улыбается верховный, но его улыбка теперь больше напоминает оскал хищника. – Прекрасная женщина. Интригующая. Настоящее сокровище. Еще и с магией.

Это уже не дурное предчувствие, в груди Рамона ворочается нечто темное, сдавливающее легкие, отдающее металлическим привкусом на языке. Кажется, он прикусил щеку изнутри и даже не заметил этого.

– Знаешь, Рамон, я передумал, – говорит Артур. – Останься еще ненадолго. Я хочу, чтобы ты послушал рассказ Альмы вместе со мной. Так случилось, что эта дрянь меня предала, а тебе я доверяю полностью. Проследишь за тем, чтобы она на этот раз рассказала правду. Я знаю, ты меня не разочаруешь.

К счастью, Альма слишком мало знает о религии джайо, об их обрядах. Наверное, ее больше всего интересовала возможность спрятаться на их землях, а отец Зена, с которым она сотрудничала, не спешил делиться информацией о жизни в племенах. Но Альма в мельчайших подробностях рассказывает о том, как выстрелила в него отравленным жалом и попала в сердце, и о том, как увидела его живым. Она ничего не приукрашивает, не преуменьшает, и Рамон не может обвинить ее в лжи. Он на протяжении всего этого допроса раздумывает над тем, что будет отвечать, когда очередь дойдет до него. Но после того, как Альма замолкает, Артур задает лишь один вопрос:

– Она действительно попала в тебя?

Можно солгать, и тогда верховный все поймет, будет только хуже. Поэтому он отвечает правду:

– Да. Она меня ранила. Но, как видишь, я жив.

– И это чудесно, – снова оскаливается Артур. – Оказывается, земли – не единственная ценность джайо. Они полны открытий.

– Они просто дикари, – говорит Рамон.

– Не просто, – качает головой верховный, и он уже знает этот взгляд: волк учуял добычу, взял след. – Тем и интригуют. Мне известно, что вместе с тобой прилетел представитель джайо.

Об этом Альма не сообщила, значит, за ними следили с тех пор, как они оказались в Сорте. Этот факт заставляет Рамона нахмуриться, ему хочется бежать к Венере, ни на минуту не оставлять ее одну, но разговор с Артуром не закончен, а сделка не заключена.

– Да, Зен пожелал сопровождать меня.

– Кто он?

– Он альфа своего племени.

Глаза Артура вспыхивают ликованием.

– Альфа? Какая удача. Пригласи его сегодня на ужин. Я хочу пообщаться с ним. Приезжай с супругой. Будут все наши.

– Венера не сможет присутствовать. Она предпочитает проводить больше времени с дочерью, а Саре ходить по вечеринкам еще рановато.

– Уважительная причина, – усмехается верховный. – Тогда жду вас вдвоем в твоим новым другом.

– Я передам Зену приглашение.

К бесам! Как говорят на родине его истинной. Он действительно передаст приглашение Зену, но волк не обязан его принимать. «Все наши» – это Волчий Союз. Артур созывает Союз. Дела плохи. Он заинтересовался магией. Заинтересовался землями джайо. И не отпустит их с Венерой, если не убедить его в том, что никакой магии нет.

ГЛАВА 17

Венера

– Вы должны уехать, – это первое, что сказал мне Рамон, вернувшись от Артура. Я знала только часть из того, что там произошло: в какой-то момент он полностью закрылся от меня, не позволяя дальше «подслушивать». Для меня их разговор закончился, когда Альма рассказала про магию и про чудесное исцеление моего истинного, а Артур этим заинтересовался. Но он же не мог по-настоящему поверить в магию? Даже если она правда существует. Мог или не мог, но скрытность Рамона и его мрачный вид, когда он вернулся в номер, говорили о том, что их разговор прошел совершенно не так, как он планировал.

– Мы? – тихо переспросила я, осторожно укладывая спящую малышку в предоставленную отелем кровать. Сара только недавно уснула, видимо, чувствовала мое беспокойство. Мне пришлось тоже поставить некий блок, чтобы дочь не считывала мои эмоции. У нее и так было слишком много волнений для ее возраста, и еще неизвестно, как это повлияет на нее в будущем. Надеюсь, к психологу она будет ходить не потому, что ее будут мучать кошмары!

– Ты и Сара.

А как же «все делаем вместе»?

Рамон бросил короткий нежный взгляд на дочь, а потом снова замкнулся в себе и отошел к окну. Я же подошла к нему и обняла со спины.

– Что случилось? – поинтересовалась мягко, чувствуя напряженные мышцы под ладонями.

– Артур узнал о возможностях джайо, о магии и о том, что ты тоже ей владеешь.

– Но я не владею никакой магией! – нахмурилась я. – Я смогла спасти тебя, потому что ты мой истинный.

– Его это не волнует.

Рамон рассказал мне обо всем: что Артур поверил Альме, что он хочет познакомиться с Зеном, что меня тоже пригласили на вечеринку

Волчьего Союза, что Артур ни перед чем не остановится, чтобы заполучить еще больше власти, чем он уже имеет.

– Может, это интуиция, или на островах джайо я действительно раскрыла в себе особый дар, но направляясь сюда, в глубине души я знала, чувствовала, что с Вэ-Эс просто не будет. Будто темные тучи все время ходили над нашими головами – и вот, пожалуйста.

– Зачем ему Зен?

– Сначала Артур захочет его купить. Он ему магию, Артур... все, что Зен пожелает.

– Я качаю головой.

– Зен не такой, как его отец. – Я успела познакомиться с джайо. Они гордые и любят свою родину. Хранят свою магию, особую. Волшебство нельзя продать или купить, оно сразу перестанет быть таковым. – К тому же, он не пожелает ссориться с другими племенами сейчас, когда его племя приняли обратно, когда у него появилась Мишель.

– Рамон мрачнеет сильнее.

– Магию создают жрицы. Если Артур узнает про них, про их силу, ни перед чем не остановится. И благодаря этой скользкой ведьме, он теперь знает о тебе. Надо было свернуть ей шею, когда была возможность!

– Во мне поднимается волна злости, не моя, Рамона. Я учусь различать, где мои чувства, а где его. Поэтому я разворачиваю его к себе лицом, прижимаюсь щекой к широкой груди мужа.

– Я рада, что не свернул. Не надо ее крови на твоих руках. А мы справимся. У тебя же есть план?

– Я с этого и начал. Хочу, чтобы вы с Сарой улетели в Легорию.

– А ты?

– Я останусь, чтобы убедить Артура, что магия острова – сказки, или, по крайней мере, в том, что для него она бесполезна.

– Глухое раздражение – это уже мое. Ну что за муж мне достался? В любой непонятной ситуации хочет отправить меня в бункер или в его аналог.

– Как ты собираешься убедить его в отсутствии у меня магии, если сам просишь меня срочно бежать?

– Здесь опасно, Венера.

– Везде опасно, Рамон. Я могу сбежать, мы даже можем сбежать вместе, но тем самым мы подставим джайо под угрозу. Зена, Мишель, Ману... Предки, это же то, что она говорила!

Я распахиваю глаза широко-широко, отодвигаюсь от Рамона и опускаюсь, падаю в кресло, потому что от осознания меня уже ноги не держат.

– О чем ты? – Рамон опускается рядом со мной.

– Она говорила про реки крови, про взрывы, что цивилизация джайо скоро погибнет. И что я единственная, кто может помочь. Спасти ее детей.

– Как это на нее похоже. Переложить на кого-то свои проблемы.

– Я думаю, она это увидела с помощью своего дара.

– Лучше будет, если о таком даре никто не узнает.

Тут я с ним совершенно согласна. Если Волчий Союз завладеет знаниями предков, станет использовать провидческий дар Ману и других жриц в своих интересах, то ни к чему хорошему это не приведет. Это если джайо согласятся, а они не согласятся, и тогда случится война. Артур сотрет архипелаг с лица земли.

– Рамон, я не могу улететь. Мало того, что побег только убедит Артур в его правоте, так еще... Сомневаюсь, что он нам это позволит.

Рамон тихо, но цветасто ругается на вилемейском, таком, что я даже половины не понимаю.

– Альваро меня даже такому не учил. Что значит «мусто»?

– Потом расскажу, – решает не раскрывать секрет муж. – Ты права, Венера. Но что ты предлагаешь, снова рисковать тобой?

– Нет, предоставить доказательства, что на джайо магии нет.

– Какие? Я тоже об этом думал, но не представляю, как это сделать.

Рамон заметался по комнате, как замкнутый в клетке волк. Я бы к нему присоединилась, но слабость в ногах по-прежнему никуда не ушла. Я прикрыла глаза и сдавила пальцами виски, пытаюсь все переосмыслить. Магия джайо существует, и Артур о ней знает – этого уже не отменить. Но что, если...

– Убедите его в том, что это бесполезная ерунда, – единственное, что мне приходит в голову.

– Продать ему пустышку? – ловит мою мысль Рамон, а я улыбаюсь, впервые за весь наш напряженный разговор.

– Он наверняка считает Зена дикарем, так пусть так считает дальше. Пусть поверит, что вы продаете пустышку.

– Возможно, это будет даже проще, чем я думал. – Рамон возвращается ко мне, склоняется и дарит долгий чувственный поцелуй, от которого сладко екает в груди. – Спасибо, любовь моя.

Кажется, теперь сладость растекается по всему моему телу. Я никак не привыкну к этому, к тому, что он так откровенно признается в собственных чувствах. Но это так приятно.

– У нас есть немного времени на двоих, – шепчет он, но поцеловать меня вновь у него не получается: включается маленькая полицейская сирена по имени Сара.

– Уже нет, – усмехаюсь я, спеша к дочери. – Тебе нужно подготовиться и договориться обо всем с Зеном. Верю в его актерские таланты. От него теперь зависят все племена джайо.

– Почему тогда Ману сказала, что все зависит от тебя? – интересуется он, пока я вожусь с Сарой.

– Потому что это мой план?

– Хорошо бы.

Да, хорошо бы. Потому что несмотря на идеальное решение, я продолжаю чувствовать эти сгущающиеся тучи, будто магия во мне пытается о чем-то меня предупредить. Я считала, что, покинув остров, перестану ее чувствовать, но ничего подобного. Иногда все было как обычно, а иногда вот так, словно меня кто-то за плечо дергает. Или же я просто себя накручивала, что было вероятнее всего. Я просто волнуюсь за Рамона и Зена.

Просто волнуюсь.

Когда мужчины уезжают на вечеринку Волчьего Союза, в перерывах между сном и бодрствованием Сары, читаю на вилемейском или слушаю музыку. Вспоминаю, как пела крошке, будучи беременной. Тогда я учила язык с Альваро. Но, к сожалению, я ни разу не связалась с парнем с тех пор, как случилось все, что случилось. Мне даже стыдно по этому поводу. Когда все закончится, я напишу ему. Приглашу его к нам, где бы мы с Рамоном ни обрели свое семейное гнездо.

Звонок с незнакомого номера застает меня в ванной, где я вытираю Сару полотенцем после купания. Рамон убежден, что у нас будет классная няня, но мне в радость ухаживать за дочкой, для меня

все это в новинку и приятно. Я, наверное, слишком долго этого ждала и слишком сильно хотела нянчиться с ней.

Я пропускаю звонок, раздумывая, ответить или не ответить. Но он повторяется, и я все-таки беру трубку, напомнив себе, что телефон у меня новый, и незнакомый номер может оказаться вполне «знакомым».

– Да?

– Венера, здравствуй. – Это Альваро. Очень странно, но это он.

– Привет! Я только что думала о тебе!

– Обо мне? – удивление в его голосе перекрывает некую напряженность. – Почему?

– Потому что мы друзья, которые расстались не лучшим образом. В смысле, я улетела, ни о чем тебе не сообщив.

– Тебя похитил Рамон.

– В общем-то, да. Но мы разобрались в своих разногласиях.

– Очень этому рад.

Какой-то он совсем нерадостный.

– Ты звонишь по какой-то определенной причине? – интересуюсь я. Альваро ничего особенного не говорит, но я чувствую растущее напряжение. Всегда позитивный парень сейчас скован. Между нами будто стена, которой никогда не было.

– Да, Венера. Я хочу тебя увидеть.

– Я тоже этого хочу. Думаю, что когда мы с Рамоном наведаемся в Вилемию, то обязательно тебя навестим.

– Не надо в Вилемию. Я сейчас в Сорте. Встретимся в фойе твоего отеля?

Напряжение взрывается, будто взрывается та самая стена.

– Откуда ты знаешь, что я в Сорте и в каком отеле?

На том конце провода повисает пауза, а после друг цедит на легорийском:

– Венера, беги и прячься...

Финал фразы я слышу практически издалека, на заднем плане раздается звук какой-то потасовки, удары и крики боли. Которые быстро заканчиваются, в трубке раздается совершенно другой голос:

– Ты слишком умна, женушка. Тебя не проведешь.

Рауль, чтоб его!

Я сдавливаю телефон с такой силой, что он рискует развалиться в моей руке.

– Что тебе нужно?

– Что непонятного? Встреча в отеле. Иначе со своим дружкой вы больше никогда не увидите.

Перед глазами будто проносится вспышка: первый этаж отеля, друг, идущий навстречу мне. Избитый, замученный, бледный. Выстрел, и Альваро падает на колени, на его футболке растекается красное пятно.

Видение исчезает так же быстро, как и появилось, я вся взмокла, словно вошла под душ в одежде или упала в бассейн. Пульс шумит в ушах, словно я до сих пор под водой. Но я уже здесь. Я уже вернулась в реальность после своего первого видения.

– Если тронешь его еще раз хоть пальцем, – рычу я, – то не только меня, больше вообще никогда ничего не увидишь, смотреть будет нечем. Ты меня слышал, Рауль?

Не знаю, откуда во мне столько злости, столько мгновенно вспыхнувшей звериной ярости, но во мне сейчас больше волчицы, чем человека.

– Услышал. Жду тебя внизу. Только давай без свидетелей.

Я нажимаю отбой и едва сдерживаюсь, чтобы не разбить телефон о кафель. Не бросить в стену. Где были мои мозги, когда я выходила за него замуж, когда соглашалась на авантюру Микаэля? Точно не на месте, не в голове. А теперь этот псих схватил Альваро, чтобы на него выманить меня. Меня и Сару. Предки, когда же это все кончится?

– У-у-у? – Сара будто спрашивает, в чем дело, и я тут же подхватываю дочь на руки. Целую в маленький лоб.

Беги и прячься. Альваро так сказал. Этот добрый парень, который столько раз мне помогал. И сейчас его избивает мой свихнувшийся недомуж, а мой настоящий муж занят переговорами с Волчьим Союзом. Не вовремя все это. Ой как не вовремя. Хотя тут и никакой пророческий дар не нужен, чтобы понять, что Рауль следил за нами, за мной и Рамоном. Дождался, пока мой истинный уйдет, и все это сделал. Трус! Вместо того, чтобы разобраться по-волчьи с Рамоном, один на один, он шантажирует меня, беззащитную женщину и мать. Только малышка в моих руках не позволяет сжать кулаки в ярости.

«Венера, что случилось?»

Вот только этого не хватало. Чтобы у Рамона сорвалась эта встреча. Чтобы он оставил Зена одного. Сама справлюсь. Точнее, с

помощью толпы вервольфов Хантера, что прилетели вместе с нами.

«Я просто разозлилась».

«Я это почувствовал».

«Все в порядке. Правда. Просто делай то, что должен. Не отвлекайся по пустякам».

Случившееся с Альваро, конечно, не пустяк. Но это мое дело. Справлюсь.

«Все связанное с тобой не может быть пустяком».

«Может, если ты спасаешь мир».

Я закрываюсь от Рамона, как могу. Эмоции, чувства, волнение, злость. Конечно, он по-прежнему может «считывать» Сару, поэтому лучшее, что я могу сделать – это позаботиться о дочери.

– Малышка, нам нужно кое-куда сходить. Обещаю, это быстро.

Рауль же не станет требовать меня назад? Как свою жену. Я истинная другого волка, не может же он не понимать этого? А Рамон мне потом спасибо скажет, за то, что не бросила Альваро, его друга. Нашего друга.

Только давай без свидетелей.

Конечно. Разбежалась и бегу. Я больше не отчаявшаяся, напуганная Венера, за которую некому постоять. На моей стороне Рамон, джайо, вервольфы Хантера во главе с Берном. К нему я первым делом и направляюсь. Далеко ходить не нужно, главный безопасник остановился в соседнем номере, а возле моего дежурят волки. Сару я, естественно, беру с собой.

Я рассказываю Берну о звонке подробно, но быстро, а он слушает с тем выражением лица, словно профессионализм и преданность альфе борются со здравым смыслом в его голове.

– Мы его схватим, – говорит он, когда я заканчиваю объяснять.

– Нет, вы подставите под удар Альваро. Я должна к нему спуститься.

– У меня совершенно четкие инструкции насчет тебя и дочери. От Рамона и от альфы Хантера.

– Я знаю, и не собираюсь вас подставлять. Но у меня было видение. Его нельзя игнорировать. Как нельзя игнорировать заикленность Рауля на мне. Кто его знает, что он задумал. Лучше схватить его на открытой местности, чем ждать, когда он постучится ко мне в дверь или в окно. Пожалуйста, прикройте меня, у вас же

достаточно вервольфов, и побудьте с малышкой, – я вручаю громадному начальнику службы безопасности Сару. Он буквально зависает, уставившись на крохотный сверток с ребенком. – Просто укачивайте ее. Она очень любит спать на руках у мужчин.

Никогда бы не подумала, что Берна можно смутить, но мне это удается. Мне кажется, что с этого и надо было начинать. Просто передать ему Сару, сэкономила бы время на объяснения.

Боюсь ли я, спускаясь вниз? За жизнь Альваро – да. За свою – нет. Во мне столько ярости, а еще много-много уверенности. Я будто черпаю ее откуда-то с небес. Из царства предков. Я словно знаю, что они меня хранят. Знаю, и все. Они не просто так открыли мне будущее.

Чтобы я его исправила.

Я знаю, что вервольфы Хантера рассредоточены по всему периметру, что они следят за мной с безопасного расстояния. По сути, они охраняют меня, как и должны. Просто теперь они знают немного больше, чем нужно.

Рауль и Альваро ждут на диване, между декоративных деревьев, растущих прямо в холле первого этажа, напротив стены-водопада, по которой, подсвеченная разноцветными бликами, с тихим журчанием струится вода. Альваро выглядит именно так, как мне пришло в видении, на нем даже футболка точно такая же: белая, с надписью «Сорте» на груди. Я замечаю синяк на смуглой скуле и разбитую губу. Сколько еще ран и ссадин на его теле? Это у вервольфов – полчаса и ничего нет, а человеку потребуются недели на заживление.

Заметив меня, Рауль поднимается, вздергивает на ноги парня. И я замечаю еще кое-что – он слишком близко держится к Альваро, держит руку в пиджаке. Пистолет? Не страшный для вервольфов, но смертельно опасный для людей. Тот самый, который выстрелит, если я с ним не поговорю.

– Ты не одна, – говорит Рауль, когда я подхожу ближе. В Вилемие он казался мне добрым, робким и здравомыслящим, но сейчас я разглядываю в его взгляде некую безуминку. Знакомую какую-то, но я все не могу понять, где я уже ее видела.

– А ты достаточно следил за мной, чтобы знать: у меня есть охрана, которая не выпускает меня из поля зрения.

– Я рассчитывал на приватность.

– Отпусти Альваро, и мы поговорим наедине.

– Венера, уходи немедленно, – цедит друг, за что получает удар под ребра. Со стороны не сильный, но он морщится от боли, и мне приходится сдерживаться, чтобы не выпустить ярость вовне. Чтобы не обернуться волчицей и не напасть первой.

– Молчи! – приказывает Рауль и смотрит на меня: – Поговорим, Венера. Все вместе поговорим.

– Что тебе нужно?

Я не подхожу ближе, чем на двадцать метров – наш уговор с Берном. Но мы с Раулем вервольфы и прекрасно друг друга слышим.

– Вернуть самую близкую мне волчицу.

– Я не твоя жена, Рауль, – объясняю терпеливо. – Это был фарс. Наша свадьба. Я теперь супруга Рамона.

– А речь не о тебе, – усмехается вервольф.

Это, по меньшей мере, неожиданно.

– Не обо мне?

– Да. О моей матери. Я хочу ее освободить. Для этого мне нужна твоя магия.

Мать? Освободить? Я уже совершенно ничего не понимаю, но настораживаюсь. Откуда он про магию знает?

– Разве твоя мать живет не в стае Микаэля?

– Моя приемная мать – да, а моя настоящая, та, что меня родила – сейчас в плену у Волчьего Союза. И ты сможешь вытащить ее оттуда с помощью своей магии.

Он с Волчьим Союзом заодно? Поэтому он в курсе про магию и прочее.

– А твоя мать?.. – интересуюсь, хотя догадка и так витает в воздухе.

– Альма.

Это плохо. Это очень-очень плохо.

– Как я могу тебе помочь? – спрашиваю, пытаюсь заговорить ему зубы. Я вряд ли могу как-то повлиять на судьбу Альмы.

Он толкает ко мне Альваро, закрывая самым парнем мне обзор, но я понимаю, что вервольф целится ему в спину.

– Оживишь этого, и Артур обменяет тебя на нее.

Альваро начинает идти ко мне, и вздрагивает от выстрела. Все как в моем видении.

Мир замедляется, реальность словно превращается в густой туман, я бросаюсь вперед, к Альваро, но меня перехватывают сильные руки и не позволяют сделать и шага. Мне не надо вскидывать голову, я по запаху узнаю Берна. Не знаю, куда он дел Сару, но сейчас удерживает меня он. Значит, был рядом, прикрывал, выполняя свое обещание меня защищать.

– Пусти, – приказываю я.

– Это ловушка.

– Понятно, что это ловушка. Он заодно с Союзом, который хочет магию. Но я должна его спасти. Он там кровью истекает. – Мой голос садится до змеиного шипения. Я веду носом: аромат Берна, мой собственный аромат перебивает удушливый запах крови, который ни с чем не спутать.

– Ты ему ничем не поможешь.

Я смотрю туда, где другие вервольфы, подчиненные Берна, сбили Рауля. Пистолет валяется на полу в нескольких метрах от него. Они его схватили, но с этим *эсдеринос* никогда нельзя быть ни в чем уверенным. Даже поверженный, схваченный и связанный он усмехается мне в лицо.

– Только я и могу помочь.

Если воспользуюсь даром предков. Проблема в том, что я не на землях джайо, а Альваро не мой истинный, и мне придется делать это без дочери, иначе Рамон все поймет раньше, чем я захочу ему рассказать. И отговорит меня. Или не отговорит. Я не знаю, что он скажет, но когда я слышу стон Альваро, вижу его сереющее на моих глазах лицо, я принимаю решение. Я уже его приняла. Сердцем.

И это самый правильный выбор.

Руки Берна разжимаются, и я устремляюсь к Альваро. Опускаюсь перед ним на колени. Сейчас у меня нет ритуальных песен, нет поддержки жриц, но я помню это состояние потока, помню это обращение к Предкам. Я кладу ладони на лицо Альваро и сосредотачиваюсь на его исцелении. Просто хочу, чтобы этот добрый парень выжил. Я будто вхожу в транс, где не существует времени, материи, его, даже меня. Это похоже на молитву или глубокую медитацию, но я не думаю, что у меня не получится, по сути, я не позволяю даже возникнуть такой мысли. Во мне только вера, в себя и в

него. И когда в меня ударяет поток силы, я направляю его в грудь Альваро, туда, где рана, после которой люди не выживают.

Правда, для меня, для моей силы, это не настолько сильное ранение. Может, дело в отсутствии яда, а может, в том, что теперь я уже умею это делать. Но я останавливаю кровотечение силой мысли и залечиваю края раны,. Когда я выхожу из этого волшебного транса, то обнаруживаю зажатую в моей ладони пулю и спокойно дышащего Альваро на полу. К другу постепенно возвращается его смуглость, его сердце бьется ровно, он без сознания, но больше не умирает. А в следующую секунду он громко выдыхает и распахивает глаза.

Я не позволяю ему подскочить, удерживая за плечи. Глаза у парня испуганные, поэтому спешу его успокоить:

– Все хорошо, Альваро. С тобой все хорошо.

Почему-то я в этом уверена. Он прижимает ладонь к груди, растирая ее. Но сейчас только кровь на футболке напоминает о том, что случилось.

– Я живой, – шепчет он.

– Ты живой, – подтверждаю я.

– Сработало. – Он смотрит на меня со страхом и недоверием. Будто у меня выросли олени рога. – Не надо было, Ви.

– Ты мой друг.

Он сжимает мои руки крепко-крепко.

– Я же просил: просто беги. Но теперь они от тебя не отстанут. Все это было спланировано. Он должен был все снять на камеру, – он мотает головой в сторону, наверняка, подразумевая Рауля. – Я хотел тебе сказать, но не успел. Венера, прости меня.

В его глазах слезы, а мне надо не надо спрашивать, чья это идея.

Волчий Союз. Так я и думала. Стоит мне это осознать, как я чувствую опасность. Не знаю откуда это чувство, что мы все окружены, но оно есть. И, в подтверждение моему чутью, в холл отеля устремляется поток вервольфов, и их много. Настолько много, что вряд ли они в этот холл поместятся. Во главе всей этой немалой армии верховный старейшина Ранеш. Тот, кто занял место Рамона в Волчьем Союзе.

– Любопытное представление, – бросает он, глядя мне в глаза. Пытается продавить своей силой, но она отскакивает от меня, как

нечто незначительное. Его глаза по-волчьи сверкают, когда это до него доходит.

– Не могу сказать того же о вас, – отвечаю я. – Я думала, что Волчий Союз не убивает людей. Что скажут их представители, когда узнают об этом? Убийцы из Волчьего Союза.

– Забирайте всех, – командует Ранеш. – И девочку не забудьте. Она особо ценный груз.

Я яростно сжимаю кулаки, но заставляю себя расслабиться. Я знаю какую цену я заплатила. Я готова была ее заплатить.

«Прости, любимый. Я только что разрушила наш план».

ГЛАВА 18

Меня с Сарой и Альваро усадили в большой черный лимузин, а вот Берн остался. Я передала фразу Рамона начальнику безопасности, очевидно, какой-то код, и он нас отпустил. Дал отбой своим вервольфам, и никто не пострадал. Пока.

К нам присоединился Ранеш, устроившись аккуратно напротив меня, а вот Рауля я в этой толпе не рассмотрела. Если он и ехал туда, куда нас везли, то на другой машине. Альваро смотрел на меня, как если бы я была ожившим божеством, со смесью страха и обожания, и не отнимал ладонь от груди: то замирая, то сжимая ткань футболки в горсть.

– Исцеление. Хорошее умение. Что ты умеешь еще?

– Должно быть что-то еще?

– По легендам предки обладали массой талантов. Сверхскоростью, сверхрегенерацией, сверхсилой.

Я поймала его взгляд и смотрела-смотрела, пока верховный не занервничал. Клянусь предками, он взмок от такого моего внимания.

– Если бы могла, я бы раскидала твою армию.

– Это разве армия, Венера? Так, крошечный отряд. Ты даже не представляешь всю мощь Волчьего Союза.

– Почему нет? Мой истинный был на твоём месте, и я знаю о его силе. Уверен, что достоин быть вместо него?

– Поосторожнее с языком волчица. Если, конечно, у тебя нет способности отрацивать новый.

– Ты угрожаешь женщине с ребенком на руках? Ниже падать некуда.

Он усмехается:

– Венера-Венера, я не трогаю тебя исключительно потому, что ты нужна Союзу. Когда в этом отпадет надобность, с удовольствием избавлюсь от тебя и Переса.

Пот тонюсенькой струйкой стекает по моей спине, и я решаю прекратить этот разговор. Тем более что в моей голове идет гораздо более содержательный.

Рамон на мой рассказ отреагировал на удивление спокойно. «Ты все сделала правильно», – сказал он, и я готова была расцеловать его за поддержку. Если бы, конечно, могла. Никто не знал о существовании нашей с ним мысленной связи, кроме Алиши, Хантера и джайо, и это был наш козырь. Наверное. Потому что я не представляла, что делать дальше. Не в смысле в ближайшие полчаса, здесь все было понятно – нас везли к Артуру и к другим верховным. А вообще! Я подвела джайо, подвела свою семью, свою дочь, в конце концов.

Поступила бы я по-другому? Это вряд ли. Я была рада видеть живого и здорового Альваро. И только голос Рамона по нашей связи и биение сердца дочери немного успокаивали меня. Хотя временами мне начинало казаться, что от всего этого шока мои чувства будто выключились. А может, прошло слишком мало времени, чтобы я могла накрутить себя еще больше. Или, скорее, меня убедили слова Рамона о том, что все складывается наилучшим образом.

«О чем ты?»

«Доверься мне».

С этим у меня проблем не было. Я ему доверяла больше, чем себе. Но мне не нравилось, что Рамон от меня полностью закрылся. С другой стороны, я буквально недавно делала то же самое, когда спасала Альваро. Мы должны доверять друг другу, иначе никак.

Мы действительно приехали в дом Артура, поднялись по широкой каменной лестнице. Все здесь дышало стилем и дороговизной. Но этот особняк не шел ни в какое сравнение с домом Рамона. В нем не было уюта, тепла, доброй истории. Здесь было так чисто, а каждая дизайнерская статуэтка или рама для картины выглядела будто музейным экспонатом. Самой жилой частью показалась гостиная, в которую нас привели, и то, наверное, потому что в ней присутствовали вервольфы. Все члены Вэ-Эс со своими спутницами рассредоточились по гигантской комнате. Стеллар и Кристина на большом белом диване, Мэнс и Таша возле бара. Артур расположился в массивном кресле возле камина, а Альма, как побитая собака, занимала свое новое место – на полу у его ног. Все напротив большого плазменного экрана, на котором беззвучно крутится видео, снятое Раулем. Как я бросаюсь на помощь к Альваро и излечиваю его.

Мы с парнем, наверно, вздрагиваем одновременно, когда он соскальзывает вниз, и бледнеем тоже. Потому что переживать это

повторно – ужаснее ничего нет. Хочется закрыть глаза, отвернуться, но дальше на экране чудо. Одно дело исцелять, другое – смотреть на это со стороны. И это выглядит именно так. Невероятно.

Значит, Артур и остальные в курсе, что мне подчиняется сила предков.

Я отыскиваю взглядом Рамона. Они с Зеном словно заняли выжидательную позицию возле окна. Встретившись взглядом со мной, любимый еле заметно кивнул. Вроде, подыграй мне. Я согласна, но в чем? Так как он по-прежнему не отвечал по мыслесвязи, то я поняла, что придется импровизировать.

– Венера, – Артур растянул губы в торжествующей улыбке, – рад тебя видеть. Наконец-то все в сборе. Как я и хотел.

– Не все, – прорычал Рамон. Если бы не знала, что еще недавно разговаривала со спокойным мужем, решила бы, что он на взводе. – Не хватает этого урода, что манипулировал моей истинной. Напугал ее. Ты обещал мне его.

– Обещал, – нехотя соглашается верховный-верховный и приказывает Ранешу:

– Приведите Рауля.

Рауль появляется буквально через пару минут, он входит через другие двери у противоположной стены. Смотреть на него спокойно не получается. И прежде чем я успеваю подумать, зачем он Рамону, мой истинный с рычанием бросается на этого урода.

Это так резко, так стремительно, что Рауль даже не успевает сориентироваться, когда Рамон сбивает его с ног. Они вылетают в распахнутые двери, скрывая от членов Волчьего Союза происходящее. На время. Затем они снова влетают в гостиную, сметая все на своем пути. На этот раз Рауль не теряется, нанося кулаками удары моему истинному. Они не перекидываются в волков, но бой все равно получается грязным и каким-то звериным. До рычания, до резких выдохов, до крови. Это не красивый танец, это уродливая драка, каждый из участников которой преследует цель – вцепиться в глотку, выбить из другого победу.

Рауль силен, безумие в его глазах дает ему возможность продержаться дольше. Но Рамон сильнее, яростнее, и у него есть за что бороться. За кого бороться. Поэтому он ударяет лбом в лоб Рауля, и того отбрасывает назад. Он теряет равновесие, и мой истинный

пользуется этим преимуществом. Его кулак врезается в лицо противника. Потом еще раз. Удар за ударом укладывают вервольфа на пол, с которого у него уже не получается подняться.

Из ступора меня выводит вскрик Альмы: побледневшая волчица прижимает руку ко рту. А еще то, что Рауль уже не отвечает, он вообще, кажется, без сознания, Рамон же продолжает с рычанием наносить удары, будто не по живому волку, а по боксерскому мешку. Я не могу на это смотреть, поэтому зову его:

– Рамон, хватит. Ты убьешь его!

Не будь у меня Сары на руках, я бы бросилась к нему, но он останавливается, будто опомнившись. Поднимается, отряхивая свой костюм. Они задели столик с закусками, которые теперь валяются на ковре и на мраморном полу. Он смотрит мне в глаза, и я странным образом не чувствую его ярости. Должна чувствовать, но почему-то не чувствую. Почему?

Я вздрагиваю от хлопка в ладони: Артур ударяет в ладони, и остальные представители Вэ-Эс поддерживают его аплодисментами. Точнее, они хлопают Рамону. Все кроме Ранеша, он готов испепелить моего истинного взглядом. И я понимаю почему, когда Артур говорит:

– Вот она, ярость верховного старейшины Волчьего Союза. Мы берем свое, выгрызаем его клыками.

– Да, – усмехается Рамон.

– Поэтому я хочу, чтобы ты вернулся на свое место. Там, где ты и должен быть.

Рамон раздумывает, сжимая и разжимая кулаки со сбившимися костяшками, раны на которых затягиваются на глазах. Он бросает взгляд на меня, возвращается к Артуру.

– У меня теперь есть семья.

– Семья не проблема. Сможем сделать исключение. Тем более что твоя семья составляет исключительную ценность. – Он едва не причмокивает от удовольствия, будто съесть нас хочет. Меня. Сару.

– Если моя семья станет неприкосновенной, то я приму твое заманчивое приглашение.

Что. Вообще. Происходит?

Подыграй мне.

Я вспоминаю его слова и понимаю, что так надо. Что бы ни задумал Рамон, так надо. Это всего лишь игра.

– Что ты такое говоришь, любимый? – я шагаю к нему, и получаю скупую улыбку в ответ.

– Все хорошо, Ви. Дай мне все решить. По-мужски.

Его «Ви» только подтверждает игру: Рамон никогда не сокращает мое имя. Я для него пена.

Артур протягивает моему мужу руку:

– Значит, идет?

– Зависит от того, сможешь ли ты организовать неприкосновенность моей семье.

– Конечно, – не задумываясь отвечает глава Волчьего Союза. – Когда все предатели пойманы, можешь быть спокоен.

Рамон шагает к нему и крепко пожимает ладонь. Кажется, мой муж снова верховный старейшина.

– Тогда присмотри за моей супругой, пока я привожу себя в порядок. – Он указывает на собственные испачканные в крови и крошках брюки и пиджак, и обращается уже ко мне: – Все в порядке, Ви. Тебя не тронут. Мы со всем разберемся.

Уверена, что разберемся, но как?

Рамон уходит, а я остаюсь среди врагов. От того, что Артур добился своего, и мой муж снова верховный старейшина, ничего не изменилось, они продолжают смотреть на меня, как стая волков на зайца. О Рауле вообще никто не вспоминает, кроме Альмы: она потихоньку отползает к нему. Я так понимаю, она в курсе, кто он ей. А может, всегда была в курсе.

– Как аборигены подарили тебе знания о магии? – спрашивает Артур, приглашающим жестом указывая на кресло рядом с собой. Я бы предпочла стоять, но слова Рамона вспыхивают в голове.

Подыграй мне.

Я до сих не могу до него достучаться и сдаюсь. Просто сдаюсь. Я действительно ему доверяю. Если надо отвлечь внимание на себя, то я сделаю это.

– Они ничего не дарили. Если верить главной жрице, магия всегда была со мной. Она спала. И когда я встретила своего истинного, то она пробудилась во мне.

– То есть как? – подается вперед Стеллар, его глаза алчно поблескивают. – Магию можно развить в каждом?

– У джайо ей обладают только женщины. И только те, кто встретил своего истинного.

– То есть без мужчин они все равно не справляются! – хохочет Мэнс, и остальные поддерживают его смех. Разве что взгляд Кристины становится более заинтересованным.

Предки, они здесь все на власти помешаны!

– Что ты еще умеешь, Ви? – спрашивает волчица.

– Не знаю, – пожимаю я плечами. – У меня не было времени во всем разобраться.

Я смотрю на Зена, но вервольф старательно делает вид, что он совсем дикий и не понимает языка. На пытающегося слиться со стеной Альваро. В этом доме слишком мало наших союзников. Силы не равны. Или...

– У тебя все будет, – обещает мне Артур. – Время и все возможности этого мира.

Не нужны мне все возможности. Мне важны только дочь и муж.

Рамон возвращается и встает за моей спиной. Становится чуточку легче.

– Я за все возможности, Артур. Обсудим все условия.

И они обсуждают. Обсуждают так долго, обсасывая каждый момент, каждый пункт, что не только Сара спит, я сама заснула бы, не накопись во мне столько стресса. Проходит, по меньшей мере, минут сорок, а может, час, прежде чем они заканчивают. Рамон то и дело поглаживает мои плечи, касается головки Сары. Это немного прибавляет градус напряжения, в котором мы все тут застряли. Помимо членов Волчьего Союза, конечно же. Они свободны, расслаблены.

Все, кроме Ранеша. Я так и читаю в нем яростное неприятие. Понятно почему: если Рамон займет его место, куда денут его самого? Он бросает на Рамона убийственно острые взгляды и крутит в руках телефон, периодически что-то проверяя на экране. Я упускаю момент, когда он все-таки что-то там увидел, но поворачиваюсь на его короткое рычание. Все поворачиваются.

– Сукин сын!

А вот Рамон мягко сжимает мои плечи и буднично интересуется у Ранеша:

– Что? Новость уже в эфире? – С таким видом можно спросить: скоро ли будет ужин? Но Ранеш в бешенстве. Рамон же приказывает:

– Включи Эхо Вилемии и прибавь звук, – и умный дом его слушается, а все смотрят на большой экран.

Сначала у меня возникает ощущение, что ничего не изменилось. На экране все еще я, спасающая Альваро, разве что теперь все со звуком, даже наш разговор с Ранешем. Но потом я замечаю полосу новостей внизу, значок главного канала страны, а после видео вовсе прерывается, и ведущая канала рассказывает, какие козлы Волчий Союз. Она, конечно, говорит не буквально, но посыл ясен. Кто-то слил им видео.

И этот кто-то – мой муж.

К сожалению, это понимаю не только я, но и Ранеш. Пока все остальные, включая Артура, моргают на экран, вервольф указывает на моего мужа:

– Это ты! Это сделал ты. Как?

– Одолжил у Рауля телефон.

Во время сражения. Он поэтому набросился на Рауля.

– Затем я просто отправил нужные сведения тому, кому нужно.

Когда он якобы вышел в уборную.

– А они сообщили всем СМИ во всем мире. Можем сменить каналы, но, уверяю вас, это показывают по большинству их них.

Волна облегчения накрывает меня. Облегчения и гордости за своего истинного, который решил все мирным путем. Можно сказать, взял Вэ-Эс за нижние причиндалы.

– Рамон, я думал, мы договорились, – низко рычит Артур, наконец-то отойдя от шока.

– Шантажировать меня жизнями моей жены и дочери? Использовать их в своих целях? Мне это не подходит, Артур. К тому же, подозреваю, после такого, – он кивает на экран, – существование Волчьего Союза теперь под большим вопросом.

– Ты нас подставил, – цедит Мэнс. – Не только нас, своих дикарей тоже. Когда весь мир узнает про магию, эти острова разорвут на части.

Зен вздрагивает, но Рамон качает головой:

– Отнюдь. Правительства уже более тридцати стран признало архипелаг Джайо чудом света, заповедной неприкосновенной зоной, и взяло их под свою защиту.

– Они заставят их поделиться с ними магией! – это уже говорит Кристина.

– Попросят, но именно жрицы джайо будут решать, делиться своими знаниями и религиозными ритуалами или нет. Отныне любое вмешательство в жизнь племен архипелага, любая атака на них, будет расцениваться как угроза благополучию всех стран.

Зен расслабляется, и я тоже. Джайо под объединенной защитой всего мира. Благодаря Рамону. Благодаря нашим друзьям. Всем нам.

– Пойдем, Венера, – он подает мне руку. – Уже поздно, а я хочу покинуть Сорте сегодня вечером.

Повисшую мрачную вязкую и тяжелую тишину разрывает женский смех, громкий и слегка визгливый: это смеется Альма. Она смеется так, будто услышала самую забавную историю своей жизни.

Все отвлекаются на нее, поэтому я вкладываю в ладонь Рамона свои слегка подрагивающие пальцы, и он тянет меня на себя. Обнимает за талию, когда мы идем к выходу, и с каждым шагом мне становится легче дышать. Легче и легче. Альваро и Зен следуют за нами.

– Куда собрались? – Ранеш преграждает нам путь, точнее, пытается преградить, когда Рамон бросает на него один долгий взгляд и спокойно отвечает:

– Если все мы не покинем этот дом в ближайшие полчаса, мой брат Микаэль Перес, альфа Золотых холмов, и мой друг Доминик Экрот, старейшина Легории, придут за нами, и проблем у вас станет больше.

– Оставьте их, – рычит Артур нам в спину. – Пусть уходят. Кто-нибудь, уймите эту чокнутую и уберите этого полудохлого пса с ковра...

Возня позади нас меня больше не интересует. Мы покидаем особняк быстро, но на сердце впервые за долгое-долгое время спокойно. У меня и у Рамона. Я это знаю, чувствую, нам даже разговаривать мысленно не нужно, чтобы это понять. Попадающиеся нам вервольфы нас не останавливают, и это тоже хорошо. Закатное солнце окрашивает белые стены в золото, согревая своими теплыми лучами. Воздух свободы кружит голову, когда все волнения остаются за спиной. Даже не верится, что мы выиграли, но мы выиграли. Вырвали у судьбы собственное счастье.

«Спасибо», – просто шепчу я мысленно.

«Это стало возможно только благодаря тебе».

«Но я волновалась».

«Знаю, пепя. Больше никаких волнений. Только приятности».

Зен догоняет меня на крыльце и складывает руки на груди.

– Благодарю тебя, Венера. От имени всех джайо.

– Я, кажется, теперь тоже джайо, – улыбаюсь и подмигиваю парню. – Рамон, меня к чудесам света не причислят?

– Нет, а надо бы. Ты мое чудо.

– У-а-а-а, – подает «голос» Сара и тянет руки к отцу, который с радостью забирает ее у меня.

– И ты чудо, малышка. Поехали домой.

ЭПИЛОГ

Два года спустя Венера

Я приложила ладонь ко лбу, из-за яркого тропического солнца было сложно рассмотреть приближающийся самолет. Но слух меня не обманул: джет снижался, чтобы сесть на нашем острове.

– Папа прилетел, – говорю я играющей на песке Саре. – Поедем встречать?

Обычно дочь не оторвать от создания песочных скульптур, она просто фанат пляжа и океана, но больше пляжа она любит отца. Кажется, малышка любит Рамона даже больше, чем меня! Вот и сейчас вскакивает, вытирает руки о белое платице и несется к лестнице, ведущей в дом.

– А как же мамочка? – кричу ей вслед.

– Догоняй! – раздается мне в ответ.

Это хорошо еще, что она не перекинулась, а то в первый год ее жизни были прецеденты. Сара тогда смекнула, что, когда она волчонок, у нее четыре лапы, которые слушаются ее лучше, чем человеческие ноги, и пользовалась этим при каждом удобном и неудобном случае. Пришлось показывать ей преимущества человеческого облика, но мы с Рамоном справились. Например, объяснили, что обниматься лучше руками, а не лапами.

Наверное, мы были теми сумасшедшими родителями, которые читали множество книг, научных статей и даже консультировались с детским психологом, желая, чтобы наш ребенок вырос здоровым и счастливым. Собственно, психолог нам и сказал, что счастливый ребенок вырастает у счастливых родителей, а мы с Рамоном были просто невероятно, невообразимо, до мурашек счастливы.

Конечно, в начале пришлось это счастье построить, и все наладить. Например, разобраться со СМИ. Весь мир сходил с ума, когда увидел запись волшебного исцеления Альваро. Волчий Союз тут же сориентировался и начал давить на то, что запись фальшивка. В итоге мне, точнее, нам с Рамоном, пришлось участвовать в нескольких

пресс-конференциях, чтобы опровергнуть их слова. Но Вэ-Эс больше не имел такой силы. Рауля арестовали, Ранеш подался в бега, остальных решили их привилегий и, кажется, замучили всякими проверками. В общем, Волчьему Союзу теперь было не до нас.

Рамон поначалу опасался их мести. Он не говорил об этом в открытую, но я иногда считывала его чувства и даже мысли. А может, мой любимый просто не привык жить иначе. Со временем он начал расслабляться, и с каждым днем я все чаще и чаще ловила его улыбки. Сам же Рамон называл себя счастливейшим мужчиной в мире. Мужем и отцом. Не знаю насчет счастья, но, со своей стороны, я могла сказать, что он был лучшим отцом для нашей крошки и мужем для меня.

За два года мы успели пожить в Вилемее, в Легории, в Нельском княжестве и даже на архипелаге джайо. Мы искали свой дом. В Вилемее мне было слишком жарко, в Легории Рамону слишком депрессивно и сыро, а в Нельском княжестве слишком много журналистов. Джайо мы предпочитали проводить короткими визитами, потому что, несмотря на близость к природе и к первозданной магии предков, мы с Рамоном не могли и не хотели отказываться от благ цивилизации. В итоге мы вернулись сюда, на острова, принадлежащие ему. Сначала – чтобы отдохнуть от всего мира, а после поняли, что нам не очень хочется улетать.

Здесь нравилось Рамону, здесь нравилось мне, а Сара просто влюбилась в белый песок и спокойный океан, в леса, в которых можно было бегать волчонком, в свою большую комнату с окнами на восток. Просыпалась эта непоседа вместе с солнышком. Вот и сейчас ускакала по деревянной лестнице, ведущей к особняку. Как будто ей моя помощь и не нужна вовсе.

– Иди, я здесь все соберу, – кивает мне Альваро, складывая плед. Наша бесменная нянька для Сары. Точнее, одна из. Есть еще Кристина, легорийка с медицинским образованием и самыми лучшими рекомендациями. Ее нанял Рамон в порыве «для дочери все самое-самое», даже переманил у каких-то аристократов из Нельского княжества. Кристина отработывала каждый вложенный в нее крайт, она искренне влюбилась в нашу малышку, но была в меру строгой. Если из отца и Альваро Сара веревки вила, даже из меня иногда, то с Кристиной такие номера не срабатывали. В общем, они были одинаково упрямы.

Может, поэтому Альваро все никак не мог добиться расположения девушки. Она считала, что они коллеги и ничего кроме. Но я в него верила. В конце концов, так получилось, что меня и Рамона окружали исключительно счастливые пары. Кто-то называл это волшебством, кто-то ссылался на квантовые поля, но факт оставался фактом. Хантер и Алиша. Доминик и Чарли. Зен и Мишель. Даже Микаэль с Сиенной окончательно помирились. Мы узнали об этом, когда встретили их на архипелаге. Брат Рамона с женой решили тоже посетить уникальное место и, получив разрешение Ману, отправились туда изучать местные обычаи. Поездка вылилась во второй медовый месяц, они до конца разобрались в отношениях, и Сиенна больше не косилась на моего мужа и теперь была увлечена своим.

Я поднялась по лестнице неторопливо, потому что знала, что спешить некуда: самолет только-только заходил на посадку, а ехать нам недалеко. Дочь же чуть ли не плясала возле открытого внедорожника.

– Мам, быстрее! – топнула Сара ножкой и с грозным видом забралась в салон.

– Куда ты так торопишься? – улыбнулась я, занимая место за рулем и заводя мотор.

– Соскучилась.

– Вы же всего пару недель не виделись.

– Две недели! – рычит маленькое чудовище.

Хоть я и подтруниваю над нетерпеливостью дочери, я понимаю ее чувства. Сама по нему соскучилась, мы нечасто расстаемся на недели. Но как у официального представителя интересов джайо, у Рамона много работы. Он посредник между жрицами и остальным миром, и потрясающе справляется с этой ролью. У меня тоже сейчас много работы, хотя я бы скорее назвала это самопознанием. Я изучаю свою силу, учусь использовать магию без дополнительного стимулирования вроде стрессовых ситуаций. Хочу со временем помогать с ее помощью человечеству и вервольфам. Но это в будущем. К счастью, у меня есть мой истинный, который ни с чем меня не торопит. Вместе мы передаем миру знания, которыми с нами делится Ману, и получаем благодарность всех джайо. Мы защищаем их, а они своей незримой поддержкой оберегают нас.

Сегодня не было дождя, поэтому дороги не размыло, и мы с Сарой добираемся до аэродрома минут за пятнадцать. Проезжаем

через город, жители которого для меня теперь как родные, они останавливаются и машут нам с дочерью. Кстати, благодаря моей популярности на весь мир, платки с острова разлетаются по достойной цене. Настолько достойной, что их создательница построила себе дом побольше. Этой заслугой я сильно горжусь.

Рамон уже спустился по трапу из самолета, и, стоило мне затормозить, Сара рванула к нему. Муж подхватил малышку на руки и закружил, пока я просто любовалась воссоединением отца с дочерью. Когда первый восторг встречи схлынул, и Сара повисла на Рамоне, как мартышка, он направился ко мне.

«Здравствуй, любимый».

«Привет, пеп».

«Соскучился?»

«Ужасно».

Он подходит ко мне, наклоняется и целует, так горячо, как будто мы не расставались. У меня даже колени подгибаются от сладости и силы этого поцелуя. Малышку он так не отпустил, так что она недовольно ерзает.

– Я вас слышу! – заявляет она.

– Подслушиваешь? – Рамон отстраняется и щекочет Сару, которая в ответ заливисто смеется.

– Вы громко думаете, – не растерялась смышленная дочь.

Сара меня удивляла с каждым днем: умна не по годам, способная, схватывающая все на лету. И она учила нас с Рамоном любви. Мы учились этому вместе.

Когда-то я мечтала об истинном, потому что считала, что в истинных парах все идеально. Но идеально не было, потому что ни я, ни Рамон не были идеальными. Иногда мы спорили как растить дочь, иногда раздражались, когда уставали, иногда требовали немного пространства, чтобы побыть в одиночестве. Но неизменно приходили друг к другу, сплетались в объятиях и разговаривали без слов.

Когда-то я мечтала о семье, но выходит, что я мечтала о любви, которая теперь рождалась во мне, и мне было кому ее дарить.

«Думаешь о нас?» – Рамон подмигивает мне.

«Думаю, как реализовать твоё желание».

Взгляд мужа становится горячим, просто огненным, и я мысленно смеюсь.

«Какое из них?»

«О большой семье».

Устремленный на меня взгляд меняется: Рамон смотрит на меня с такой глубиной, с благодарностью, как на самую лучшую в мире женщину. По коже тут же струятся искорки возбуждения, а в моем воображении вспыхивают картинки того, как именно мы будем стараться увеличивать нашу семью.

«Ты и есть лучшая, любимая».

– О чем вы? – требует ответа все еще подслушивающая дочь.

Рамон усаживается в джип и устраивает крошку на коленях, заглядывает ей в глаза.

– Сара, как ты смотришь на то, чтобы у тебя появился братик или сестренка?

– Поло-жи-тельно, – кивает дочь, она пока с трудом выговаривает такие длинные слова. – А вы будете меня любить?

– Конечно, родная, – целует ее в щеку Рамон, а потом снова целует меня, устроившуюся за рулем. – У нас хватит любви на всех. На весь мир.

– Не надо весь мир, – дочь насупилась, – люби меня, маму и братика.

Мы смеемся, и Рамон сжимает мою ладонь. А я понимаю, что нашей любви точно хватит не только на весь мир. Но и на всю Вселенную.

Конец